

**А. Гертсос, И. Николопулос,
Ю.Д. Пряхин**

**РАДИ
УСТАНОВЛЕНИЯ
ИСТИНЫ**

**О некоторых аспектах книги
Г.А. Гребенщиковой
«Черноморский флот
в период правления
Екатерины II»**

УДК 355.469
ББК 63.3 (2) 622.11
Б 908

А. Гертсос, И. Николопулос, Ю.Д. Пряхин

Б 908 «Ради установления истины». О некоторых аспектах книги Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II». СПб: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2013. — ??? с.

ISBN 978–5–904180–74–4

Книга посвящена анализу многочисленных ошибок, допущенных Г.А. Гребенщиковой при изложении истории действий каперской, а затем российской императорской флотилии под командованием Ламброса Кацониса в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

ISBN 978–5–904180–74–4

© А. Гертсос,
И. Николопулос,
Ю.Д. Пряхин, 2014

В 2012 г. вышла в свет двухтомная книга доктора исторических наук, профессора Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II»¹. Издание в полиграфическом отношении выполнено на высоком уровне, хорошо иллюстрировано, написано понятным, доступным языком. На первый взгляд, автор проделала значительную работу, основывающуюся на анализе множества архивных и нескольких, уже опубликованных документов. Все это, несомненно, вызывает уважительное отношение к данной книге у людей, недостаточно знакомых с давно известными исследованиями по истории российского флота. Не случайно, что многие искренне считают автора рассматриваемого труда первооткрывателем ранее не изученного должным образом периода истории флота России. Тем более, что фигурирующая в книге историография данной темы дает основания так считать.

Но в действительности, при внимательном чтении этого красочного издания, которое преподносится в качестве монографии, охватывающей значительный исторический период и затрагивающей широкий круг вопросов, сразу же бросается в глаза именно то, что историография темы изложена крайне скудно, фактически на двух страницах, то есть, только формально обозначается. В результате содержание ранее опубликованных работ предшественников-исследователей по данной теме не раскрывается, не характеризуется и не анализируется. Такое положение и делает автора «монографии», в глазах читателей, первопроходцем и своеобразным «монополистом» по этой проблематике, что абсолютно не соответствует истине. Ибо в большинстве случаев Г.А. Гребенщикова касается тех вопросов, которые не единожды изучались, рассматривались, подвергались анализу ее предшественниками, различными исследователями в нашей стране и за рубежом. Работы многих из них публиковались в отечественной исторической литературе, начиная со второй половины XIX века. Но почему-то автор «монографии» предпочла их не вспоминать. Более того, даже к работам, указан-

¹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. В 2 т. СПб, 2012.

ным ею в «списке источников и литературы», Г.А. Гребенщикова на страницах своей книги обращается гораздо реже, чем это следовало ожидать в монографии профессионального историка. Поэтому складывается обоснованное впечатление, что и данные публикации фигурируют в списке только для проформы. Целый ряд важных трудов вовсе выпал из поля зрения автора. Например, научный анализ текста ее книги показывает, что действительное соотношение неизвестных архивных и опубликованных документов отличается от того, которое преподносится Г.А. Гребенщиконой неподготовленному читателю.

Проиллюстрировать сказанное можно на примере предлагаемого автором описания личности и деятельности, заслуг известного грека — российского офицера Ламброса Качониса. Приходится сразу же сказать, что при оценке этой исторической личности, национального героя Греции, Г.А. Гребенщикова допустила множество искажений, фактических и логических ошибок, скатилась до оскорбления и унижения памяти героя греческой нации, полковника российского флота и кавалера. Причем, не только в книге, но затем и в интервью популярной и старейшей газете Санкт-Петербурга, а также в своем послании в Афины, руководству Центра Греко-Российских исторических исследований (КЕРИЕ), в котором она призывала «достойно принять эту правду». При этом Галина Александровна, не задумываясь, отмечает широко известное письменное мнение главнокомандующего Г.А. Потемкина, государственные оценки личности, деятельности и заслуг Ламброса Качониса, данные Екатериной II, а также результаты исследований различных историков, изложенные в многочисленных публикациях, в статьях энциклопедий, в книгах, изданных в России и Греции, в других странах за минувшие два столетия. Трудно избавиться от мысли, что все оскорбительное и надуманное, написанное Г.А. Гребенщиконой о Л. Качонисе, имеет только одну цель — заявить о себе, произвести научную сенсацию, преподнести грекам и россиянам «горькую правду», якобы обнаруженную ею, развенчать героя. Она убеждена, что, исходя из содержания ее публикаций и заявлений, «рушится образ» героя и проявляется лик преступника, бандита, пирата, который «приписал себе» «храбрые поступки» и боевые действия других людей².

Как ни странно это смотрится, но в работе доктора наук вся

² Гребенщикова Г.А. Указ. соч. Т. 2. С. 98.

историография данного вопроса изложена всего в двух строках. Причем, из тех «диссертаций, книг и монографий», на которые намекает автор, фактически указана лишь одна работа — Ю.Д. Пряхина, и лишь через 292 страницы мы находим еще одну публикацию, написанную, по словам Г.А. Гребенщиконой, «неким С.А. Качони — видимо, потомком» Л. Качониса³. Между тем, речь она ведет о достаточно известном русском писателе начала XX века Спиридоне Александровиче Качионе, правнучке Л. Качониса, опубликовавшем в 1911 году в журнале «Исторический вестник» статью «Пират-Витязь» о своем героическом прадеде⁴. Наконец, в тексте книги Г.А. Гребенщиконой фигурирует С.А. Качони, а в сноске С.А. Качионе, причем, такое разночтение автором не поясняется. Сказанное выше может служить убедительным доказательством весьма слабого знакомства Г.А. Гребенщиконой с предшествующей литературой по предмету своего исследования.

Кроме того, подготовленному читателю бросаются в глаза особенности оформления ссылок на упомянутые публикации. В первом случае ссылка оформлена не в соответствии с ГОСТами, однако она полностью идентична ссылке на ту же работу Ю.Д. Пряхина в книге Н.В. Скрицкого «Корсары России», которая включена Г.А. Гребенщиконой в «список источников и литературы». Между тем, упомянутая работа Ю.Д. Пряхина книгой, как можно подумать, в действительности не является, а представляют собой лишь тезисы доклада на научной конференции⁵.

Таким образом, только двумя названными публикациями, видимо, и исчерпывается известная автору историография вопроса. Между тем, не считая трудов, в которых Л. Качонис упомянут лишь вскользь, к моменту издания книги Г.А. Гребенщиконой, уже было опубликовано несколько крупных работ Г.Л. Арша, С.Д. Климовского, Ю.Д. Пряхина, А.Г. Сацкого. В Греции Дикеоса Ваякакоса, Паноса Стаму, группы авторов труда «История греческой нации» и др. В них достаточно подробно излагаются: события 1787–1791 гг.,

³ Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Качонис (Качони) в боевой летописи флота России // Греки в истории России. СПб, 1999; Качионе С.А. Пират-витязь // Исторический вестник. 1911. Октябрь. С. 195–212.

⁴ См. например: Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис в истории Греции и России. СПб, 2004. С. 118–119; он же. Ламброс Качонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб: Петрополис, 2011. С. 216–217.

⁵ Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Качонис (Качони) в боевой летописи флота России // Греки в истории флота России. Тезисы докладов на международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15–16 апреля 1999. СПб, 1999. С. 67–71; Скрицкий Н.В. Корсары России. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 110, 406.

боевая деятельность Ламброса Кацониса и другие вопросы, которые теперь, спустя многие годы, рассматриваются во втором томе книги Г.А. Гребенщиковой⁶. Вместе с тем, существует целый ряд других работ, освещающих данный период истории, события, связанные с Л. Кацонисом в более общем виде⁷. Наконец, издано несколько научно-популярных и популярных книг, в которых также немало страниц посвящено деятельности Л. Кацониса⁸. Но об этом Г.А. Гребенщикова предпочитает умалчивать.

Насколько можно судить по тексту книги Г.А. Гребенщиковой, с большинством этих работ она просто не знакома. Иначе трудно объяснить множество грубых ошибок, искажений допущенных автором, ее неумную фантазию при описании событий, многократно исследованных и упомянутых в литературе, постоянное стремление ссылаться только на архивные документы даже в тех случаях, когда они давно опубликованы, введены в научный оборот и неоднократно использовались другими авторами.

Очевидно, также, что в книге Г.А. Гребенщиковой, особенно там, где речь идет о Л. Кацонисе, немало фальсификаций. Имеет место целенаправленное искажение событий, умалчивание и передегеривание фактов, неприкрытая предвзятость в отношении Ламброса Кацониса. Возможно, причина этого та, что многие факты и события, изложенные в архивных документах, должным образом, всесторонне автором не осмыслены, глубоко не проанализирова-

⁶ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб.: Алетейя, 2004; Сацкий А.Г. Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология. 2006. № 6; Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. СПб.: Алетейя, 2008. С. 168–199; Арш Г.Л. Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море, попытка освобождения Греции (1788–1792) // В интерьере Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достяна. М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 117–140; Климовский С.Д. Корсар Ламбро Качони и русские крейсерские флотилии на Средиземном море (1788–1791) // Гангут. № 59. СПб., 2010. С. 23–40; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов. СПб.: Петрополис, 2011; Дикеос Ваякаос. Ламброс Кацонис и Мани. Афины, 1994; Панос Стаму. Ламброс Кацонис. Афины, 2011.

⁷ Арш Г.Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: «Наука», 1970. С. 87–92; он же. Греция после Кючук-Кайнарджийского мира // История Балкан: век восемнадцатый. М.: «Наука», 2004. С. 456–460; Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Кацонис (Качони) в боевой летописи флота России // Записки историко-филологического товарищества Андрея Белецкого. Вып. 1. Киев, 1997. С. 177–180.

⁸ Земляниченко М.А. Ливадия доимператорская: от отважного корсара Кацониса до польского аристократа Потоцкого. Симферополь, 2010. С. 8–13; Широкопад А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой: Звездный час русского флота. М., 2006. С. 310–350; он же. Русские пираты. М., 2007. С. 82–96; Скрицкий Н.В. Корсары России. М., 2007. С. 128–132 и другие.

ны, не увязаны с конкретной обстановкой, не отражают понимания реалий войн того периода. Хотелось бы надеяться, что именно это, а не какие-то особые причины и обстоятельства, создали предпосылки и условия для грубейших ошибок, осознанных искажений и оскорбительных фантазий автора — доктора наук.

Исходя из всего вышеизложенного, проанализируем, опираясь на архивные документы и исследования историков, предшественников Г.А. Гребенщиковой, содержание текста второго тома ее «монографии», касающееся непосредственно личности, деятельности и заслуг Ламброса Кацониса, а также действий, под его командованием, российской императорской флотилии в Средиземноморье.

КАМПАНИЯ ЛАМБРОСА КАЦОНИСА 1788 ГОДА (в статусе капера)

Она началась выходом из Триеста 28 февраля фрегата «Минерва Северная» под российским военным флагом в свой первый боевой поход «корсировать против турков», который завершился в конце октября, после 8-месячных активных и весьма успешных каперских действий на морских коммуникациях Средиземноморья, в Архипелаге. В Триест на ремонт, для восстановления боеспособности, для отдыха личного состава вернулся не один корабль, а прибыл уже отряд каперских судов в составе 9 единиц, созданный и руководимый Ламбросом Кацонисом. К сожалению, автор монографии полностью исказила, фальсифицировала, несмотря на имеемые архивные данные и материалы многих исследователей, подготовку, содержание, ход и результаты данной боевой кампании.

У думающего читателя вызывают вопросы уже первые строки повествования о Ламбросе Кацонисе, его деятельности, где видны явные неточности, многие домыслы автора. Так, раскрывая службу грека-офицера «под начальством контр-адмирала Н.С. Мордвинова» в 1787 г. (С. 105), Г.А. Гребенщикова не поясняет, когда началась и что это была за служба, как в ходе ее зарекомендовал себя Л. Кацонис? В связи с чем он решил через голову своего начальника подать светлейшему князю Г.А. Потемкину рапорт «о решении направиться в Архипелаг» и почему Г.А. Потемкин этот рапорт удовлетворил? На что рассчитывал арматор (лицо, снаряжающее судно), выезжая за границу, по словам автора, без средств на приобретение и вооружение подходящего для каперства корабля?

При всем этом, читателям остается непонятным, из каких источников черпала Г.А. Гребенщикова преподносимые в книге сведения, на самом деле, не отвечающие реальности. Видимо, не случайно эта, важная, начальная часть ее повествования не сопровождается ссылками на литературу и архивные источники.

Далее Г.А. Гребенщикова неожиданно перескакивает в 1790-е гг., якобы для «более ясного понимания дальнейших событий». Однако вместо разъяснений вводит читателя в заблуждение, утверждая, будто по окончании войны с Турцией императрица Екатерина II «повелела создать специальную комиссию “О рассмотрении архипелажских дел” — комиссию для рассмотрения действий арматоров, плававших в Архипелаге под российским флагом». Примечательно, что буквально через две строки автор дает пояснение, что комиссия создавалась с целью «свидетельства щетов и рассмотрения претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну». Однако в своем письме в Афины генеральному секретарю Центра Греко-Российских исторических исследований (КЕРИЕ) Паносу Стаму Г.А. Гребенщикова, видимо, с целью утверждения своих позиций, унижающих и оскорбляющих героя Греции, идет на прямую фальсификацию. Она пишет: «В РГАВМФ хранится объемное, более 1000 листов следственное дело по преступлениям Кацони — РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34».

Вместе с тем, знакомство с этим фондом позволяет утверждать, что упоминаемая Комиссия, согласно описи ее дел, рассматривала преимущественно прошения моряков флотилии, которой командовал Л. Кацонис, о выплате им жалования и возмещении убытков⁹. Именно таковыми являются дела по претензиям братьев Ликардопуло, Анагности Андрианопуло, Паскалия Кассими, Павла Сердени, Страти Никифораки, Фили Паскалии и многих других подчиненных Л. Кацониса. Основной причиной тому было поражение флотилии в сражении с турками, потеря ее моряками всего имущества и необходимость длительное время скрываться от преследования турецких властей, что не позволило урегулировать подобного рода вопросы обычным порядком. Находится среди названных документов и то самое дело под № 34, заведенное по обращению Л. Кацониса, рассчитывавшего получить компенсацию за

⁹ Комиссия действовала с 5 мая 1794 г. по 4 апреля 1798 г. По завершении работы она передала в «Государственный архив старых дел» 190 дел, в настоящее время Ф. 150 содержит 141 дело.

издержанные им на вооружение судов средства, за потери судов и другие траты. Вместе с тем, некоторые дела возбуждались также по ходатайству лиц, служивших при генерал-поручике И.А. Заборовском, контр-адмирале С.С. Гибсе, генерал-майоре В.С. Томаре, требовавших выплаты недополученного ими жалования. Имеются и дела с финансовыми претензиями различного рода частных лиц, которые особо выделяет Г.А. Гребенщикова. Действительно, это также имело место, но количество подобных дел не было преобладающим в материалах Комиссии. Следует при этом заметить, что нередко просьбы и жалобы указанных просителей были сомнительными, обоснованность их не подкреплялась документами, поэтому большая часть претензий была отклонена.

Так, например, В.С. Томара писал по поводу долгов Л. Кацониса: «Оказались безденежные г. Ламбро векселя и ложные за ограбление судов претензии... Знатная часть из претензий некоторых кредиторов, в том числе и Пластары, признаны мною несправедливою». Настойчивость кредиторов Л. Кацониса он объяснял тем, что «в Петербурге», т.е. при Высочайшем дворе, сочли нужным полностью удовлетворить «несправедливые претензии с процентами купцов Пластаро», после чего остальные заимодавцы с жалобами «начали адресоваться прямо ко двору». Н.С. Мордвинов в письме графу П.А. Зубову, от 15 сентября 1794 г. спрашивал: «когда вознамерились тайными ухищрениями отнять начальство флотилии у Ламбро-Качиони и посадили его в тюрьму в Триесте, то ложные векселя, им подписанные в тюрьме, должны ли, по совести, на счет наш поставлены быть? Долги истинные, как известно нам, весьма были малые и составляли малую часть цены, что стоила флотилия»¹⁰. Поэтому утверждение Г.А. Гребенщиконой, что причинами создания Комиссии 1794 г. являлись «произвол» арматоров и жалобы на их действия — домысел автора. Действительность же была куда более сложной и противоречивой.

На той же странице Г.А. Гребенщикова берется «изобличить ложь» Кацониса, который, якобы, в 1788 г. «отправил донесение в Херсон» (?!), что он на «собственный кошт» якобы вооружил 20-пушечный фрегат «Минерва Северная». Опровергая это, автор заявляет, что позднее, «в ходе судебного разбирательства над ним (которого не было — *Авт.*)», Л. Кацонис признался, что «на вооружение флотилии он получал деньги как от казны, так и за счет

¹⁰ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 373, 379, 577.

«иждивения частных людей»», а о снаряжении за свой счет уже не говорил. Примечательно то, что Г.А. Гребенщикова здесь явно запуталась, ссылаясь при этом на опубликованное в сборнике документов «Материалы для истории русского флота» (Ч. XIII. С. 252), письмо Л. Кацониса «Мордвинову» в Херсон от 23 апреля 1788 г. с о. Цефалония (Кефалиния), трактуя его как письмо к адмиралу Н.С. Мордвинову, хотя в действительности данное письмо было направлено полномочному министру России в Венеции А.С. Мордвинову, старшему брату адмирала. При этом автор книги никаких попыток проанализировать его не предпринимает. Более того, она даже не задается вопросом, каким образом соотносится утверждение Л. Кацониса о вооружении фрегата в Триесте и упомянутое ею «вооружение флотилии». Между тем, эти понятия серьезно различаются, и трудно не увидеть этой разницы, особенно если проанализировать документ, на который Г.А. Гребенщикова ссылается. Ведь в нем речь идет также и о начале формирования каперской флотилии из захваченных Л. Кацонисом судов «под турецким флагом», об их вооружении на о. Цефалония. Заметим, что право собственности Л. Кацониса, по крайней мере, на часть захваченных им судов, впоследствии было официально признано Комиссией, об этом говорится, например, в бумагах адмирала Н.С. Мордвинова, лица непосредственно заинтересованного и посвященного во все детали происшедшего¹¹. Крайне странно, что это оспаривается Г.А. Гребенщиконой (С. 389), тем более, без должного обоснования.

Рассуждая далее о том, будто Л. Кацонис «в ходе следствия»(!) признал, что его флотилия «находилась на положении арматоров», а потому он обязан был часть призовых денег отчислять в казну (С. 107), Г.А. Гребенщикова при этом цитирует «Правила о партикулярных корсарах», которые предусматривали залог в сумме 20 000 руб., являвшийся условием выдачи арматору патента. Однако внес ли Л. Кацонис данный залог, где взял такую, весьма значительную по тем временам сумму и почему у него не оказалось затем средств на приобретение судна, Г.А. Гребенщикова не поясняет, так же как не поясняет и того, регулировались ли действия Л. Кацониса этими правилами и если да, то с какого времени и в какой мере, или же ему были выданы особые инструкции. Вообще вопрос о тех основаниях, на которых Л. Кацонис законно, в интересах России действовал в водах Средиземного моря, Г.А. Гребенщиконой по сути не

рассматривается, хотя материалы, позволяющие отчасти ответить на него, опубликованы более столетия тому назад¹².

Из этих материалов известно, что майор Л. Кацонис отправился в Триест не как капер на службе государства, а в качестве своего рода наемного капитана на службе частной компании, созданной Н.С. Мордвиновым, его зятем майором Ф.И. Марковым, полковником С.И. Бентоном и коммерсантом Б. Скадовским. Видимо, выдача каперского свидетельства Л. Кацонису состоялась по ходатайству Н.С. Мордвинова, о каком-либо залоге в известных документах не упоминается. Покупка же судна в Триесте и вооружение производились, по словам Н.С. Мордвинова, отчасти на средства компании. Из бумаг, опубликованных в «Архиве графов Мордвиновых», видно, что деньги (7142 венских флорина) передавались Л. Кацонису через триестского банкира В. Каваллара, но они покрывали лишь половину расходов, что вынудило майора привлечь средства других кредиторов. Такая мера, собственно, и позволила снарядить «Минерву Северную». Возможно, именно это обстоятельство и дало Л. Кацонису основание говорить о снаряжении «собственным коштом». После войны, 13/23 марта 1792 г.¹³ В.С. Томара писал А.С. Мордвинову: «Видя из письма Вашего Превосходительства, от 6/17 сего течения <Так!>, что вооружение флотилии в Триесте полковника Ламбра составлено было на кошт брата вашего Николая Семеновича (что в отношении флотилии неверно. — *Авт.*), крайне сожалею, что до сих пор не был уведомлен о сем ни от брата вашего, ниже от вас...»¹⁴ Надо сказать, что соответствующие события еще в 2006 г. описал А.Г. Сацкий¹⁵.

Государство, видимо, в кампанию 1788 г. не претендовало на какое-либо реальное руководство действиями Л. Кацониса, потому что до его выхода в море никто не мог знать, каковы будут результаты «корсерства». После выхода «Минервы Северной» в каперский поход, ни Петербург, ни прибывший к лету 1788 г. в Триест И.А. Заборовский не располагали возможностями для управления действиями майора в море. Поэтому замечания автора книги по поводу несоблюдения им каких-либо правил в тот период оказываются явно надуманными.

¹² Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 175, 528; Т. 2. СПб, 1901. С. 460, 463.

¹³ Такова датировка письма.

¹⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 176.

¹⁵ Сацкий А.Г. Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология. 2006. № 6.

¹¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 461.

Дальнейшее повествование Г.А. Гребенщиковой опирается на ряд ошибочных заключений, что окончательно исказило, в ее изложении, ход каперской боевой кампании не только 1788, но и 1789 годов, заставило автора фантазировать, фальсифицировать ход событий. Началом всего этого явилась грубая ошибка автора, которая угнездилась на С. 108–110 книги. Здесь, Г.А. Гребенщикова цитирует, якобы, донесение генерал-поручика И.А. Заборовского Г.А. Потемкину от 23 апреля 1788 г., в котором речь идет о том, что флотилия Л. Кацониса вышла в море из Триеста 8 апреля. В действительности же, не флотилия, а одна «Минерва Северная», вышла тогда в корсарский поход, и не 8 апреля, а 28 февраля. Приведенное же «донесение» 1788 года на самом деле — документ 1789 года, причем, адресованный другому лицу. Ссылается Г.А. Гребенщикова при этом на РГАВМФ, хотя документ с аналогичным текстом, хорошо известен, был опубликован еще в МИРФ (Часть XIII, СПб., 1890. С. 508) и является на самом деле письмом И.А. Заборовского графу А.А. Безбородко, от 12 апреля 1789 г. Как можно было так грубо ошибиться доктору наук — непонятно. Ведь этот документ 1789 года не раз фигурировал в работах других авторов, в частности Ю.Д. Пряхина, А.Г. Сацкого.

Если рассмотреть архивный документ, на который ссылается Г.А. Гребенщикова, то оказывается, что адресат в нем не указан, но автор обращается к нему: «Сиятельный Граф», а в последних строках послания пишет: «Вашего Сиятельства». Уже только титулование адресата не «светлостью», а «сиятельством» означает для подготовленного историка, что им не может являться светлейший князь Г.А. Потемкин. Помимо этого, в самом начале документа есть помета «24 дня 789», а в конце указана дата «12/23 апреля 1789»¹⁶. Таким образом, мы имеем дело именно с письмом И.А. Заборовского графу А.А. Безбородко от 12 апреля 1789 г.

Непонятно, как случилось, что доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова при таких обстоятельствах не смогла правильно опознать адресата письма, его датировку? Это остается загадкой, тем более удивительной, что на С. 104 своей книги она ссылается на опубликованное в «Материалах для истории русского флота» другое письмо И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 5 июля 1788 г. В этом письме И.А. Заборовский также называет адресата «В.С.», т.е. здесь «Вашим Сиятельством» (титулование в обращении гене-

рал-поручика к фельдмаршалу, светлейшему князю Г.А. Потемкину выглядит маловероятным). Трудно понять, почему письмо И.А. Заборовского А.А. Безбородко от 12 апреля 1789 г. не было обнаружено Г.А. Гребенщиковой в МИРФ, хотя страница с этим документом фигурирует там же, в «Алфавитном указателе имен личных», при перечислении бумаг, касающихся «Качони Ламбро» (Ч. XIII. С. 728). Возможно, Г.А. Гребенщикова не работала с данным сборником, воспользовавшись чьими-то выписками, но не самим изданием, что могло исключить такого рода промах и не привело бы в дальнейшем к надуманному изложению исторических событий.

В пользу последнего предположения говорит и то, что знакомство с материалами МИРФ позволяет составить представление о перемещениях И.А. Заборовского. Так, становится понятным, что направлен он был в Триест, о чем говорит указ императрицы Екатерины II адмиралу С.А. Грейгу от 14 марта 1788 г. (МИРФ. Ч. XIII. С. 250), причем, на момент издания этого указа И.А. Заборовский на место назначения еще не выехал. Первым же его посланием из Европы, которое и опубликовано в МИРФ, оказывается упомянутое выше письмо от 5 июля 1788 г. — из Триеста (МИРФ. Ч. XIII. С. 282). Что же касается Флоренции, то оттуда генерал послал свое письмо от 12 апреля 1789 г., и, судя по всему, годом ранее, вопреки утверждениям Г.А. Гребенщиковой, он в этом городе еще не был.

Ошибочная датировка документа Г.А. Гребенщиковой повлекла за собой целую цепь других искажений. Прежде всего, Г.А. Гребенщикова обвиняет Л. Кацониса в нарушении «четких инструкций, как ... действовать в Архипелаге», которых фактически на момент его выхода в море (28 февраля 1788 г.) не существовало. Затем она приписывает все, упомянутые в донесениях Л. Кацониса, захваты судов, в том числе весной 1788 г., мальтийскому моряку Гульельмо Лоренцо. Хотя он в каких-либо боевых действиях в составе российской казенной флотилии, тем более в качестве ее командующего, в 1788 году участвовать не мог, и это подтверждают архивные документы, да собственно и сама книга Г.А. Гребенщиковой. Поэтому постоянный домysel, фантазии и явная предвзятость автора поражают.

Фактически упомянутый Г.А. Гребенщиковой рескрипт Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу (С. 105), в котором речь идет лишь о намерении сформировать казенную флотилию, поручив командование ею Г. Лоренцо, датирован 5 июня 1788 года. В уже названном выше письме генерала И.А. Заборовского А.А. Безбородко от

¹⁶ РГАВМФ Ф. 197. Оп. 1. Д. 63. Л. 168–168 об.

5 июля 1788 г. говорится о двух, купленных «г. Псаро» фрегатах, предназначенных для «корсерства», но ни слова не сказано о Г. Лоренцо, а предполагаемым командующим назван «капитан Войнович» (Егор Васильевич Войнович).

Между тем, сама привязка каперских действий Л. Кацониса к кампанию 1788 г. к ошибочно датированному автором книги донесению генерала Заборовского, а следовательно, и к выходу в море «Минервы Северной» 8 апреля 1788 г. создает анахронизм – получается, что уже за несколько дней до выхода в боевой поход – 21 марта Л. Кацонис ухитрился захватить в море, гораздо южнее Триеста, рагузское торговое судно (С. 112), что навлекло затем на него серьезные неприятности. Удивительно, но автор книги проигнорировала целый ряд широко известных документов того периода, прежде всего, письмо майора Л. Кацониса главнокомандующему Г.А. Потемкину, от 28 февраля 1788 г., в котором определенно говорится: «Сего числа отправился я корсировать...» Что помешало Г.А. Гребенщиковой найти и принять во внимание этот и другие важные документы, характеризующие события 1788 года, остается непонятным. Можно лишь предполагать, что они просто не вписывались в задачу развенчания героя греческой нации.

Не смущает Г.А. Гребенщикову и противоречие в утверждении, будто в 1788 г. у Л. Кацониса был «всего один 20-пушечный фрегат» (С. 108), а несколькими строчками ниже, в упоминавшемся ею же «донесении И.А. Заборовского Г.А. Потемкину» (на деле же — его письме А.А. Безбородко) говорится о флотилии из 10 судов, которой командовал Л. Кацонис. В действительности слова Г.А. Гребенщиковой об одном фрегате достоверны в отношении первого выхода Л. Кацониса из Триеста 28 февраля 1788 г., но ошибочны в отношении выхода 8 апреля 1789 г., о котором идет речь в упомянутом ею «донесении». Казалось бы, явное противоречие должно было побудить Г.А. Гребенщикову осмыслить привлекаемые материалы, но вместо того она фактически отмахивается от их содержания, списывая возникшее противоречие на ложь Л. Кацониса, а заодно фактически обвиняет во лжи и недобросовестности также и генерала И.А. Заборовского, сообщившего эти, якобы, недостоверные сведения Г.А. Потемкину (фактически же А.А. Безбородко, а через него и Екатерине II).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в МИРФ перед письмом И.А. Заборовского А.А. Безбородко (С. 508) опубликовано письмо Л. Кацониса Г.А. Потемкину из Триеста, от 7 апреля 1789 г.

(С. 507), которое могло бы помочь разобраться с фактической датировкой событий, однако Г.А. Гребенщикова такой подсказкой не воспользовалась. Примечателен и тот факт, что она не видит явного удвоения событий при упоминании выхода в море как флотилии Л. Кацониса, так и Г. Лоренцо, в качестве командира российской флотилии, в 1788 и 1789 гг.

Плохое знакомство Г.А. Гребенщиковой с МИРФ подтверждается неоднократно. Так, когда она на С. 106 пишет, будто Л. Кацонис «в 1788 году отправил донесение в Херсон» о вооружении «Минервы Северной», то, в действительности, говорит об опубликованном в МИРФ (Ч. XIII. С. 252) письме арматора А.С. Мордвинову, от 23 апреля 1788 г., причем, ссылаясь на сборник, точно указывает страницу, но не заголовок документа, и не уточняет, что Л. Кацонис в данном случае упоминает свое предыдущее письмо А.С. Мордвинову, «от 23 прошедшего» (т.е. марта), в котором и говорилось о вооружении судна. Остается только гадать, что помешало Г.А. Гребенщиковой внести ясность в свое изложение. Быть может, она все-таки ориентировалась на чужие выписки? Действительно, если бы Г.А. Гребенщикова обращалась к МИРФ (Ч. XIII), то за две страницы от упомянутого ею «донесения в Херсон» (С. 249) прочла бы письмо Л. Кацониса «князю Потемкину» из Триеста, от 28 февраля 1788 г., в котором определенно говорится, что арматор отправляется в море «сего числа».

Приняв во внимание письмо от 28 февраля 1788 г., Г.А. Гребенщикова могла бы избежать анахронизма при упоминании захвата Л. Кацонисом рагузского судна 21 марта у о. Курцола (к северо-западу от Рагузы, примерно 230 морских милях от Триеста. По времени — это около двух суток хода парусника XVIII в. при хорошем попутном ветре). Заметим, что цитируя донесения дипломатических представителей, в которых упоминался этот захват, она обращается к депешам консула в Триесте С. Варуки, от 25 апреля 1788 г. (С. 112), и посланника в Неаполе П.М. Скавронского (С. 113, последнюю — не датирует). Вместе с тем, она даже не упоминает переписку консула в Рагузе (Дубровнике) А. Джики (Гики), который прибыл к месту службы вскоре после описываемых Г.А. Гребенщиковой событий 1788 года. Насколько можно судить, материалы фонда «Сношения России с Рагузой» АВПРИ ею должным образом не использовались. Между тем, то обстоятельство, что о захвате судна в Петербург сообщал, в частности, посланник в Неаполе П.М. Скавронский, дает основания предполагать, что речь

могла идти захвате судна купцов сицилийской Рагузы, входившей в состав Неаполитанского королевства, а не о судне Рагузинской (Дубровницкой) республики.

В пользу такого предположения говорит и упомянутая самой Г.А. Гребенчиковой переписка вице-канцлера И.А. Остермана с П.М. Скавронским, в которой посланнику поручалось «понудить названного майора к немедленному возвращению вещей и денег» (С. 116). Возвратить он должен был 700 дукатов «капитану Вацетти», командовавшему полякой «Сан Винченсо». Аналогичные поручения давались полномочному министру в Венеции А.С. Мордвинову и полномочному министру при Тосканском дворе (во Флоренции) графу Д. Моцениго. Все трое действовали на итальянских землях и не имели никакого отношения к Рагузской республике, где, как говорилось выше, консулом являлся А. Джика, равно как и к портам, в которые заходил Л. Кацонис.

Однако Г.А. Гребенчикова вовсе не принимает в расчет Рагузу итальянскую. Она пишет (С. 112) о нотах протеста именно со стороны Рагузской республики, которая, по ее словам, подтверждала Петербургу свою «дружественную позицию». Вследствие этого, у неподготовленного читателя складывается представление об этом государстве, как о соблюдавшем в войне дружественный России нейтралитет. Между тем, Рагузская республика, будучи зависимой от Турции, всегда содействовала ей в войнах с Россией. Например, во время войны 1769–1774 гг. российские морские силы в Архипелаге вынуждены были даже сражаться с рагузскими военными кораблями и захватывать их торговые суда. Причем, Г.А. Гребенчиковой об этом хорошо известно, так как в предыдущей книге («Балтийский флот в период правления Екатерины II» (СПб, 2007) она об этом неоднократно упоминает. Однако в рассматриваемой книге она, по неизвестной причине, не сочла возможным предположить, что рагузские купцы зачастую могли, действительно, нарушать нейтралитет и перевозить запрещенные во время войны товары и военные грузы, и российские каперы имели повод их досматривать. Круто изменившаяся позиция Г.А. Гребенчиковой подтверждает лишь одно: она всячески стремилась найти возможность для обвинения «бандита» Ламброса Кацониса в военных преступлениях, в том числе, и в пиратстве, поэтому и ссылалась на любые, даже на мало подходящие для этой цели случаи досмотров рагузских судов и на слухи об их необоснованных захватах.

Между тем, в литературе есть указания на то, что захват Ка-

цонисом рагузских судов имел законные основания. Об этом писал еще в XIX веке исследователь В.В. Макушев, указывавший, что на потерпевших от действий Л. Кацониса судах были турецкие товары, но «республика отговаривалась по-прежнему тем, что шкипера этих судов поступили вопреки ее воле и приказанию, и обещала наказать их, вследствие чего Императрица приказала возратить хозяевам конфискованные суда»¹⁷.

На С. 114 Г.А. Гребенчикова пишет о том, что П.М. Скавронскому «через неделю после инцидента» 21 марта с первым судном «вновь поступила информация о захвате» второго рагузинского судна. Когда и где оно было захвачено, и что это за судно, ею не уточняется. Между тем, далее Г.А. Гребенчикова указывает, что Л. Кацонис уже «24 марта прибыл на Занте» и едва ли майор покинул его сразу же. Заявив, что Л. Кацонис «начал пиратствовать в Адриатике», она повествует о его донесениях Н.С. Мордвинову и Г.А. Потемкину, в которых капер, дескать, описывает свои действия на морских коммуникациях. Что это за донесения, и какого они содержания Г.А. Гребенчикова, почему-то, не уточняет, но при этом заявляет, что сомневается в их правдивости.

В качестве подтверждения «постоянной лжи» капера она ссылается на некое донесение Л. Кацониса, о том, что он произвел «захват 32-пушечного турецкого фрегата у о. Занте (Закинф)», считая это ложью. Затем поясняет, что этот остров относится к группе Ионических островов, принадлежавших Венецианской республике и расположен он далеко от Архипелага. В действительности же, отнюдь не в донесении, а в записке Ламбро Качони, приложенной к его прошению, направленному 6 июня 1797 г. Павлу I, говорится: «10 апреля 1788 года овладел я не подалече от Занта турецким военным судном о 32 пушках под управлением райза Зейнеля Дулциниота, и взял в плен 191 человек». Захват данного корабля Г.А. Гребенчикова приписывает мальтийскому капитану Г. Лоренцо. Заметим, что ее фантазия здесь очевидна. Даже цитируя, неверно датированное ею «донесение И.А. Заборовского Г.А. Потемкину от 23 апреля 1788 г.» (т.е. письмо от 12 апреля 1789 года А.А. Безбородко), она должна была обратить внимание на то, что в нем сказано лишь о предстоящем выходе трех фрегатов под командой Г. Ло-

¹⁷ Макушев В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1865. Июль-сентябрь. Кн. 3. М., 1865. С. 42.

ренцо. Поэтому, читая книгу, трудно представить, каким образом Г. Лоренцо, о котором, по утверждениям Г.А. Гребенщиковой, на 23 апреля было известно лишь, что он готовился к выходу в море, смог уже 10 апреля обнаружить, а затем и захватить турецкий фрегат у о. Занте. Но все эти нестыковки, и очевидные искажения действительности, Г.А. Гребенщикова, занятая «разоблачением лжеца», в своем тексте не замечает. А ведь и в рескрипте Екатерины II адмиралу С.К. Грейгу от 5 июня 1788 г., ранее упомянутом автором на С. 105, вопрос о принятии Г. Лоренцо на российскую службу фигурирует в качестве только предполагаемого, но еще не решенного назначения. Таким образом, даже если Г. Лоренцо и захватил некий турецкий фрегат до этого момента, то к действиям российских арматоров в Средиземном море такая акция никакого отношения не имела. И едва ли об этом факте мог успеть узнать и использовать его в своих целях майор Л. Кацонис.

Вообще, трудно понять, на каком основании Г.А. Гребенщикова заявляет, будто Л. Кацонис приписывал себе деяния Г. Лоренцо, при этом «рассчитывая, что проверить это невозможно», как убежденно заверяет она. Обосновывая такое предположение, автор указывает, например, что известие о захвате Г. Лоренцо в Архипелаге турецкого фрегата, вышедшего из Алжира, дошло до Л. Кацониса раньше, чем до И.А. Заборовского. Заметим, что такое утверждение требует доказательств, ведь остров Цефалония, где в апреле находился Л. Кацонис и откуда он отправил, по мнению Г. Гребенщиковой, донесение Г.А. Потемкину, не являлся средоточием средиземноморских коммуникаций, и различные сведения, особенно из Константинополя, до него могли доходить позже, чем до Триеста, куда был направлен И.А. Заборовский и где он находился, насколько можно судить по документам, до начала июля 1788 г., или Флоренции, будь он там весной этого года¹⁸.

Г.А. Гребенщикова не принимает в расчет, что И.А. Заборовский постоянно писал Г.А. Потемкину и А.А. Безбородко, сообщая о важной информации, полученной им в Триесте, Неаполе, Флоренции и в других регионах Италии. При этом он стремился направлять только достоверные, обобщенные сведения, полученные из разных источников. Прежде всего, от дипломатических представителей, а также от окружавших его доверенных людей, от местных

жителей, прежде всего от купцов, моряков, портовых служащих и других лиц. И так он действовал до своего убийства в мае 1789 г. в Россию. Конечно, его донесения быстрее доходили до Петербурга и адресатов в других городах России, чем послания Л. Кацониса с о. Занте или Цефалония. Таким образом, будь Л. Кацонис лжецом, он был бы быстро изобличен, особенно, имея немало завистников и недоброжелателей, число которых возрастало, чем больше у каперов было боевых успехов и шире распространялась его слава среди греческого населения. Таким образом, утверждение автора книги, что Ламброс Кацонис приписывал себе чужие заслуги, постоянно искажал истину в своих письмах и донесениях, документально ему не подтверждено, является очередной фантазией, необоснованным оскорблением героя.

Пытаясь обосновать тезис, будто Л. Кацонис «со второй половины марта до конца мая» 1788 г. «не был в Архипелаге», Г.А. Гребенщикова ссылается на донесения дипломатических представителей, в частности, консула на о. Занте Д. Загурисского, послывавшего, как можно понять, именно в это время курьера на поиски Л. Кацониса. Между тем, далее сама же Г.А. Гребенщикова пишет о том, что Л. Кацонис в те же дни захватил, якобы, «там же, у Цефалонии», две греческие лодки с зерном, а в мае у о. Цериги (Китира) еще одно греческое судно «с дровами» (С. 115). Но если в мае (точную дату Г.А. Гребенщикова не указывает) Л. Кацонис захватил судно у о. Цериги, то как он успел возвратиться к о. Занте, чтобы 3 мая 1788 г. «доложить» о своих действиях, о чем также пишет сама Г.А. Гребенщикова (С. 116)? Спрашивается, действительно ли Л. Кацонис ходил к о. Цериги и если да, то когда именно? Возможно, мы имеем дело с ошибочной датировкой событий или же Л. Кацонису приписаны действия другого арматора. Во всяком случае, есть серьезные основания считать, что Л. Кацонис все это время находился в водах, не слишком удаленных от о. Цефалония и Занте, до Цериги не доходил, поэтому весьма сомнительными представляются действия Д. Загурисского, послывавшего за ним курьера в Архипелаг. Трудно представить себе, чтобы консул, имевший возможность пользоваться сведениями из разных источников, не знал, что Л. Кацонис находится поблизости, тем более, если он захватывал греческие суда, так как слух об этом непременно быстро распространялся среди населения. Возникающего противоречия в своем тексте Г.А. Гребенщикова не усматривает и не комментирует.

Между тем, если опираться на сведения самого Л. Кацониса,

¹⁸ Первое из опубликованных в МИРФ писем И.А. Заборовского А.А. Безбородко, датированное 5 июля 1788 г., отправлено из Триеста, следующее, от 7 августа, из Булони (Болонья?). См.: МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 282, 331.

вырисовывается вполне логичная и непротиворечивая картина: 28 февраля 1788 г. он покинул Триест, 21 марта захватил в Адриатическом море рагузское судно, 10 апреля в районе Занте пленил турецкое военное 32-пушечное судно, а затем направился в Архипелаг, но по пути взял два небольших судна и возвратился к о. Цефалония, чтобы вооружить их, чем и занимался в апреле до 23 числа, после чего вновь отправился в Архипелаг, однако на переходе 30-го апреля «против Мореи» встретил корабль под турецким флагом, пытавшийся бежать к Занте, захватил его на подступах к острову, откуда 3 мая и доложил о случившемся Г.А. Потемкину. Когда точно Л. Кацонис покинул остров, неясно, но на этот раз он дошел до берегов Малой Азии и 23 июня захватил «крепостцу Капель-россо» на маленьком островке, к востоку от о. Родос. На обратном пути, 8 июля у о. Кипр взял тартану с турками на борту, 20 августа у о. Скарпанто сражался с восемью турецкими кораблями (одним линейным, одним фрегатом и шестью кирлангичами), 20 сентября прибыл на о. Занте, а 15 октября возвратился в Триест¹⁹.

Казалось бы, если Г.А. Гребенщиковой перечисленные Л. Кацонисом события представляются вымышленными, и она располагает достоверными материалами, доказывающими это, то целесообразно было бы опровергать «ложные измышления», причем, именно в той последовательности, в которой они хронологически выстраиваются со слов Л. Кацониса, не умалчивая о тех или иных недостоверных, на ее взгляд, фактах, раскрывая на основе имеемых у нее документов реальные события. Между тем, Г.А. Гребенщикова так не поступает. Она применяет иную тактику. Предвзято передергивает, искажает факты и события, отчего ее изложение кампании 1788 года является надуманным, а приводимые в обоснование данные — подогнанными под заранее разработанную схему дискредитации Л. Кацониса.

Так, помимо указанных выше примеров игнорирования автором победных действий каперов, она не принимает в расчет, не анализирует, например, захват судна «под флагом турецким» упомянутой Л. Кацонисом в письме Г.А. Потемкину, от 3 мая 1788 г. (на которое она ссылается в своей книге), встреченного «Минервой Северной» 30 апреля. Это не только, как сказано выше, ставит под со-

¹⁹ МИРФ. Ч. XIII. С. 252–253; Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб, 1901. С. 462–467; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 262–264. Заметим, что последняя публикация является наиболее полной, однако часть документов была опубликована еще в работе: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб: Алетейя, 2004.

мнение описанный ею захват Л. Кацонисом «в мае» какого-то судна у о. Цериго, но и не согласуется с цитируемым ею донесением консула С. Варуки И.А. Остерману, от 5 мая 1788 г. (С. 124–125), в котором говорится о предпринятой Л. Кацонисом попытке захвата трех идриотских судов в водах «Модонского моря», т.е. у западных берегов Мореи (п-ова Пелопоннес), тогда как о. Цериго расположен напротив ее южного побережья. К слову, название «Модонское море», видимо, заимствовано Г.А. Гребенщиковой в источнике, тогда как такого моря не существует. Речь, надо полагать, идет о бухте близ крепости Модон (Метони), расположенной на берегу Ионического моря в 12 милях к югу от Наварина – приблизительно на полпути от о. Занте к о. Цериго. Упомянутое донесение заставляет с подозрением относиться как к рассказу Д. Загурисского о посылке курьера на поиски Л. Кацониса в Архипелаг, так и к точности донесения С. Варуки.

Удивление вызывает утверждение Г.А. Гребенщиковой, будто «майор Кацони», якобы, именно после неудачного нападения на три идриотских судна отправивший Г.А. Потемкину рапорт «об одержанной над турками победе», ссылаясь в нем «на пункт 14-й “Правил о партикулярных корсарах”», оправдывая нападение на «греческое судно, принадлежащее турецким подданным, нагруженное турецкими товарами» (С. 125), но нарушил этот пункт, относившийся «к Леванту и Архипелагу». Однако в «рапорте», цитируемом ею по МИРФ (Ч. XIII. С. 255), где документ фигурирует как письмо, нет ни слова о «Правилах для партикулярных корсаров» (так они называются в действительности). Кроме того, упомянутый «пункт 14-й» этих «Правил», где речь, действительно, идет о том, как поступать с «греческим судном, принадлежащим турецкому подданному», нет и намек на какое-либо ограничение по району действия. Напротив, согласно 2 пункту: «Неприятельские суда, как военные, так и торговые, российские арматоры имеют преследовать, атаковать, захватывать или истреблять везде, где только случай к тому представится...» за исключением вод, отстоящих на «пушечный выстрел от пристани или берегов нейтральной Державы»²⁰. Идриоты, как турецкие подданные, вполне подпадали под эту норму. Таким образом, мы имеем дело с двойным вымыслом Г.А. Гребенщиковой и попыткой фальсифицировать содержание документа.

Здесь следует заметить, что выявляемые расхождения между

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб, 1830. С. 968.

той последовательностью событий, которая складывается по словам Л. Кацониса, и той, которую, нередко искаженно, представляют донесения дипломатических представителей России в странах Средиземноморья, должны были бы заставить Г.А. Гребенщикова более тщательно и всесторонне проанализировать используемые ею материалы и принять в расчет то обстоятельство, что события, свидетелями которых дипломаты не являлись, описаны ими с чужих слов и нуждаются в тщательной проверке по иным источникам. Однако автор так не делает и убеждает всех, что только в донесениях дипломатов сообщается искомая истина. Вместе с тем, судя по заявлениям Л. Кацониса и других лиц, в частности, генерала В.С. Томара²¹, отношения каперов с консулами оставляли желать лучшего, а иногда были просто враждебными. Разумеется, в такой обстановке трудно ожидать от какой-либо из сторон полной объективности и непредвзятости. Нельзя исключить, что консулы, если и не возводили на Л. Кацониса напраслину целенаправленно, то истолковывали не в его пользу все слухи, которые до них доходили и которые затем, с комментариями, передавались ими в Петербург. Это хорошо понимал главнокомандующий Г.А. Потемкин, ближайшее окружение императрицы, сама Екатерина II, поэтому важные сообщения перепроверялись по нескольким источникам. Однако Г.А. Гребенщикова, судя по содержанию ее книги, воспринимает документы дипломатического ведомства, отложившиеся в АВПРИ, как абсолютную истину и пытается выстроить свою концепцию на шатком основании многократно пересказанных слухов, в том числе, нередко заведомо негативных, а иногда и просто клеветнических. Советы и рекомендации коллег, воспринимать данные документы критически, анализировать их содержание, опираясь на другие источники, с негодованием отвергались, что и привело, на наш взгляд, автора к многочисленным ошибкам и к фальсификации исторических событий и действий их участников.

Удивление вызывает неприкрытая предвзятость, проявляемая Г.А. Гребенщиконой при изложении исторического материала. Так, описывая деятельность Г. Лоренцо и лейтенанта С. Дешаплетта, она старательно обходит стороной то обстоятельство, что их действия не отличались большей мягкостью, чем действия Л. Кацониса. Но они вызывали меньше жалоб только потому, что подчиненные им суда в полном составе находились в море на протяжении короткой,

четырёхмесячной боевой кампании 1789 г., в целом же их действия были менее продолжительными и эффективными по своим результатам, что приводило к меньшему числу пострадавших, а следовательно, и недовольных. Едва ли следует уточнять, что жестокость, как во время военных действий, так и массовых беспорядков в мирное время, характерна не только для XVIII века, хотя в то время она была общепринятой, достаточно изощренной и бесчеловечной. Надо полагать, что знала об этом и Г.А. Гребенщикова, ибо в книге «Балтийский флот в период правления Екатерины II» она ссылалась, в частности, на «журнал Хметевского», в котором описаны случаи жестокости, включая откровенное насилие по отношению к грекам не только турок, но даже и французских моряков²². Тем не менее, на этот раз она не скупится на отрицательные эпитеты в отношении греков, главным образом, Л. Кацониса и каперов его кораблей, забывая при этом о массовых, публичных казнях его подчиненных, попавших в плен к турецким морякам, о расправах над греками-христианами на острове Кеа, после его захвата османами, и другие факты жестокости, отраженные в документах архивов, в том числе, и в АВПРИ. Но быть объективной в своих исследованиях и публикациях автор не желает, исходя из откровенного стремления создать негативный образ греков в целом и Ламброса Кацониса в частности. И осуществляется это далеко за рамками разумной взвешенности, которая приличествует научной работе и докторской степени автора.

Примечательно, что повествуя о действиях Л. Кацониса в мае 1788 г. Г.А. Гребенщикова старается подчеркнуть, что после описанной в донесении С. Варуки И.А. Остерману, от 5 мая, попытки захватить три идриотских судна у Модона, Л. Кацонис к восточному берегу Мореи, в сторону Архипелага, не пошел (С. 126). Видимо, это замечание должно было служить подтверждением настойчиво повторяемой Г.А. Гребенщиконой мысли, что Л. Кацонис всячески уклонялся от действий в Архипелаге и старался держаться дальше от турок. Однако на той же странице она вынуждено касается боевого успеха, описанного в «рапорте» Л. Кацониса Г.А. Потемкину от 27 июня, о взятии 24 июня «острова Кастельроссо» (Кастелорзо). Однако остров этот находится юго-восточнее от о. Родос, недалеко от берегов турецкой Анатолии (Антальи), как и сказано в

²¹ Известно замечание В.С. Томара по поводу жалобы Л. Кацониса на С. Варуку см.: Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 379.

²² Журнал Степана Петрова сына Хметевского... // Современник. 1855. № 2. С. 140.

упомянутом «рапорте»²³, т.е. Л. Кацонис оказался значительно восточнее Мореи и гораздо ближе к собственно турецким землям, чем кто-либо из действовавших в тот период российских каперов.

Нельзя не заметить, что перед рассказом о взятии Каstellорзо Г.А. Гребенщикова делает замечание о том, что Кацонис «ослушался» высочайшего повеления от 15/26 мая, согласно которому он лишился патента и права поднимать русский флаг. Между тем, она не уточняет, когда и как это высочайшее повеление было доведено до Л. Кацониса, если он, судя по всему, вскоре после 3 мая ушел от о. Занте в море и возвратился, как указывается выше, 20 сентября, после чего проследовал в Триест «на зимовку». К тому времени императрица изменила свое мнение о майоре-капере и даровала ему высочайшее прощение, причем, И.А. Заборовский узнал об этом уже 12 августа²⁴. Надо полагать, не позднее этого времени были извещены и все те, кому ранее поручалось изъять патент у Л. Кацониса. А так как он появился в водах о. Занте еще позже, то и патент у него никто не отнимал.

При описании взятия Каstellорзо, Г.А. Гребенщикова старательно избегает цифр и экскурсов в историю, пытаясь внушить читателю мысль, что вопреки утверждениям Л. Кацониса, им захвачена не «турецкая крепостца», а всего лишь «сторожевой пост». Утверждение Г.А. Гребенщико-вой, будто население Каstellорзо состояло в основном из греков и «невоенных турок», видимо, должно создавать у читателя впечатление, будто турок-военнослужащих там почти не было, что принижало бы явный боевой успех Ламбросса Кацониса. Однако сам Г.А. Потемкин высоко оценил эту победу каперов и письмо Л. Кацониса переслал со своими комментариями Екатерине II 17 октября 1788 года. Примечательно, что в том самом «донесении» Г.А. Потемкину, о котором упоминает и Г.А. Гребенщикова, Л. Кацонис пишет о 230 пленных турках, а с членами семей «около 500 душ». Разумеется, не все плененные турки могли быть военными, и точную численность гарнизона следовало бы выяснять по турецким документам, но Г.А. Гребенщикова упускает из вида то обстоятельство, что захваченная Л. Кацонисом «крепостца» хорошо известна историкам: она не раз упоминалась в исторической литературе.

Прежде всего, следует заметить, что крепость на острове Каstellоризо (Мегисти) существовала — ее руины сохранились до наших дней. Разумеется, она представляла собой не обширную территорию, огороженную стеной с башнями, что было совершенно излишне на небольшом острове, а замок рыцарей-иоаннитов, возведенный в XIV в. на вершине холма, у входа в бухту. В литературе это сооружение чаще всего фигурирует как крепость Каstell Росо (Castello Rosso — ит. Красный Замок). В XVIII в. там размещался достаточно значительный турецкий гарнизон. За полтора десятилетия до Л. Кацониса, в 1772 г., Каstell Росо уже захватывал российский капер. По одним данным, это был майор граф И.В. Войнович, командовавший фрегатом «Св. Николай», по другим — Николето Кужевич, командовавший шебекой «Забяка». Надо сказать, что М.И. Богданович писал о захваченных Л. Кацонисом в Каstell Росо 27 пушках (что соответствует данным письма Г.А. Потемкину). Такое число пушек в крепости позволяет утверждать, что ее гарнизон должен был составлять не менее двухсот воинов²⁵.

Примечательно, что сама Г.А. Гребенщикова, заявляя, будто на Каstell Росо располагался лишь «сторожевой пост», вместе с тем, по сути, противореча своим же оценкам, цитирует некое сообщение из Константинополя о том, что узнав о взятии Каstell Росо, турки отправили на о. Родос два корабля с «военной амуницией». Представляется маловероятным, чтобы османские власти так отреагировали на захват скромного сторожевого поста и мирных жителей острова. Шла война, такие «незначительные», в масштабах Османской империи, потери были неизбежны и многочисленны. На о. Родосе был довольно крупный и неплохо вооруженный гарнизон, способный противостоять набегу каперов. Однако потеря, пусть и небольшой, но все же крепости на подступах к о. Родос, видимо, обеспокоила турецкое командование и власти, и они спешно занялись за укрепление обороны.

Не следует упускать из вида и того обстоятельства, что вопрос о взятии данной крепости обсуждался российскими сановниками, и не раз. Так, в Государственном Совете 2 октября 1788 г., среди прочих, зачитывалась депеша «из Триеста, что корсер майор Ламбро-Кациони овладел Красным островом, в 80 верстах от Кипра

²⁵ *Веселаго Ф.Ф.* Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год. СПб, 1871. С. 27; *Богданович М.И.* Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб, 1852. С. 151; *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 169, 180–181.

²³ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774–1788 гг. СПб, 1893. С. 330; МИРФ Ч. XIII... С. 275.

²⁴ МИРФ Ч. XIII... С. 381.

лежащим». Заметим, что Каstellоризо не только втрое дальше от Кипра, но и в полтора раза дальше от Родоса, чем полагали в Государственном Совете, однако расположен он именно в этом районе Средиземного моря. Автором «депеш из Триеста» в указанное время, вероятнее всего, был консул, С. Варука. Именно, к его донесениям, но по другим вопросам, Г.А. Гребенщикова относится с полным доверием. 30 октября члены Совета слушали реляцию князя Г.А. Потемкина, от 12 октября, «о разъезжающем в Архипелаге российском арматоре секунд-майоре Ламбро Кацони, который, составив уже нарочитую флотилию, овладел крепостью Каstell-Россо и вообще с успехом производит свои поиски»²⁶. Надо полагать, что Государственный Совет был достаточно компетентен и занят серьезными делами, чтобы не обсуждать многократно захват незначительного «сторожевого поста» и боевые действия в море, по убеждению автора, «простого пирата», «преступника и бандита».

Далее Г.А. Гребенщикова упоминает переданную С.С. Гибсу через И.А. Заборовского инструкцию Екатерины II, предписывавшую сдерживать рвение арматоров (С. 159), объясняя, что императрица имела в виду действия Л. Кацониса. Но несколькими строками ниже она упоминает полученные жалобы от «правительства Рагузской республики». Причем, как на Л. Кацониса, так и на Спиридона Калегу, никак не поясняя, при этом, находились ли эти арматоры в какой-либо связи или действовали независимо друг от друга. Еще ранее, она упоминала о действиях весной 1788 г. российского арматора Марина Франгопуло (С. 112), на которого жаловались греческие купцы. Таким образом, если жалобы поступали на нескольких российских арматоров, то следует предположить, что поводом к инструкции Екатерины II могли стать действия отнюдь не одного лишь Л. Кацониса, и выделять его особо в этом вопросе, нет оснований. Во всяком случае, тезис о преобладающем количестве жалоб именно на Л. Кацониса, требует более веских, документальных доказательств, а не одной убежденности в этом Г.А. Гребенщико-вой. Пока же из ее собственных слов видна обратная картина.

Тем же июнем месяцем, когда Л. Кацонис захватил Каstell-Россо, датированы, пожалуй, первые сведения о действиях Г. Лоренцо в интересах российского правительства. Он был нанят как морской перевозчик бароном Конрадом фон Тонусом, являвшим-

ся до войны российским генеральным консулом в Египте. Барон, возвращавшийся в Александрию, 5 июня 1788 г. отплыл из Генуи на Мальту, где ему предстояло найти способ добраться до египетских берегов. Видимо, капитаны торговых судов не решались на такой рейс, учитывая опасности военного времени. Иначе трудно объяснить, почему К. фон Тонус прибег к помощи известного мальтийского корсара Г. Лоренцо, чтобы сперва, по предположению Д.В. Фрумина, отправиться на одном из его кораблей к о. Занте для встречи с Л. Кацонисом. Затем барон, надо полагать, рассчитывал с помощью российского майора Л. Кацониса добраться до Александрии. На остров Занте К. фон Тонус, а затем и Г. Лоренцо прибыли, однако Л. Кацониса там не застали²⁷.

О поездке К. фон Тонуса упоминает и Г.А. Гребенщикова (С. 173), причем пишет, что в ночь с 27 на 28 июля он сошел с «44-пушечного российского фрегата» на берег у Дамьетты, к северо-востоку от Александрии. Оценить эти сведения не представляется возможным, ибо Г.А. Гребенщикова лишь упоминает «осведомителя в Константинополе Пьетро Александро», но ссылки на документ не дает. Мало того, она не поясняет, каким образом в Средиземном море летом 1788 г. появился 44-пушечный русский фрегат. Видимо, сообщение Пьетро Александро не вызвало у нее никаких сомнений и вопросов. Не упоминает она в связи с этим событием и фамилии Г. Лоренцо, что выглядит вполне обоснованным, ибо мальтиец в тот период не мог командовать «русским 44-пушечным фрегатом».

Фамилию Г. Лоренцо мы встречаем в опубликованных источниках на страницах донесения И.А. Заборовского в Петербург, от 2 декабря 1788 г., в котором говорится «о требованиях мальтийского капитана Лоренца, отозвавшего барона Тонуса в Египет»²⁸. Отметим при этом, что генерал писал о Г. Лоренцо, как о «мальтийском капитане», и это не случайно. Ведь, согласно данных «Общего морского списка», Гульельмо Лоренцо был «принят в службу в Италии контр-адмиралом Гибсом» только в апреле 1789 г.²⁹ В связи с этим, представляется весьма странным, что доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова, описывая боевые действия Г. Лоренцо в 1788 году в интересах России, не сочла нужным прокомментиро-

²⁷ Фрумин Д.В. Миссия барона Тонуса // Восточный архив. 2009. № 1 (19). С. 7–10.

²⁸ МИРФ Ч. XIII... С. 567; Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть первая. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 661.

²⁹ Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 260.

²⁶ Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб, 1869. Ч. 1. Отд. историческое. Стлб 614, 629.

вать столь явное противоречие между своими утверждениями, изложенными в книге, и данными хорошо известного специалистам справочного издания.

Однако заметим, что если принять в расчет возможные неточности и домыслы в тех сведениях, которые сообщал «осведомитель в Константинополе», и предположить, что именно Г. Лоренцо на своем судне доставил дипломата К. фон Тонуса в Египет и именно его корабль видели 27–28 июля у Дамьетты, то в таком случае, он не мог действовать в июне — начале июля 1788 г. в других, особенно в удаленных от предполагаемого маршрута с о. Занте к Дамьетте местах, как это утверждает в книге явно запутавшийся автор повествования.

На С. 172 своей книги Г.А. Гребенщикова рассказывает о том, что «к тому времени», как можно понять из текста книги, осенью 1788 г., «на службу в русский флот вступило 17 человек корсиканских офицеров», и среди них «лейтенант Самуэль де Шаплет» (С. 172). Данное заявление автора, ее фантазия, вызывает удивление. Ведь даже в МИРФ, на которые ссылается Г.А. Гребенщикова в своей книге, упоминается Самуил Шаплет, 20 апреля 1786 г. произведенный в мичманы, а 10 мая 1788 г. в лейтенанты (МИРФ Ч. XIII. С. 163, 443), что должно было бы привлечь внимание исследователя. Более того, в приложенном к донесению С.С. Гибса А.А. Безбородко от 11 августа 1789 г. «Списке офицеров, принятых в службу» (МИРФ. Ч. XIII. С. 569–570) фигурирует «Гульельм Лоренцо», но нет «Самуэля де Шаплета». Наконец, в МИРФ «де Шаплет», как капер в Средиземном море, впервые появляется именно на страницах упомянутого рапорта С.С. Гибса, по словам которого лейтенант вышел в море 2 марта 1789 г. (МИРФ. Ч. XIII. С. 568). Забавно, что указав «Самуэля де Шаплета» в числе корсиканцев, автор тремя строками ниже пишет, что «в отличие от Гвильермо Лоренцо и Самуэля де Шаплета, корсиканцы служили исключительно ради денег», заставляя сомневаться в том, что «Самуэль де Шаплет» — из числа тех самых корсиканцев.

Надо полагать, Г.А. Гребенщикова избежала бы ошибки, если бы обратилась к «Общему морскому списку», в котором сказано, что Самуил Яковлевич Дешаплет в 1782 г. поступил в Морской корпус, в 1786 г. окончил его, 1 мая получил чин мичмана, а спустя два года, 1 мая 1788 г. был произведен в лейтенанты и командирован в Сиракузы, где принял командование фрегатом «Лабседанц» (в списке С.С. Гибса фигурирует «Абонданц»). На следующий же год

он стал командиром фрегата «Северный Орел» (согласно С.С. Гибсу — пакетбота «Российский Орел») ³⁰.

Впервые «купленные здесь г. Псаро два фрегата» появляются в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко из Триеста, от 5 июля 1788 г., как нагруженные провиантом и направляемые им в Сицилию под общей командой «капитана Войновича», а в следующих, опубликованных в МИРФ, письмах И.А. Заборовского о каких-либо действиях фрегатом или иных судов, кроме флотилии Л. Кацониса, не упоминается. Позднее, в письме Г.А. Потемкину, от 16 декабря 1788 г., говорится о том, что в Сиракузах «приготовлено также несколько казенных судов», которые лишь намечается отправить в Архипелаг. Поэтому можно утверждать, что до весны 1789 г. казенная флотилия в полном составе в крейсерство не выходила ³¹.

Разумеется, это не означает, что все ее суда оставались в портах до конца 1788 г., некоторые, возможно, могли совершить плавание даже в Архипелаг. Однако достоверного описания такого рода действий именно каперов казенной флотилии нет. Известно лишь, что в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 25 сентября 1788 г., сказано, что генерал «дал два патента судам, находящимся в здешнем порте, для поиска над шведскими кораблями, кои, по недостатку в здешних водах наших корсаров, во многом числе приходят» ³². Слова И.А. Заборовского позволяют считать, что осенью 1788 г. в Средиземном море действовали всего несколько каперских судов. Видимо, речь шла, прежде всего, о каперском отряде Л. Кацониса, но он, находясь в Восточном Средиземноморье, был сориентирован на борьбу с морскими перевозками турок и их пособников, а не на борьбу с судами шведов.

По утверждению Г.А. Гребенщиковой, «небольшая флотилия под начальством де Шаплета сразу же начала в Архипелаге активные действия» и «на стапеле у берегов Мореи», на основании ее текста можно предположить, что осенью 1788 г. (когда именно, не указано), «его экипаж» сжег турецкое судно (С. 172). Трудно понять, откуда взяты эти сведения — соответствующей ссылки в книге нет. Лишь далее по тексту, после упоминания действий «греческого корсара Христуло», помещена ссылка на дела АВПРИ, но относится ли она к Дешаплету, неясно. По поводу же сказанного

³⁰ Общій морской список. Ч. III. СПб., 1890. С. 486–487; МИРФ Ч. XIII. СПб., 1890. С. 569.

³¹ МИРФ Ч. XIII... С. 282, 331, 394, 403, 508.

³² МИРФ Ч. XIII... С. 382.

Г.А. Гребенщиковой напрашивается сразу же несколько замечаний. Прежде всего, стапель – инженерное сооружение, предназначенное для постройки судов, всегда располагается на самом берегу, у воды, а не в отдалении (тем более, не в воде «у берега», как можно подумать, читая текст книги Г.А. Гребенщиковой).

Однако это лишь мелкая деталь, невольно останавливающая взгляд подготовленного читателя и заставляющая его сомневаться в написанном. Вместе с тем, важнее то, что в тексте книги не указано, где располагался этот стапель. Между тем, сама Г.А. Гребенщикова придает существенное значение тому, у какого именно берега Мореи происходит действие, как только заводит речь о Л. Кацонисе. Выше мы писали, что в ее книге на С. 126 подчеркивается, что в мае 1788 г. Л. Кацонис действовал в водах «Модонского моря», т.е. у западного берега Мореи, а к восточному берегу, «в турецкие владения Архипелага, где следовало воевать против турок», не пошел. В данном же случае остается гадать, где именно действовала «флотилия под начальством де Шаплета» — там, где следовало, по мнению Г.А. Гребенщиковой, воевать против турок, или там, где воевать не следовало. К слову, воевать против Оттоманской Порты, на наш взгляд, следовало везде, где можно было. Равно как и захватывать торговые суда союзников и пособников турок. В каком бы месте турки или их пособники не понесли тот или иной урон, это шло только на пользу России и ее союзницы в войне — Австрии.

Что же касается действий «небольшой флотилии под начальством де Шаплета», то о них мы узнаем из упоминавшегося выше рапорта С.С. Гибса, от 11 августа 1789 г., в котором недвусмысленно говорится, что флотилия из 6 судов (2 казенных и 4 греческих, «явившихся из Триеста») «под командою лейтенанта Дешаплета» вышла из Сиракуз 2 марта 1789 г. (МИРФ. Ч. XIII. С. 567–568). В этом рапорте мы находим и упоминание об «истреблении шамбеки», которое произошло у «местечка Капо Исидора» (МИРФ. Ч. XIII. С. 568), судя по тексту рапорта, по пути к о. Зеа, где С.Я. Дешаплет «видел эскадру Ламбро-Качони». О каком конкретно регионе здесь идет речь, Г.А. Гребенщикова не поясняет. Впрочем, для нас важнее то обстоятельство, что Л. Кацонис осенью 1788 г. не мог «выдать за свои» боевые успехи С.Я. Дешаплета, как это настойчиво пытается внушить читателю Г.А. Гребенщикова, путая даты, передергивая реальные факты и события, фактически имевшие место лишь весной 1789 года, уже в очередной боевой кампании.

Позволим себе еще одно небольшое замечание. На той же С.

172 говорится, что генерал И.А. Заборовский «кроме Венеции, Флоренции и Ливорно никуда не выезжал», что является неточностью, и лично с Кацонисом не встречался. Действительно, в 1788 г. Л. Кацонис с генералом не общался, и здесь Г.А. Гребенщикова права, но он мог встретиться с ним в начале 1789 года. Если учесть некоторые данные о переписке генерала, можно составить приблизительную схему его перемещений. Прежде всего, следует напомнить, что согласно указа Екатерины II адмиралу С.А. Грейгу, от 14 марта 1788 г. (МИРФ. Ч. XIII. С. 250), И.А. Заборовского направили в Триест, но в «Архиве Государственного Совета» мы встречаем указание на то, что он до 4 мая еще не выехал, а оставался в России³³. Таким образом, с Л. Кацонисом, вышедшим в море 28 февраля 1788 г., генерал, действительно, встретиться не мог. Свои же письма И.А. Заборовский отправлял: 5 июля 1788 г. из Триеста, 7 августа из «Булони» (очевидно, из Болоньи, промежуточного пункта на пути из Триеста в Ливорно), 25 сентября и 27 октября из Ливорно, 16 декабря из Неаполя, 29 января и 15 февраля 1789 г. из Рима, 9 и 20 марта, затем 12 апреля 1789 г. из Флоренции. Последнее, из названных писем отправлено, надо полагать, уже на обратном пути в Россию. 1 июня 1789 г. он доносил императрице, что «возвратясь из Италии», подносит «краткую ведомость о том, что сделано было мною»³⁴.

Такие перемещения генерала и нахождение майора-капера в море, несомненно, исключали возможность встречи И.А. Заборовского с Л. Кацонисом в 1788 г., но в конце февраля — начале марта 1789 г. такая встреча могла иметь место во Флоренции. В своем донесении президенту Коллегии иностранных дел, статс-секретарю Екатерины II, графу А.А. Безбородко И.А. Заборовский сообщает следующее: «...Возвратя нарочного, предписал я тотчас освободить Ламбро и, призвав его к себе во Флоренцию, не упустил ничего, что возможно было, дабы успокоить его и выпроводить в море».

Между тем, Г.А. Гребенщикова не раз замечает, что Л. Кацонису то или иное «предписывал генерал Заборовский» (С. 108–110, 125, 211), но лишь в одном случае, при упоминании «приказа», переданного князем В.Н. Мещерским «по приезде в Триест», мы можем оценить запаздывание этих предписаний. Как сказано в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 27 октября 1788 г., он отправил «бригадира Мещерского в Триест» с заданием как

³³ Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II. (1768–1796 гг.). СПб, 1869. Ч. 1. Отд. историческое. Стлб 561.

³⁴ МИРФ Ч. XIII... С. 282, 331, 394, 403, 508, 525.

можно скорее выслать Л. Кацониса в море. Соответствующий же ордер же В.Н. Мецгерского Л. Кацонису датирован 14 января 1789 г. Надо полагать, и остальные официальные документы генерала к майору доходили до последнего с довольно большим (особенно когда Л. Кацонис находился в море) запозданием. Последнее подтверждается и всеподданнейшим донесением И.А. Заборовского от 1 июня 1789 г., когда генерал пишет императрице по поводу Л. Кацониса, что ее повеление «об отправлении его сюда я имел счастье получить в то время, когда он выступил уже в море с флотилией, которую командует»³⁵.

К слову, заметим, что упоминая письмо И.А. Заборовского «из Венеции» (С. 104), Г.А. Гребенщикова ссылается на первый том «Архива Государственного Совета», однако указывает страницу (С. 566), при том, что пагинация ведется по столбцам, и на тех страницах обеих частей (исторической и юридической), где расположены столбцы 566, упоминаний о генерале нет. Более того, цитируемый Г.А. Гребенщиковой текст этого письма («черногорцы и далматы ожидают» и т.д.) можно найти в письме И.А. Заборовского А.А. Безбородко из «Булони» (Болоньи?), от 7 августа 1788 г., опубликованном в МИРФ³⁶. И вновь, небрежность! Непонятная путаница уже с источниками, разночтения автором книги, как обычно, не замечаются.

На С. 173 Г.А. Гребенщикова уверенно утверждает, что осенью 1788 г. Л. Кацонис возвращался на зимовку в Триест «так и не пововав непосредственно в Архипелаге». Подобная фальсификация событий боевой кампании 1788 года, несомненно, требует опровержения данного утверждения автора. Хотя, как отмечалось выше, важен был результат действий, ущерб, нанесенный неприятелю, а не место, где это произошло. Поэтому одно только взятие Каstell Росо уже оправдывало существование флотилии Л. Кацониса, не говоря уже о том, что о Каstellоризо находится в Архипелаге. Однако Г.А. Гребенщикова умалчивает о таких действиях майора, как взятие 8 июля у о. Кипр тартаны с турками на борту и успешном сражении 20 августа у о. Скарпанто с несколькими турецкими боевыми кораблями. Французский консул на острове Родос «видел урон который понесли турецкие суда, туда скрывшиеся, поздравил Катцони с победой и принес ему бесчисленные похвалы, сравнивая с Фемистоклом и называя достойнейшим потомком своих героев-предков греков» (МИРФ Ч. XVII. СПб., 1904. С. 127). Казалось бы,

³⁵ МИРФ Ч. XIII... С. 394, 491, 525.

³⁶ МИРФ Ч. XIII... С. 331.

если донесения Л. Кацониса вызывают у Г.А. Гребенщиковой сомнения, следовало бы хоть что-то сказать по этому поводу, на документальной основе разоблачить «лжеца». К сожалению, кроме невнятного, без единой точной даты, упоминания только одного боевого эпизода капера Л. Кацониса, который, судя по тексту, имел место в октябре месяце 1788 г. – это описание захвата им в Адриатике судна с грузом табака. Попытки объективного, научного анализа боевых действий каперских кораблей майора, его побед после овладения Каstell Росо, автор книги не предпринимает, о них она почему-то умалчивает, и возникает подозрение, что сознательно.

**БОЕВАЯ КАМПАНИЯ 1789 ГОДА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФЛОТИЛИИ,
ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАЙОРА
(с 24 июля — подполковника)
ЛАМБРОСА КАЦОНИСА**

Рассмотрим и проанализируем действия «российской Императорской флотилии», а также «казенной флотилии» под командованием Г. Лоренца в боевой кампании 1789 г., изложенные Г.А. Гребенщиковой на страницах рассматриваемой нами книге. Выясним, насколько рассказ объективен и соответствует исторической действительности, подтверждаемой наличными архивными документами, многочисленными научными исследованиями, опубликованными более чем за 200 лет, минувших со времени событий, происходивших тогда в Средиземноморье. Это имеет принципиальное значение, ибо автор уже допустила грубую ошибку в датировке и определении адресата важного документа — письма генерал-поручика И.А. Заборовского статс-секретарю Екатерины II, графу А.А. Безбородко, от 12 апреля 1789 г. из Флоренции, считая его адресованным Г.А. Потемкину и датированным 23 апреля 1788 г., что полностью исказило в книге события боевой кампании 1788 г. и дало повод автору обвинять Ламброса Кацониса во лжи. Фактически, речь идет о фальсификации событий 1788 г., переносом в этот период некоторых событий 1789 г.

Начиная рассказ о боевой кампании 1789 г. на Средиземном море, Г.А. Гребенщикова критикует послание Л. Кацониса в адрес Коллегии иностранных дел (С. 209). Ссылаясь на материалы АВПРИ, автор цитирует бумагу от 16 января 1789 г., в которой упоминается сражение 20 августа 1788 г., и ограничивается тем,

что в очередной раз приписывает его С.Я. Дешаплету, утверждая (С. 210), будто на этот счет есть некие доказательства от Я.И. Булгакова и «всех константинопольских осведомителей».

Как Г.А. Гребенщикова, при работе над текстом книги, могла не замечать грубой ошибки в датировке событий, остается догадываться. Ведь, из уже упоминавшегося донесения С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., следует, что во главе флотилии «из 6 судов» С.Я. Дешаплет вышел в море лишь 2 марта 1789 г., стало быть, он не мог участвовать в сражении 20 августа 1788 г. Никаких упоминаний о таком участии нет и в бумагах И.А. Заборовского. Более того, нет их и в донесении С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 5 сентября 1789 г. (МИРФ Ч. XIII. С. 602). Следовательно, нет оснований предполагать, что корабли под командованием С.Я. Дешаплетта могли 20 августа сразиться с турками, причем, как в 1788, так и в 1789 г., когда казенная флотилия прибыла в Сиракузы уже 29 августа. В данных условиях, Г.А. Гребенщиконой, чтобы оправдать свою очередную фантазию, следовало не просто упомянуть наличие «подтверждения» Я.И. Булгакова (заметим, который в августе 1789 г. еще должен был находиться в заключении, откуда освобожден в начале октября) и материалов «всех константинопольских осведомителей», а как принято в исторической науке, процитировать источник данной информации, указав его точную датировку. Это помогло бы установить причину ее заблуждения.

Характеризуя бумагу Л. Кацониса в Коллегию иностранных дел, от 16 января 1789 г., Г.А. Гребенщикова пишет о том, что он «рапортовал», будучи «лишенным императрицей арматорского патента» (С. 210). Такое заявление автора удивляет. Оно зиждется или на незнании реальных событий того времени, или на их умышленном искажении. Документы показывают, что Екатерина II летом 1788 г. уже изменила свое майское решение по поводу Л. Кацониса, а 12 августа генерал И.А. Заборовский получил и письменное высочайшее повеление о прощении майора-капера, видимо, как и многие другие должностные лица в регионе. Л. Кацонис узнал обо всем этом с большим запозданием. Из содержания его письма, отправленного 31 октября 1788 г. адмиралу Н.С. Мордвинову из Триеста, видно, что он только 20 сентября, по прибытии на о. Занте, узнал, что «впал было в неблаговоление Ея Императорского Величества», однако затем был «всемилодивейше прощен»³⁷.

³⁷ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 275.

Естественно, что в дальнейшем у Л. Кацониса не было никаких сомнений на этот счет, тем более, что он получил в Триесте ордер В.Н. Мещерского, от 14 января 1789 г., которым ему, как командующему флотилией, предписывалось выйти в море и действовать на коммуникациях турок (МИРФ Ч. XIII. С. 489). А так как генерал И.А. Заборовский, как отмечалось выше, узнал о прощении Л. Кацониса 12 августа 1788 г., то в глазах командования все действия Л. Кацониса позднее этой даты являются законными и не могут считаться нарушением высочайшей воли, как в этом настойчиво убеждает Г.А. Гребенщикова на страницах своей книги. Вместе с тем, вопреки надуманному утверждению автора, майор своим «донесением» не «добивался прощения императрицы», так как знал, что оно было высочайше даровано ему ранее.

Неубедительным выглядит и утверждение автора книги, будто в описываемый ею период, т.е. в начале 1789 г., «на флотилии Ламбро находились не тысячи греков, а всего 68» (С. 210). Ссылка на архивный материал³⁸ в данном случае не дает возможности оценить реальность приведенных в книге данных. В тексте нет ни названия документа, ни его датировки, а значение приводимых цифр не поясняется. Между тем, искаженным представляется заявление автора, будто бы Л. Кацонис сам писал о «с лишним тысячи греков» (С. 209) в его флотилии, равно как и о численности ее моряков в 68 человек.

Прежде всего,стораживает странная лингвистическая конструкция «с лишним тысячи». Возникает подозрение, не поврежден ли (или искажен при переписке) текст документа и не следует ли его читать как «с лишним ½ тысячи», т.е. более 500. Судя по опубликованным материалам, именно это число фигурирует в переписке Л. Кацониса, и оно вполне согласуется с количеством судов во флотилии. По докладу И.А. Заборовского графу А.А. Безбородко в Триест прибыло в октябре 1788 г. 9 судов (МИРФ Ч. XIII. С. 394), а вышли в боевой поход и начали очередную боевую кампанию 8 апреля 1789 г. уже 10 боевых кораблей (МИРФ Ч. XIII. С. 508). Заметим, что в письме Г.А. Потемкину, от 30 октября 1788 г., Л. Кацонис говорит об укомплектованности судов флотилии именно «с лишком 500-ми набранными волонтерами» (МИРФ. Ч. XIII. С. 395). Наконец, помимо собственно моряков, при флотилии находились и сухопутные отряды, наличие которых подтверждается опубликованными документами.

³⁸ АВПРИ Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1295. Л. 3 – 3 об.

Повествуя далее о событиях начала 1789 г., Г.А. Гребенщикова упоминает ордер В.Н. Мещерского Л. Кацонису, не датируя его, а затем пишет об ордере И.А. Заборовского из Рима, от 23 января / 3 февраля 1789 г. (С. 211), которым генерал призывал майора к себе. Далее, со ссылкой на материалы АВПРИ, рассматривает переписку В.Н. Мещерского с И.А. Остерманом, где рассказывается о том, как князь добивался скорейшего ремонта судов флотилии и отправки их в Сиракузы, чего, якобы, не желал делать Л. Кацонис, затягивавший ремонт и стремившийся сразу выйти в крейсерство, но не ехать к И.А. Заборовскому. Наконец, речь заходит об ордере Г.А. Потемкина, от 8 января, призывавшем Л. Кацониса в Елисаветград (С. 213), который необоснованно объявлен ею «одной из причин провокационного поведения» майора. Заметим, что письмо В.Н. Мещерского И.А. Остерману Г.А. Гребенщикова цитирует, но не датирует, что мешает читателю оценить реальные события и их последовательность, которые автор сознательно передергивает и искажает, с целью шельмования Ламброса Кацониса.

На самом деле ремонт судов флотилии и пополнение запасов были в целом окончены еще в середине декабря. И.А. Заборовский так писал об этом 16 декабря 1788 г. Г.А. Потемкину: «Жестокая зима, продолжающаяся в Триесте, умедлила несколько сию работу; ныне, однакож, имею я известие, что она приведена уже к окончанию, и в непродолжительном времени майор Ламбро с судами своими отправится в Сиракузы»³⁹. Соответственно, в ордере В.Н. Мещерского, от 14 января 1789 г., сказано: «Как уже все суда арматоров, российский флаг имеющих, прибывшие сюда, как под ведением вашим, так и после, починкою исправлены и приведены в надлежащее состояние... и снабжены двухмесячною провизиею... немедленно выйти вам из сего порта и следовать прямо в Сиракузы...» (МИРФ Ч. XIII. С. 491). Князь предписывал Л. Кацонису лично вести флотилию по назначению.

Однако между В.Н. Мещерским и Л. Кацонисом вскоре произошло столкновение. Г.А. Гребенщикова по этому поводу цитирует письмо В.Н. Мещерского И.А. Остерману, в котором говорится: «...Ламбро пришел к консулу нашему Варуке и сказал, что он знает, что ему все изменяют» (С. 212). На следующий день Л. Кацонис принес С. Варуке жалобу на В.Н. Мещерского и отправился к местному губернатору с просьбой принять его в «подданство импера-

тора» (австрийского), которую тот отклонил. В результате Л. Кацонис устроил манифестацию на городской площади, где кричал, что «Мещерский хочет отнять у него флотилию». Князь воспользовался произошедшим, арестовал Л. Кацониса и посадил его в тюрьму (С. 213–215). На деле, все было сложнее, и не рассматривая имевших место реальных интриг, направленных против майора, хотелось бы заметить, что в своем письме А.А. Безбородко генерал И.А. Заборовский данный неприятный случай оценивал следующим образом: «...Бригадир князь Мещерский, отправленный мною в Триест, с суммою для починки судов майора Ламбро, приведя его к возмущению грубыми и неосторожными поступками и посадил под караул донес мне, что флотилия совершенно через то остановилась... подписал я тотчас освободить Ламбро».

Г.А. Гребенщикова не упоминает об интригах в отношении грека-майора и преподносит произошедшее как вымысел Л. Кацониса, не желавшего подчиняться приказам. Заслуживает внимания и та последовательность событий, которую выстраивает автор. Так, на С. 211 Г.А. Гребенщикова цитирует ордер И.А. Заборовского, якобы, от 23 января / 3 февраля 1789 г., а на самом деле от 29 января / 9 февраля, с требованием, чтобы Л. Кацонис прибыл к нему, дабы «отвратить от себя толь пагубные удары». Заметим, ссылается она на архивный материал, тогда как ордер опубликован, правда, как письмо от 29 января / 9 февраля 1789 г., что подтверждается и тем самым архивным документом, на который ею же дана ссылка⁴⁰. Однако важно иное — это письмо преподносится автором как написанное до инцидента с бригадиром князем В.Н. Мещерским, на самом же деле, это не так, по сути мы имеем дело с очередной подтасовкой. Содержание письма явно извращается, и читатель может подумать, будто «пагубные удары» означают наказание за «пиратство», о котором постоянно напоминает Г.А. Гребенщикова.

Однако если ознакомиться с полным текстом письма, становится понятно, что оно относится ко времени, когда до И.А. Заборовского уже дошли известия об инциденте и, видимо, его суть. В частности, генерал пишет о «замешательстве, в которое вы приведены ныне». О чем идет речь, становится понятно, если прочитать не датированное, но размещенное Г.А. Гребенщиконой, уже

³⁹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 277.

⁴⁰ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 280–281. И ссылке Г.А. Гребенщиконой (РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 22–23) также находим письмо И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 29 января / 9 февраля 1789 г.

после рассказа о столкновении Л. Кацониса с В.Н. Мещерским, некое «послание» И.А. Заборовского майору в котором говорится: «... Бригадир князь Мещерский доносит мне ныне с нарочным, что по приведении помянутых судов в состояние выступить в море, вы объявили себя противником службы Ея Императорского Величества, не желая идти в Сиракузу и ища покровительства у господина губернатора графа Бриджии» (С. 213). Обратившись к архивному документу, указанному Г.А. Гребенщиковой, мы обнаружили, что это «послание» как раз и является ордером И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 23 января / 3 февраля 1789 г.⁴¹ Содержание его показывает, что генерал знал о причинах беспокойства и возмущения Л. Кацониса, причем, из жалобы майора на бригадира князя В.Н. Мещерского, поданной консулу в Триесте С. Варуке: «...Разглашение, будто по прибытии вашем в Сиракузу, суда, приобретенные вашей храбростию, будут у вас отняты, и команда над ними препоручится другому» (С. 215).

Не требуется тщательного анализа, чтобы догадаться, что это послание предшествует письму И.А. Заборовского Л. Кацонису от 29 января, ошибочно выдаваемому Г.А. Гребенщиковой за «ордер от 23 января». А упоминаемое в нем «замешательство» – это именно упоминание о попытке «выйти из службы» и найти «покровительство» у местного губернатора. На момент написания этого ордера И.А. Заборовский, видимо, еще не знал об аресте Л. Кацониса, иначе не вызывал бы его к себе. Читая в упомянутом послании генерала его слова, обращенные к Ламбро о том, что «замешательство, в которое вы приведены ныне, последовало от побуждений толь мало важных», дает возможность предположить, что генерал пытался как-то успокоить человека, убедить его, что разговоры о намерении отнять у него флотилию лишь пустые слухи.

Между тем, из послевоенной «Записки о делах флотилии в Архипелаге», составленной В.С. Томарой, можно понять, что против майора, действительно, была затеяна серьезная интрига: «Неизвестно мне, по каким причинам начальствующие тогда в Средиземном море рассудили дать оную вольную флотилию в управление графу Войновичу, бывшему консулом в Архипелаге. Майор Ламбро, до того командовавший, был арестован, а кредиторы майора Ламбро заарестовали в пристани все его суда»⁴².

⁴¹ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 24–25 об.

⁴² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 370. Здесь «граф Войнович» — И.В. Войнович.

Как представляется, именно по вине этих «начальствующих», включая и князя В.Н. Мещерского, Л. Кацонис, сидевший в тюрьме, и не мог ни сразу выехать к И.А. Заборовскому, ни отправиться к Г.А. Потемкину. Судя по всему, в заключении майор провел немного времени. Во всяком случае, в письме И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 15/26 февраля 1789 г., из Рима, генерал спешил сообщить: «...Я не только не желал, но и не думал, чтоб с Вами поступлено было так, как теперь вижу. Поспешаю объявить Вам, что Вы свободны; и нетерпеливо желаю видеть Вас лично, дабы отдать Вам всю справедливость, которая не меньше меня интересует, как польза службы, сопряженная с Вашей храбростию»⁴³. В конце февраля — начале марта Ламброс Кацонис, видимо, осуществил поездку во Флоренцию, где встретился с генерал-поручиком И.А. Заборовским. В ходе данной встречи, надо полагать, были обсуждены все, мучавшие Ламброса Кацониса вопросы, и он получил необходимые разъяснения по всем позициям полученного им ордера от 9/20 марта 1789 г., с грифом «секретно», лично от командующего «войсками в Средиземном море». О том, что такая встреча могла иметь место, уже говорилось выше. Датировать же ее можно, исходя из ордера И.А. Заборовского надворному советнику Мельникову, от 20 марта 1789 г., в котором говорится: «Господина майора Ламбро снабдил я предписанием, дабы по возвращении в Триест как наискорее выступил в море с флотилиею». Удивительно, что убежденно отрицая встречу майора с командующим, автор книги, не приняла во внимание этот и другие документы, свидетельствующие в пользу такого предположения.

Несомненно, из-за упоминавшихся недоразумений с кредиторами, арестовавшими суда, а также в силу необходимости пополнить запасы, в частности, продовольствия, израсходованного при неожиданной задержке, а также доукомплектовать команды, которые, конечно, потеряли часть людей, разошедшихся, пока Л. Кацонис сидел в тюрьме, флотилия еще какое-то время не могла покинуть Триест. И вполне понятно, что содержащееся в упомянутом письме И.А. Заборовского требование направить соединение в Сиракузы не могло быть исполнено сразу. Между тем, ордером от 9/20 марта 1789 г. генерал отменил прежнее распоряжение и указал: «Выступая из Триеста с возможною поспешностью, следуйте прямо

⁴³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 281.

в Архипелаг, не заходя в Сиракузу...»⁴⁴

Мы видим, что в итоге И.А. Заборовский принял решение в пользу Л. Кацониса. И конечно, не потому, что тот, как об этом, с явной предвзятостью, пишет Г.А. Гребенщикова, «смог найти подход к генералу», а в силу объективных обстоятельств и необходимости: майор являлся создателем флотилии и успел подтвердить свою способность эффективно командовать ею; он обрел боевой опыт, громкую славу, непререкаемый авторитет у подчиненных, доверие главнокомандующего генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина и был способен, по мнению генерала И.А. Заборовского, успешно выполнять и далее поставленные перед флотилией сложные боевые задачи.

Заметим кстати, что описывая распрю между Л. Кацонисом и В.Н. Мещерским, Г.А. Гребенщикова не жалеет уничижительных выражений в адрес первого, всячески шельмует его и выгораживает второго, хотя, строго говоря, не приводит должных аргументов в пользу именно своей версии происшедшего. Жалобы Л. Кацониса на В.Н. Мещерского по форме своей близки жалобам В.Н. Мещерского на Л. Кацониса, что подтверждает и Г.А. Гребенщикова, цитируя письмо князя И.А. Остерману (С. 216). Однако тот факт, что генерал В.С. Томара, не замешанный в данном конфликте и не придерживавшийся версий ни одной из сторон, хотя он и был раздражен некоторыми претензиями к нему Л. Кацониса, в упомянутой выше записке подтвердил наличие интриги, направленной именно против последнего. Это доказывает принципиальную правоту Л. Кацониса, объясняет причины его возмущения и действий.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что касаясь упоминавшихся ордеров, Г.А. Гребенщикова ссылается исключительно на архивный материал, тогда как ордера Г.А. Потемкина от 8 января, и В.Н. Мещерского от 14 января 1789 г., опубликованы в МИРФ (Ч. XIII. С. 489 и 491), а письмо И.А. Заборовского, от 29 января / 9 февраля, как уже указывалось выше, в книге Ю.Д. Пряхина⁴⁵. Наконец, привлекает внимание компетентного читателя еще одна деталь — бригадир князь Василий Никитич Мещерский у Г.А. Гребенщиконой везде фигурирует без отчества, видимо автор не сочла необходимым уточнить его, хотя это не представляет труда.

⁴⁴ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 284.

⁴⁵ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 280.

На С. 216 Г.А. Гребенщикова, цитирует ордер И.А. Заборовского Л. Кацонису от 20 марта 1789 г. (если быть точным, от 9/20 марта), опять же, ссылаясь на архивный материал, хотя данный документ опубликован, причем, не единожды⁴⁶. При этом автор книги заостряет внимание читателя на том, что ордером, якобы, предписывались «не произвол в море и не грабежи судов под флагами нейтральных держав, а только операции против открытых врагов и их пособников» (С. 217). Удивительно, но это прямая фальсификация автором книги текста архивного документа, ибо такой фразы в нем нет. В документе говорится: «И как противно бы было намерению Ея Величества, и отвратительно человеколюбивому сердцу Ея, есть ли действия оружия Ея сопровождаемы были грабительством и опустошениями в местах преданных Ей народов; так напротив того несовместно бы было с здравым разсудком щадить людей враждующих против Державы ополченно за их пользы».

Можно предположить, что надуманная Г.А. Гребенщиконой формулировка, должна была заставить читателя предполагать, что прежде Л. Кацонис активно занимался именно «грабежом», что не согласуется даже с упоминавшимися самой Г.А. Гребенщиконой фактами, в частности, взятием Капель Россо. Тем более, странным представляется цитирование ею подлинных формулировок из данного же ордера, в котором говорится: «Суда, которые будут вашею добычею в сем месте (на линии блокады у Дарданелл. – *Авт.*), так и во всем вашем плавании, оставляются в пользу вашу и вашей флотилии» (С. 216). Что в отношении нейтральных судов Л. Кацонису предлагалось руководствоваться принципом – задерживать и осматривать их «только в таком случае, когда есть прямое доказательство или, по крайней мере, сильное и явное подозрение, что на оных везутся товары, запрещенные трактатами» (С. 217). Однако учитывая, что на «сильное и явное подозрение» можно списать любое задержание, И.А. Заборовский, по сути дела, оправдывал все действия Л. Кацониса.

Более того, далее (С. 217) Г.А. Гребенщикова пересказывает обращение (манифест) И.А. Заборовского к грекам, вновь ссылаясь на архивный материал, несмотря на существующую публикацию документа⁴⁷, и опять не дает его датировку (9/20 марта 1789 г.). Тем

⁴⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 442–445, 492–494; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 283–287.

⁴⁷ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 282–283.

не менее, она указывает, что в обращении содержался призыв ко всем «желающим сбросить турецкое иго» записываться на флотилию Л. Кацониса. Это опять фальсификация подлинного текста манифеста, ибо в данном документе, действительно, есть призыв «к подъятию оружия вместе с сею Императорскою флотилиею, в отмщение врагу за вероломство и наглость, и в защищение себя от сего тиранства». Однако Г.А. Гребенщикова даже не пытается прокомментировать данный призыв, хотя, казалось бы, он вступает в противоречие с ее концепцией Л. Кацониса-пирата, «преступника», действующего лишь в своих личных интересах и вразрез с распоряжениями российских военных властей.

Создается впечатление, что смысл призыва И.А. Заборовского ускользает от Г.А. Гребенщиконой, которая использует этот документ только для того, чтобы затем (С. 220) процитировать письмо генерала к А.А. Безбородко от 23 апреля 1789 г., в котором тот сетует, что «будучи ограничены изданными о корсарах правилами», арматоры не только не идут во флотилию, но даже возвращают уже полученные патенты. Показательно, что вместо того, чтобы попытаться определить, в чем же изданные правила противоречили здравому смыслу, и что помешало российскому руководству подойти к названному вопросу реалистически и сделать выбор между попыткой угодить иностранным державам и стремлением нанести неприятелю больший ущерб, Г.А. Гребенщикова сетует на то, что «большинство греческих корсаров, в том числе и Ламбро Кацони, не хотели воевать по цивилизованным правилам» (С. 220). К сожалению, примеров того, когда и какие именно корсары «воевали по цивилизованным правилам», и воевали ли по ним, например, вполне «регулярные» немецкие или американские подводники времен Второй мировой войны, автор книги не приводит.

Удивление вызывает очередная путаница автора в тексте. Ее ссылка на архивный документ (РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 7) при цитировании на С. 217, якобы, «ордера Заборовского», тогда как в указанном деле на Л. 4–12 на самом деле подшита жалоба Л. Кацониса графу А.Н. Самойлову на неправильные, по его мнению, действия Комиссии, датированная 28 апреля 1795 г. А названный ею ордер генерала И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., находится на Л. 13–17 об. Это показывает небрежность автора в работе с документами, что, как уже указывалось выше, и приводит к путанице и серьезным искажениям.

Странным выглядит и то, что Г.А. Гребенщикова не коммен-

тирует цитируемое ею на той же странице всеподданнейшее донесение И.А. Заборовского, В нем генерал прямо указывает, что утвержденные императрицей правила, «огранича их суда, плавающие в Средиземном море, уменьшили число оных столь ощутительно, что все старания мои о составлении из арматоров легкой флотилии были безуспешны». И.А. Заборовский признает, что «видел необходимость обратить паки в море майора Ламбро Качони», чтобы «не оставить свободного плавания неприятельским судам в водах Архипелага». Эти слова показывают, что Л. Кацонис оказался настолько хорошим организатором, что повторить его опыт создания флотилии, не находившейся всецело на государственном обеспечении, генералу И.А. Заборовскому, со всеми его помощниками, не удалось. Указывают они и на то, что российское командование объективно нуждалось в Л. Кацонисе, без которого не надеялось обеспечить должное давление на коммуникации противника в Средиземном море.

Однако Г.А. Гребенщикова придерживается иного мнения. Она утверждает, что Л. Кацонис, лишь благодаря «нежеланию большинства греческих корсаров» воевать «по правилам» получил «еще один шанс проявить себя в борьбе с общим противником». А дабы повысить свою «значимость в глазах» И.А. Заборовского, предложил ему «совершенно фантастический план» — «атаковать и взять на первый случай остров Негропонт» (Эвбея) (С. 220). Других причин появления такого замысла «историк флотов» не усматривает. Между тем, если обратиться к ордеру генерала от 9/20 марта 1789 г., полученному Л. Кацонисом, то легко увидеть на карте, что при исполнении предписания «занять линию чрез Афонскую гору, Лемнос, Тенедос», каперская флотилия оставляла Негропонт, с его, по словам самой Г.А. Гребенщиконой, «сильной цитаделью» и «многочисленными пешими и конными отрядами янычар», а также, очевидно, вооруженными судами в своем тылу, рискуя быть окруженной и уничтоженной неприятелем.

К сожалению, кроме общих слов о том, что на Негропонте у турок были войска, «стапели, арсеналы, магазины», никаких точных данных о численности противника, его расположении, ресурсах Г.А. Гребенщикова не приводит, поэтому читатель не может в полной мере оценить степень «фантастичности», выдвинутого Л. Кацонисом плана. Между тем, внезапное нападение российской флотилии, пусть даже без захвата острова, но с разгромом основных укреплений, уничтожением части гарнизона и средств его обе-

спечения, нанесло бы серьезный ущерб противнику. Это могло на какое-то время реально обезопасить флотилию с тыла, несомненно, привлечь к данному событию внимание турецкого командования, константинопольских властей, что, вероятно, привело бы к переброске в Архипелаг части сил турецкого флота из Черного моря.

Впрочем, такие военные перспективы Г.А. Гребенщикова даже не пытается рассматривать. Скомкав рассказ об «амбициозном плане», о фантазерстве Л. Кацониса, она переходит к описанию действий подчиненной ему флотилии в апреле 1789 г. Примечательно, что и в этом случае у нее не возникает сомнений по поводу ошибочной датировки письма И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 12 апреля 1789 г. Видимо, причиной тому является стремление ориентироваться на депеши дипломатических представителей, в частности, на послания консула в Триесте С. Варуки, в которых деятельность Л. Кацониса упоминается в определенном контексте, говорится о нападении его кораблей на дульциниотские суда (С. 221). В книге Г.А. Гребенщикова это трактуется как продолжение «беззаконий». На деле же это было прямым выполнением пункта VIII ордера генерала И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 года. Правда, читателю остается гадать, квалифицируется ли так сам факт нападений или то обстоятельство, что производились они не там, где это представляется правильным в понимании Г.А. Гребенщикова.

А ведь, в названном выше ордере И.А. Заборовского Л. Кацонису, от 9/20 марта, определено сказано: «Идучи к Дарданеллам, вы будете проходить острова Валлоны, где дульциниоты обыкновенно плавают с судами своими. Не оставьте испытать силу вашей храбрости против сих неприятелей. Весьма было бы выгодно и полезно для оружия Ея Величества разбить их...» О данном приказе сообщалось и в письме генерала А.А. Безбородко, от 12 апреля 1789 г., в котором сказано: «Обе флотилии (Л. Кацониса и Г. Лоренцо. — *Авт.*)... зайдут в остров Воллонуз для нападения на дульциниотов, готовящих помощь туркам противу Его Величества Императора в Банате, а потом к идриотам...»⁴⁸ Поэтому весьма странно видеть в книге оценку Г.А. Гребенщикова данных действий кораблей Л. Кацониса как «разбойного нападения» (С. 224). Настойчиво стремясь очернить Ламброса Кацониса, автор в данном случае противоречит сам себе. В одном месте своей книги она упрекает майора за кажущееся ей неисполнение приказаний начальства, а в

⁴⁸ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб., 2011. С. 286.

другом – за их точное исполнение. Налицо пример научной беспринципности историка и «моральной гибкости», в погоне за обоснованием своих ложных взглядов.

Судя по всему, Г.А. Гребенщикова придает большое значение тому формальному обстоятельству, что корабли Л. Кацониса атаковали дульциниотские суда «в рагузских водах», а не в районе острова «Валлоны» (Авлонь, ныне Влэры). Но ордер отнюдь не ограничивал этим островом район крейсерства (в ордере нет приказа атаковать дульциниотов только у Валлоны). Он лишь сообщал командующему флотилией вероятное местопребывание противника. К слову, в упомянутом ордере, как это указывалось выше, разрешается задерживать даже нейтральные суда, хотя и с ограничениями, а вот запрета на действия в тех или иных водах никакого нет. Наконец, само понятие «вод» является относительным – речь не идет о «территориальных водах» в современном понимании. Если же обратиться к «Правилам для партикулярных корсеров», то они запрещали действия лишь «на пушечный выстрел» от берегов нейтральных держав.

Вернемся к рассказу Г.А. Гребенщикова о событиях 1788 г., который построен, в основном, на «обличении пирата» Л. Кацониса, якобы, захватывавшего сплошь нейтральные суда и не там, где ему велели. Опирается она при этом, на ошибочно датированное письмо И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 12 апреля 1789 г., трактуя его положения как краткое изложение ордера Л. Кацонису. Между тем, действительный ордер, от 9/20 марта 1789 г., не содержит большинства из тех ограничений, о которых рассуждает Г.А. Гребенщикова.

«Разбой» Л. Кацониса она противопоставляет действия «греческого арматора Христудуло», захватившего в Архипелаге турецкую шебеку (С. 221). Правда, автор упоминает об этом случае достаточно осторожно, без особых подробностей, не датируя ни сам захват, ни документ, откуда взяты эти сведения. Вместе с тем, сказано автором о столь «правильном» арматоре, на наш взгляд явно недостаточно, что следует признать ее упущением, так как подобная личность заслуживает большего внимания историка. Особенно, если учесть, что Г.А. Гребенщикова пишет о присоединении Христудуло в Сиракузах «к команде Гвильермо Лоренцо», хотя в списке командиров судов его флотилии (9 человек), приложенном к рапорту С.С. Гибса графу А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., указанной ею фамилии нет (МИРФ Ч. XIII. С. 569). Да и корабли

под командой Г. Лоренцо в 1789 г. выходили из Мессины, очевидно, во второй половине апреля, после произведенного на них ремонта. Возможно, что рассказ о Христодуло, в существующей привязке — очередная фантазия или досадная ошибка автора. К сожалению, приходится констатировать, что Г.А. Гребенщикова в тексте книги не пошла далее простого пересказа тех сведений о действиях различных арматоров, которые поступали в Петербург через дипломатических представителей, не проверяя эти, нередко спорные, возможно, являвшиеся отражением других событий данные по другим источникам.

Поверхностность, нередко проявляемая автором, в очередной раз иллюстрируется упоминанием ею на С. 221 «еще одного греческого корсара с российским патентом» А. Ликардопуло. Г.А. Гребенщикова фактически противопоставляет его «практически неизвестные подвиги» действиям кораблей Л. Кацониса и самого командующего. Однако в письме генерала В.С. Томары в Комиссию («свидетельства щетов и рассмотрения претензий»), от 2 июня 1794 г., перечислены, по состоянию на 1791 год, капитаны судов «эскадры господина Ламбро Коцциони», среди них числится Андрей Ликиардопуло, начальствовавший на галере «Беллона»⁴⁹. Примечательно, что Г.А. Гребенщикова в своей книге на С. 385–386 ссылалась на архивный документ, подшитый буквально на соседнем листе с упомянутым письмом В.С. Томары⁵⁰. Еще любопытнее то обстоятельство, что на С. 389 есть ссылка на другой лист того же дела (на Л. 775 об), где упоминается захват Ликиардопуло кирлангича, принадлежавшего австрийскому подданному, т.е. гражданину страны-союзницы России. Но и этого факта Г.А. Гребенщикова также не замечает. Впрочем, нельзя исключить и того, что наш упрек в поверхностности ошибочен, и подобная «невнимательность» была вполне сознательной.

Посетовав о безвестности «Христодуло и Ликардопуло», Г.А. Гребенщикова переходит к событиям лета 1789 г. и упоминает «донос» на Г. Лоренцо, написанный «неким Анастасием Пангалой, матросом из флотилии Ламбро Кацони» (С. 222). По ее словам, в доносе содержится обвинение мальтийца в бегстве 24 июня от турецкой флотилии, с которой Г. Лоренцо встретился у о. Сиро, тогда

как Л. Кацонис вступил с нею в бой и обратил в бегство. Кроме того, А. Пангало обвинял Г. Лоренцо в «грабежах и убийствах» «жителей о. Идро». Г.А. Гребенщикова этим обвинениям не верит и призывает разобраться «объективно и с фактами в руках».

Казалось бы, после этого заявления должно было последовать действительно объективное изложение обстоятельств, затронутых в «доносе», с опорой на факты. Однако Г.А. Гребенщикова выстраивает свой рассказ иначе. Она говорит о письме Л. Кацониса посланнику в Вене Д.М. Голицыну, от 2 сентября 1789 г., в котором описывается сражение 25 июня и отмечается, что Г. Лоренцо «первым бежал со своим фрегатом» (С. 223). В данном случае, Г.А. Гребенщикова прежде всего волнует, «почему о столь важном событии... Кацони не сообщил Д.М. Голицыну по горячим следам», затем ее настораживает и само описание Л. Кацонисом данного события, в частности, утверждение о малых повреждениях флотилии и существенном ущербе, нанесенном туркам. Все ее сомнения развеивает всеподданнейшее донесение С.С. Гибса, от 22 августа 1789 г., в котором дано «правильное» описание произошедшего.

Правда, переходит Г.А. Гребенщикова к нему не сразу, а после нескольких отступлений, посвященных событиям, предшествовавшим данному сражению. Последуем и мы ее примеру. Для начала также зададимся несколькими вопросами. Во-первых, почему доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова характеризует бумагу, адресованную А. Пангалой в Коллегию иностранных дел, как «донос»? Едва ли это слово стояло в заголовке документа. Чрезмерно краткая его характеристика не позволяет читателю понять, кто и по какой причине направил бумагу в Петербург. Во-вторых, что помешало Г.А. Гребенщиконой точно датировать документ, ведь это помогает ориентироваться в причинно-следственных связях? Наконец, в-третьих, какова связь между обвинениями Г. Лоренцо в грабежах и убийствах идриотов и в трусости перед лицом врага?

Из того, что написано Г.А. Гребенщиконой об этом «доносе», можно заключить, что А. Пангало сообщал в Коллегию иностранных дел, прежде всего, о неблагоприятном поведении Г. Лоренцо, победы которого, по словам автора, нередко приписывал себе Ламброс Кацонис. Ясно, что «грабежи и убийства» на о. Идра моряками кораблей Г. Лоренцо едва ли могли служить отягчающим обстоятельством в глазах российского правительства. Репрессии по отношению к идриотам, при необходимости этого, предписывались всем каперам, включая и Л. Кацониса, ордером И.А. Заборовского,

⁴⁹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 378.

⁵⁰ На указанных листах ссылка на РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 173 и 173 об, а представление В.С. Томара на Л. 174.

от 9/20 марта 1789 г. К тому же, о подобных наклонностях Г. Лоренцо в России знали. Так, в биографии Ф.Ф. Ушакова Р.К. Скаловский писал о мальтийце: «Ненависть его к грекам простиралась до того, что в прошлую войну (1769–1774 гг. — *Авт.*) по приказанию графа Орлова он был пойман и содержался в цепях за пиратство на греческих водах»⁵¹. Тем не менее, испытывая нужду в людях, способных вести каперскую войну с турками, в российскую службу мальтийца приняли. Заметим сразу, что характеристика Р.К. Скаловского позволяет предположить, что между Г. Лоренцо и Л. Кацонисом изначально не могло быть товарищеских отношений, а тем более подчиненности. Нелицеприятную характеристику военно-морским начальникам в Средиземноморье в своем письме Екатерине II в июне 1790 дал Г.А. Потемкин: «...Гибс пьян, Псаро никуда не годится, грабитель греков, — с озабоченностью пишет Потемкин, — Гвильельми стар, католик, разоряет греков и они его не терпят...». Поэтому нет ничего удивительного, что зная все это, Л. Кацонис не отказывал себе в праве критически отзываться о Г. Лоренцо, так он и поступил в письме Д.М. Голицыну.

Недоумение Г.А. Гребенщиковой по поводу того, что Л. Кацонис отправил это письмо «только по прошествии месяца» со дня сражения (в действительности, более двух месяцев) вызывает встречное удивление. Ведь начальник «легкой Российской флотилии», насколько можно судить из сохранившихся документов, не был обязан информировать посланника в Вене. Ближайшей инстанцией для него являлся генерал И.А. Заборовский, затем контр-адмирал С.С. Гибс. Но писал он свои донесения, после убийства Заборовского, обычно только Г.А. Потемкину, а ранее А.С. и Н.С. Мордвиновым. После отъезда И.А. Заборовского в Россию, случившегося вскоре после выхода Л. Кацониса в море, генерала заместил контр-адмирал С.С. Гибс. Уже 24 июля 1789 г. последний направил Л. Кацонису ордер с предписанием зачислить в состав его флотилии И. Монаса. Отношения Ламброса Кацониса с Гибсом не сложились, более того, переросли во взаимную неприязнь. Поэтому можно предположить, что столь необычный адресат в переписке Л. Кацониса появился вынужденно, после какого-то события, о котором потребовалось донести, с учетом его мнения и оценок, в Петербург по иным каналам, нежели существовавшие на тот момент официально. Сделано это, видимо, было затем, чтобы выска-

⁵¹ Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб, 1856. С. 82.

зать свое видение реальной обстановки на морском театре военных действий, оценить имевшие место события, действия их участников, дальнейшие перспективы борьбы на морских коммуникациях. Тем же, как будто, пытается заниматься в своем труде и Г.А. Гребенщикова, но со свойственным ее повествованию вымыслом. Она достаточно бегло описывает происходившее «в водах Архипелага», начиная с того момента, когда флотилия Л. Кацониса удалась от берегов Валлоны (Влэры).

После схватки с кораблями дульциниотов, которую Л. Кацонис выиграл, а значит, успешно исполнил восьмой пункт ордера И.А. Заборовского, он направился к о. Занте, откуда двинулся в Архипелаг, проходя по пути о. Идра (Гидра), Китнос (Кифнос), наконец, высадился на о. Зеа (Кеа), расположенном неподалеку от Негропонта. Заметим, что этот его шаг вполне укладывается в рамки намерения атаковать турецкий гарнизон на Негропонте. Остров Зеа Л. Кацонис избрал в качестве пункта базирования и стал его активно укреплять, оставил на нем свой вооруженный гарнизон. В перспективе данный пункт, будучи базой флотилии, должен был послужить опорой для национально-освободительной борьбы. В письме И.А. Заборовскому, от 20 июня / 1 июля 1789 г., Л. Кацонис признавался: «Предприятия мои, повторю, не иные другие, как только пробудить Грецию и припомнить ей, что она под игом турецким уже столько лет...»⁵²

Между тем, С.Я. Дешаплет, после сожжения шебеки «у местечка Капо Исидора», по словам Г.А. Гребенщиковой, «принял решение идти к острову Зея, где, как ему доложили, находилась флотилия Ламбро. Дешаплет намеревался соединиться с Кацони, чтобы вместе атаковать противника, но сначала он подошел к Негропону, обстрелял форштадт и потопил кирлангич» (С. 224). Здесь мы, опять же, должны заметить, что описанные ею действия С.Я. Дешаплета вполне укладываются в предложенный Л. Кацонисом замысел атаковать Негропонт. Одно лишь остается непонятным, почему от «берегов Мореи» лейтенант, двигавшийся на восток, направился не к Зеа, который был у него на пути, а далее — к Негропону.

Сомнения усиливаются, если обратиться к донесению С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., которое, судя по всему, в основном соответствует его всеподданнейшему донесе-

⁵² Арш Г.Л. Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море, попытка освобождения Греции (1788–1792) // В «интерьере» Балкан. М., 2010. С. 124–125.

нию императрице от 22 августа, на которое ссылается Г.А. Гребенщикова. По словам С.С. Гибса, которые в опубликованном источнике пересказаны в примечании: С.Я. Дешаплет «у о-ва Зеа видел эскадру Ламбро-Качони из 9 судов. Затем, подойдя к о-ву Негропонт», потопил «военный кирлангич» в виду крепости, а 16 июня соединился с тремя фрегатами «и поступил под команду капитана Гульельма Лоренца». О каких либо «обстрелах форштадта» С.Я. Дешаплетом у Негропонта адмирал С.С. Гибс в опубликованном тексте донесения от 11 августа не упоминает. «Соединясь с эскадрой Дешаплета, — пишет адмирал, — Лоренц дал знать Ламбро-Качони о необходимости соединиться, затем пошел к о-ву Зеа...» (МИРФ Ч. XIII. С. 568).

Если же обратиться к письму С.С. Гибса Г.А. Потемкину, от 29 ноября 1789 г., то можно узнать, что С.Я. Дешаплет «на пути в Архипелаг сжег на Морейском берегу» упоминавшуюся выше шебеку «о тридцати шести портах», т.е. еще не вооруженную, как, собственно, и должно было быть на стапеле. Далее «догнал, повредив много, кандиотскую шамбеку, которая по скорости в ходу успела уйтить под крепость Хийскую». Другими словами, С.Я. Дешаплет напал на критское торговое судно, укrywшееся у о. Хиос. «После сего, продолжая путь от Хио и подходя к Негропону, сделал нападение на неприятельский военный кирлангич о двадцати пушках, потопил оный, и во время нападения в порте Каристо, куда кирлангич спешил укрыться, побито турок до двухсот человек»⁵³. И здесь мы не видим упоминаний «обстрела форштадта», зато находим сведения о нападении на «кандиотскую шамбеку», которое, видимо, не вписывается в создаваемый Г.А. Гребенщиконой образ моряков казенной флотилии – исключительно борцов с турецким флотом. Нет и упоминания о том, что С.Я. Дешаплет видел суда Л. Кацониса.

После действий у Негропонта С.Я. Дешаплет направился куда-то (куда именно в рапорте С.С. Гибса не указывается), где 16 июня встретил фрегаты Г. Лоренцо. Объединившаяся казенная флотилия направилась к о. Зеа. Взглянув на карту Архипелага, легко убедиться, что если бы соединение произошло недалеко от Негропонта, переход к о. Зеа занял бы совсем немного времени. Однако Г. Лоренцо предпочел двинуться к проливу между о. Тинос и Микони. При всем том, что расстояние от о. Зеа до о. Тинос также сравнительно невелико, флотилия Г. Лоренцо оказывается неподалеку, у

⁵³ РГАВМФ Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 99 об.

о. Сиро, только 23 июля. Подобные маневры говорят не в пользу стремления Г. Лоренцо объединиться с Л. Кацонисом. Однако это обстоятельство внимания автора не привлекло и желания как-то его прокомментировать не вызвало.

Не отвлекаясь на рассуждения, Г.А. Гребенщикова переходит к рассказу о действиях Г. Лоренцо. Судя по ссылкам на узкий диапазон листов одного и того же архивного дела⁵⁴, все излагаемые сведения она черпает из того же донесения С.С. Гибса Екатерине II, от 22 августа 1789 г. В этом донесении она заимствует сведения об отплытии Г. Лоренцо из Мессины «накануне этих событий», под которыми понимаются упоминавшиеся выше действия Л. Кацониса и С.Я. Дешаплета. Формулировка весьма неопределенная, тогда как из письма И.А. Заборовского А.А. Безбородко, от 12 апреля 1789 г., мы знаем, что выход Г. Лоренцо должен был состояться после отправки этого письма, т.е. ориентировочно во второй половине апреля, возможно, практически одновременно с атакой Л. Кацонисом дульциниотской флотилии у «Валлоны». Заметим, что Г.А. Гребенщикова упоминает предупреждения С.С. Гибса (С. 223) «приматам острова Идры» от 13 мая 1789 г. о скором прибытии Г. Лоренцо в Архипелаг, что также заставляет считать наиболее вероятным временем его выхода вторую половину апреля.

Если наши предположения верны, и Г. Лоренцо нигде не задерживался, то получается, что на путь от Мессины до района между островами Зеа и Сира, где, судя по тексту, могло 16 июня состояться соединение с отрядом С.Я. Дешаплета, ему потребовалось около двух месяцев. Срок, заметим, довольно большой. К объединившимся силам, по словам Г.А. Гребенщиконой, примкнул «небольшой отряд графа Георгия Войновича» (С. 224). Надо сказать, что это обстоятельство имеет существенное значение: в опубликованном донесении С.С. Гибса А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г., об отряде «Г. Войновича» не говорится. Более того, есть серьезные основания считать, что капитан Егор Васильевич Войнович не командовал отдельным отрядом судов на Средиземном море.

Приложенный к донесению С.С. Гибса список свидетельствует, что «капитан Войнович» командовал одним из трех фрегатов – «Перфет Алианс», в составе отряда Г. Лоренцо. Анализ же текста этого донесения показывает, что силы казенной флотилии были разделены на две группы: вышедшие из Мессины фрегаты, под ко-

⁵⁴ АВПРИ Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2114. Л. 1–5 об.

мандованием Г. Лоренцо, и 6 малых судов, отправившихся в море из Сиракуз, которые подчинялись С.Я. Дешаплету (МИРФ Ч. XIII. С. 568—569). Соединившись, отряды, как отмечалось выше, вроде бы двинулись к о. Зеа, но в контакт с флотилией Л. Кацониса не вступили, а изменили курс и пошли к проливу между островами Тинос и Микони, где, по сведениям, находилась турецкая эскадра.

Далее повествование Г.А. Гребенщикова начинается все более расходясь с данными донесения С.С. Гибса, от 11 августа. Она пишет о том, что соединенные отряды «имели в своем распоряжении более десяти судов» (С. 224), по свидетельству же адмирала С.С. Гибса — ровно 9. Г.А. Гребенщикова указывает, что турецкая эскадра состояла из 3 линейных кораблей, четырех фрегатов, пяти кирлангичей и двух галиотов, «на которые и указывал Кацони». С.С. Гибс говорит о 3 кораблях «о 66 пушках», 5 кирлангичах «о 20 пушках» и 2 полугалерах. Подсчет орудий показывает, что у турок, не считая полугалер, было около 298 орудий, на соединенных отрядах, не учитывая того, что одно из судов (какое, неизвестно) было отправлено с известиями к Л. Кацонису, всего 184 пушки и 36 фалконетов. Калибры орудий неизвестны, поэтому судить о соотношении сил можно лишь приблизительно, но несомненно, что на стороне турок был явный перевес в числе артиллерийских стволов.

Далее Г.А. Гребенщикова указывает, что «21-го июня де Шаплет с Лоренцо и Войновичем приняли решение» идти прямо к неприятелю, «в упование» на присоединение Л. Кацониса (С. 225). С.С. Гибс же писал о том, что распоряжался именно Г. Лоренцо, командовавший казенной флотилией. Надо сказать, что для флотоводца в военное время «упование» едва ли уместно — отряд, на который рассчитывают, может быть задержан погодой, неисправностями, неприятельскими силами. Тем не менее, не дождавшись приближения флотилии Л. Кацониса, Г. Лоренцо, по словам С.С. Гибса, 23 июля «у о-ва Сиро» вступил в перестрелку с турками, «продолжавшуюся 2 дня, после чего турецкая эскадра отступила». Г.А. Гребенщикова же пишет о том, что 24 июня соединение Г. Лоренцо лавировало, «пытаясь выиграть ветер» и ожидало «подхода флотилии Кацони», бой же начался 25 июня и продолжался «около трех часов».

Прежде всего, внимание подготовленного читателя привлекает разнобой в датировках — там, где в опубликованном донесении С.С. Гибса фигурирует июль, у Г.А. Гребенщикова июнь. Разумеется, никаких комментариев по этому поводу в книге нет. Каких-то определенных данных об этом бое С.С. Гибс не приводит,

в донесении нет ни числа судов, непосредственно участвовавших в перестрелке, ни дистанций, на которые противники сближались, ни количества выпущенных ядер, ни потерь в личном составе, ни описания повреждений с той и другой стороны. Также никаких подробностей он не сообщает и о перестрелке, в которую вступила с турками флотилия Л. Кацониса. Сказано лишь, что «пальба происходила... по проходящим мимо его неприятельским судам». Строго говоря, под эту характеристику вполне подпадают и действия флотилии Г. Лоренцо — он стрелял по проходившим мимо туркам и, вопреки утверждению Г.А. Гребенщикова, не преследовал их, когда они отступили. Опираясь на имеющиеся сведения, мы не в состоянии даже назвать причину, по которой турки отошли: в результате ли повреждений судов и потерь в личном составе или же по воле их командующего.

Примечательно, что утверждая, будто «россияне», т.е. флотилия Г. Лоренцо, преследовали турок, а последние по пути обстреляли суда Л. Кацониса, которые «успели отойти на дальнюю дистанцию», Г.А. Гребенщикова не указывает на источник своих сомнительных утверждений. Можно лишь предположить, что им является все то же всеподданнейшее донесение С.С. Гибса, который строит свой рассказ так, чтобы умалить роль флотилии Л. Кацониса. Обвинительный уклон донесения С.С. Гибса бросается в глаза: там подчеркивается «славолюбие» и «бесчеловечие» капера, «презрение к начальству», «неисполнение инструкции» И.А. Заборовского. Сообщается также, что Л. Кацонис: «заявил, что он ничего знать не хочет и ни от кого советов принимать не будет, хотя бы таковые были от самого графа Орлова, объявляя о себе, что он прислан на море начальствовать, и он есть единый комендант здешних стран». Особо подчеркивается, что Л. Кацонис «сам о себе сказал, что россияне другой раз в руки свои не достанут уже его». Собственно, подобные обвинительные места донесения вполне могут быть охарактеризованы как неприкрытый донос слабого начальника на своего подчиненного.

Чтобы оценить написанное С.С. Гибсом, посмотрим, что писал по тому же поводу В.С. Томара. В «Записке о делах флотилии в Архипелаге» генерал указывал: «Несогласия между начальниками двоих флотилий, казенной и вольной, завелись тогда же; главная причина тому есть, что Ламбро и по отъезде генерал-поручика и кавалера Заборовского, весьма скоро последовавшем, твердо держался повелений, данных ему от помянутого генерал-поручика при

отправлении из Триеста и не слушался остающихся тамо начальников, которые за то арестовали его людей, суда и по жалобам отдавали призы»⁵⁵.

Легко понять, что уязвленное самолюбие, а возможно, и корыстный интерес этих «остающихся начальников», а именно: С.С. Гибса, А.К. Псаро и отчасти Г. Лоренцо, которому С.С. Гибс пытался подчинить Л. Кацониса, не способствовали объективному изложению фактов. Как свидетельствует сохранившееся письмо Дмитрия Ламбро командиру одного из судов легкой флотилии, капитану А. Вихиардопуло, от 29 октября 1789 г., «начальники» активно интриговали против Л. Кацониса. Д. Ламбро сообщал, что «в силу наставлений, полученных от господина генерала и кавалера Жибса (Гибса — *Авт.*) из Сиракузы через господина Бенаки, повелено сказать под тайною всем капитанам, находящимся в эскадре майора Ламбро, что если он не поедет ныняшнего года в Сиракузу, то он будет несчастлив вместе с теми, которые будут держаться его мнения»⁵⁶.

Не ограничиваясь местными интригами, контр-адмирал С.С. Гибс посылал соответствующие «донесения» и Г.А. Потемкину. Так, 29 ноября 1789 г. он писал главнокомандующему: «...Капитан Гульельмо сделал воинский совет для положения лучших способов напасть на неприятеля; майор Ламбро никаких советов не принял. Сказав, что и принимать не будет, хотя бы оные выдаваемы были от самого графа Орлова; при том объявил о себе, что он прислан на море начальствовать, и в том отчет даст одной Государыне»⁵⁷. Заметим, что последние слова показывают, что Л. Кацонис видел свой долг в служении России, как он его понимал, а не конкретным начальникам.

Примечательно, что далее в «донесении» говорилось, будто Л. Кацонис «начал переманивать людей из казенной флотилии к себе...». Учитывая сказанное выше в письме Д. Ламбро капитану А. Вихиардопуло, отправленном адресату месяцем ранее, трудно воздержаться от комментария по поводу истинных инициаторов подобного переманивания. Логично предположить, что именно «начальствующие», уже пытавшиеся в начале 1789 г. отобрать у Л. Кацониса флотилию, первыми стали настойчиво зазывать капитанов

судов его флотилии, с их кораблями и экипажами, на свою сторону. Активизировалось это, видимо, вскоре после июльских событий, показавших независимость строптивного майора, вскоре получившего чин подполковника. Речь в данном случае, конечно, идет не столько о том, что Л. Кацонис 25 июля не подоспел к месту и к началу боя флотилии Г. Лоренцо с турками, сколько о его поведении и решительных действиях на последовавшем затем военном совете, упоминаемом адмиралом С.С. Гибсом.

Здесь следует отметить разночтения между описанием произошедшего Г.А. Гребенщиковой и адмиралом С.С. Гибсом, в его донесении А.А. Безбородко, от 11 августа 1789 г. Живописуя эффективные маневры флотилии Г. Лоренцо, Г.А. Гребенщикова рассказывает о том, как его суда преследовали турок, которые прежде отогнали корабли Л. Кацониса. С ними затем корабли мальтийца и встретились. «Противник же тем временем отошел к острову Самос, где получил подкрепление — еще четыре фрегата, а затем направился к Хио. Российская флотилия ушла в обратном направлении, к острову Идро», — пишет она (С. 226). Между тем, С.С. Гибс, не упоминая о преследовании турецких кораблей, указывал: «В рапорте от 30 июля Лоренц объявляет, что Ламбо-Качони прибыл к нему к о-ву Идру с 5-ю судами, и обе флотилии направились к о-ву Тино и узнали, что неприятельская эскадра увеличена 4 фрегатами и 2 шамбеками, и находится на рейде о-ва Самоса» (МИРФ Ч. XIII. С. 568).

Таким образом, из слов С.С. Гибса вырисовывается следующая картина: получив уведомление от Г. Лоренцо, Л. Кацонис повел те суда, которыми располагал, т.е. половину своей флотилии, на соединение в указанный район. Учитывая маневрирование казенной флотилии и турецкой эскадры, которые перемещались в течение 23–24 июля, Л. Кацонис сумел лишь выйти на путь отхода турок после их перестрелки с судами Г. Лоренцо и, в свою очередь, обстрелял неприятеля. Не исключено, что турецкий командующий принял решение отойти, усмотрев на горизонте паруса судов Л. Кацониса, которые еще не были видны с кораблей казенной флотилии. Г. Лоренцо турок не преследовал, а направился к о. Идра, куда вслед за ним подошел и Л. Кацонис. Соединившись, флотилии направились к о. Тинос, севернее района недавнего боя, куда отходили турки, но там выяснилось, что неприятель держится заметно восточнее, у о. Самос, и уже получил подкрепление, так что соотношение сил заметно изменилось, ибо к турецкой эскадре присоединились шесть кораблей, включая четыре фрегата.

⁵⁵ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 370.

⁵⁶ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 298.

⁵⁷ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 299.

О чем именно спорили Л. Кацонис и Г. Лоренцо, остается неизвестным. Во всяком случае, грек отказался подчиниться мальтийцу. Рассказывая об этом неповиновении, Г.А. Гребенщикова явно осуждает Л. Кацониса, между тем, в ордере И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., ясно сказано: «Я не обязываю вас действовать всегда с ним, ни его с вами, и как никто из вас не подчинен друг другу, то и соединение ваше зависит от единой пользы службе...»⁵⁸. Разумеется, понимание «пользы службе» у каждого из них было своим, и на военном совете, состоявшемся между 25 и 30 июля у о. Тинос (а не Идра, как утверждает Г.А. Гребенщикова), Л. Кацонис отказался подчиниться Г. Лоренцо, следовать его решениям.

Примечательно, что Г.А. Гребенщикова, явно фантазируя, утверждает, будто «майор Кацони даже не появился на этом совете» и тут же цитирует донесение Г. Лоренцо, очевидно, от 30 июля, в котором говорится, будто Л. Кацонис «никаких советов не принял и данные ему от меня повеления презрев, изъяснил о себе, что он прислан на море начальствовать и не обязан принимать советов ни от кого» (С. 226). Несуразицу в том, что Л. Кацонису было бы трудно что-либо «изъяснить» Г. Лоренцо, ведь он «даже не появился» на военном совете, Г.А. Гребенщикова не замечает. Прибавим к этому и то, что в опубликованном донесении С.С. Гибса, от 11 августа 1789 г., сказано: «Лоренц сделал воинский совет, на котором Ламбро-Качони заявил, что он ничего знать не хочет и ни от кого советов принимать не будет...»⁵⁹. Другими словами, факт присутствия Л. Кацониса на военном совете и здесь не подвергается сомнению. Возникает противоречие, которое историк Г.А. Гребенщикова никак не поясняет.

Надо сказать, что процитированный Г.А. Гребенщиконой отрывок из донесения Г. Лоренцо позволяет понять, что мальтиец вышел за рамки ордера И.А. Заборовского, согласно которому оба командующих флотилиями имели равные права, и попытался навязать Л. Кацонису свою волю, «дать ему повеления», чего тот, разумеется не мог допустить. Это донесение также наводит на мысль, что первыми в наступление перешли недоброжелатели Л. Кацониса: Г. Лоренцо написал о происшедшем военном совете С.С. Гибсу 30 июля, последний сообщил все графу А.А. Безбородко 11 августа.

⁵⁸ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 284.

⁵⁹ МИРФ Ч. XIII. СПб, 1890. С. 568; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 296–297.

Надо полагать, что поступившее в Коллегию иностранных дел «в конце лета» послание А. Пангало стало одной из попыток донести до Петербурга иное видение событий, актуальность которых, надо полагать, стала очевидной после упомянутого военного совета, на котором стороны, видимо, высказали друг другу свои претензии и стали враждебны в отношении друг друга.

В том же ряду стоит и письмо Л. Кацониса Д.М. Голицыну, написанное, судя по всему, уже после того, как подтвердился факт отправки в Петербург донесений С.С. Гибса. Заметим, что по утверждению Г.А. Гребенщиконой, Л. Кацонис (фигурирующий как «майор», хотя он еще 24 июля он был произведен в подполковники⁶⁰), пишет о сражении 25 июня меж островами Тинос, Наро (очевидно, Парос) и Серфо, которое «началось в семь часов пополуночи, кончилось в шесть часов пополудни», т.е. длилось с утра до вечера, причем, турки располагали 3 линейными кораблями, 4 фрегатами, 5 кирлангичами и 2 галиотами, тогда как его флотилия состояла из шести судов (С. 223).

Здесь мы вновь сталкиваемся с анахронизмом (июнь-июль), с иным составом турецких сил, иной локализацией места сражения, а также иной продолжительностью перестрелки, чем те, которые названы в опубликованном донесении С.С. Гибса. Ничто из перечисленного, как и во многих других случаях, не разъясняется и не подтверждается документально Г.А. Гребенщиконой. И это представляется весьма странным, учитывая, что затем она говорит о трехчасовой перестрелке с турками флотилии Г. Лоренцо, пренебрежительно замечая, что Л. Кацонис от неприятеля «успел отойти на дальнюю дистанцию». Казалось бы, столь явные нестыковки в собственном рассказе должны были привлечь внимание автора и побудить ее к более внимательному анализу источников и разъяснению возникших противоречий и появившихся новых данных, но она этого не делает, считая, видимо, себя непогрешимой.

Далее Г.А. Гребенщикова возвращается к обвинениям Л. Кацониса в пиратстве, касаясь жалоб на него французских подданных (С. 226). Она упоминает (опять не датируя) некую «просьбу» Екатерины II «во всем разобраться». В отличие от императрицы, Г.А. Гребенщикова считает, что «разбирательства не требовалось — все было ясно, требования пострадавших справедливы». Между тем, еще в письме Г.А. Потемкину, от 27 июня 1788 г., Л. Кацонис сооб-

⁶⁰ Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 218.

шал, что у о. Парос два французских фрегата вручили ему «выписку из капитуляций, заключенных между дворами нашим и французским» и на словах передали, будто французские купеческие суда «свободно имеют провозить турецкие товары и турков». Последнее вызывало у Л. Кацониса сомнение, и он «просил его превосходительство» министра в Венеции А.С. Мордвинова пояснить ему смысл «оних капитуляций», так как «почти ежедневно» встречал «французские суда с турками и ихними товарами». Л. Кацонис утверждал, что «как прежде, так и поныне не трогаю, а только осматриваю, не имеют ли военных припасов. Чрезвычайно теперь интересуются господа французы, ибо турки всю свою коммерцию обратили на французские суда»⁶¹.

Надо сказать, что о давних торговых связях французов с турками знает и Г.А. Гребенщикова. В книге «Балтийский флот в период правления Екатерины II» она сама указывала на факты задержания российскими кораблями французских купеческих парусников (в частности, судна «Neugeux»), перевозивших товары «в районы, занятые турками». Тогда «по приказу А.Г. Орлова груз был конфискован, а пассажиры, среди которых оказались и турки, задержаны». В связи с этим Г.А. Гребенщикова писала, что «из случаев с французскими и рагузскими судами можно заключить, что уже в первые месяцы присутствия российского флота в Архипелаге происходило расширение понятия (пока де факто) о судах, воюющих на стороне противника с одной стороны, и о нейтральных судах перевозящих контрабандный груз и товары для противника, с другой»⁶².

На этот раз Г.А. Гребенщикова предпочитает о таких фактах, о своей прежней позиции не вспоминать и о заинтересованности французских судовладельцев в торговле с турками не задумываться. Заметим, что в ордере И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., т.е. выданном Л. Кацонису спустя десять месяцев после указанного выше письма, говорилось, что ему разрешается «визитировать», т.е. осматривать нейтральные суда, хотя и с оговоркой — «только в том случае, когда есть прямое доказательство, или, по крайней мере, сильное и явное подозрение, что на оных везутся товары запрещенные трактатами»⁶³. Учитывая, что за истекшее время французы едва ли успели отказаться от прибыли за перевозку турецких това-

ров и подданных, у Л. Кацониса были все основания их останавливать. Описываемый же в жалобах судовладельцев «значительный ущерб» следовало бы доказывать по независимым источникам, чего Г.А. Гребенщикова не делает, хотя и берет на себя смелость утверждать, что ей «все ясно».

Г.А. Гребенщикова в своей книге не сомневается и в том, что «успешная весенне-летняя кампания российской флотилии под командованием капитана Г. Лоренцо в Эгейском море привела к смене морейского паши» (С. 226). Такое утверждение тем более странно, что выше Г.А. Гребенщикова сама указывала на те факты, которые привели к этому событию, а именно: устройство Л. Кацонисом базы на о. Зеа, перестрелка его флотилии с турецкой эскадрой, которые заставляют признать, по меньшей мере, равные результаты и значение действий обеих флотилий. Особенно удивительно выглядит упомянутое утверждение автора книги в силу сентябрьского донесения Д.М. Голицына, цитируемого ею далее (но опять, не датируемого точно), в котором говорится: «Вооруженные алжирские суда, соединясь с турецкою беломорскою (архипелагской. — Авт.) эскадрой, атаковали флотилию российских корсаров и совершили нападение на остров Зеа» (С. 227).

Возложив вину за все происшедшее на Л. Кацониса, Г.А. Гребенщикова затем описывает атаку алжирских судов на корабли его флотилии и последующее возвращение «озлобленного Кацони» на о. Зеа, где он, по словам автора, «выместил весь свой гнев на местных жителях», «разорил сделанные там укрепления, и по взятии с собою тех людей и вещей, коих только мог, удалился из Архипелага» на о. Цериги (С. 227). На Зеа же высадились алжирцы, обзглавившие «четырёх начальников помянутого острова». Налицо очередная фальсификация событий.

Прежде всего, трудно понять, что имеет в виду Г.А. Гребенщикова, когда пишет, будто Л. Кацонис «выместил весь свой гнев на местных жителях». Это утверждение ею никак не обосновывается и документально не подтверждается. Упомянутое «разорение сделанных там» укреплений, сооруженных по его приказу моряками флотилии, с привлечением местных жителей, едва ли могло затронуть греческое население острова. Примечательно, что Г.А. Гребенщикова не указывает, откуда взяты сведения о таком разорении, и цитирует лишь сентябрьское донесение П.М. Скавронского (не датируя его точно), хотя в нем сообщается, несколько другое: «Майор Ламбро оставил остров Зею очень скоропостижно, зажегши в та-

⁶¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 267.

⁶² Балтийский флот в годы правления Екатерины II. СПб, 2007. С. 303, 315.

⁶³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 285.

мошнем порте собственное свое судно, дабы не овладел оным неприятель, бросивши несколько людей на острове и не успев свезти на суда пяти пушек, принадлежащих ему» (С. 227–228). Из слов П.М. Скавронского вырисовывается картина поспешного оставления острова, во время которого у Л. Кацониса просто не было времени «разорять укрепления». А вот репрессии алжирцев, действительно, оказались суровыми — пролилась кровь. Убийство ими греков, грабежи христиан можно расценивать как месть за сражение кораблей Кацониса с турецкой эскадрой, попрекать за которое Л. Кацониса было бы весьма странным. Между тем, в данном случае, именно этим фактически и занимается Г.А. Гребенщикова, в очередной раз стремясь очернить подполковника.

Заметим, что и сама последовательность данных событий и суть их искажены, запутаны. Сперва автор сообщает, что возвратившись на о. Зеа «после столкновения с турецкой эскадрой», Л. Кацонис «даже успел жениться». Однако далее она пишет, что «в море его флотилия встретила как раз те алжирские суда, шедшие на соединение с турками» и в сражении была разбита, а два судна захвачены, и лишь затем «озлобленный Кацони вернулся на Зею». Становится непонятным, где и когда именно Л. Кацонис встретил мифические «те алжирские суда», как умудрился, вернувшись «озлобленным», «жениться» и одновременно «выместить свой гнев» на местных жителях. Если же обратиться к донесению контр-адмирала С.С. Гибса, от 11 августа, то можно прочитать, что после упоминавшегося военного совета у о. Тинос, Г. Лоренцо «вышел из порта Тина и стоя на рейде порта Трио на о-ве Парос, видел прошедшую мимо эскадру Ламбро-Качони, держащую путь к о-ву Микони», о чем и донес 30 июля⁶⁴. То есть, от Тиноса Л. Кацонис пошел не на запад, к Зеа, как утверждает Г.А. Гребенщикова, а в обратную сторону — на юго-восток.

Когда и как он вернулся на о. Зеа, пока не установлено. Согласно предлагаемой А.Г. Сацким реконструкции событий, после сражения 25 июля флотилия Л. Кацониса возвратилась на о. Зеа, где ее командующий поспешил жениться. Вскоре подошли суда Г. Лоренцо, которых, по мнению А.Г. Сацкого, Л. Кацонис в гавань не пустил, но позволил мальтийцу войти на шлюпку, чтобы переговорить. Последнему удалось убедить Л. Кацониса вновь выйти в море, на поиски неприятеля. Обе флотилии дошли до о. Тинос, где

⁶⁴ МИРФ Ч. XIII. С. 568; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 297.

состоялся военный совет, произошла ссора двух командующих, после которой Л. Кацонис стал призывать командиров четырех судов, ранее подчинявшихся ему, но затем вошедших в состав соединения Г. Лоренцо, вернуться. Это заставило мальтийца поспешно уйти со своей флотилией от о. Тинос, а Л. Кацонис повернул к о. Зеа, где его и захватили врасплох вражеские корабли⁶⁵. В эту версию вписываются и сведения о сражении Л. Кацониса с неприятелем 3 августа 1789 г. у о. Макронисос (Элени), расположенном у берегов Аттики, к северо-западу от о. Зеа. Возможно, что здесь речь идет о преследовании турками и алжирцами части судов флотилии.

Отступая под давлением турецко-алжирского соединения, Л. Кацонис направился на юго-запад и остановился на о. Цериго. Тем временем, флотилия Г. Лоренцо, на которого никто не нападал, вообще ушла из Архипелага ранее обоснованного срока (осени), прекратив выполнение поставленной ей боевой задачи. Не замечая преступных действий ее командующего, Г.А. Гребенщикова пишет, что его флотилия «вынуждена была на некоторое время покинуть опасный район и вернуться в базу, в Сиракузы» (С. 227) 29 августа 1789 г. Заметим, что определение «на некоторое время» звучит слишком туманно, следовало сказать «до конца 1789 года». Вынужденный доложить о случившемся Г.А. Потемкину, С.С. Гибс заверил главнокомандующего и через него императрицу, что будет «употреблять всевозможныя старания к доставлению самонужнейшего для флотилии и выпроводит оную в Архипелаг», стараясь этим оправдаться за своего протеже. Естественно, такой выход в море реально не мог состояться. Г. Лоренцо был отстранен от командования флотилией и в боевой кампании 1790 г. ею уже командовал генерал-майор А.К. Псаро, также затем отстраненный от должности.

В связи со всем вышесказанным, весьма надуманным выглядит упрек, брошенный Г.А. Гребенщиконой в адрес Л. Кацониса, что он «не соединился с Лоренцо в назначенной точке randevu и не пошел вместе с ним к Дарданеллам» (С. 223). Оперативная обстановка на театре, события развивались таким образом, что ни одна из флотилий, обозначенную генералом И.А. Заборовским линию блокады Дарданелл так и не сумела занять.

Примечательно, что согласно опубликованному донесению С.С. Гибса, от 5 сентября 1789 г., Г. Лоренцо прибыл в Сиракузы 29

⁶⁵ Сацкий А.Г. Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. 2006. № 6.

августа⁶⁶. Другими словами, он ушел от о. Парос практически сразу же после того, как донес о том, что Л. Кацонис направился «к о-ву Микони», в первых числах августа, возможно, получив известие о нападении турецко-алжирского соединения на о. Зеа. Удивительно, но Г.А. Гребенщикова оправдывает его поступок. Она пишет, что «слишком несоразмерное стало соотношение сил». Действительно, по сентябрьскому сообщению П.М. Скавронского «умножилось число неприятельских судов до тридцати шести» (С. 27), и на это в книге ссылается автор, оправдывая поведение Г. Лоренцо. Но ведь флотилия Л. Кацониса осталась в районе боевых действий, о чем автор предпочитает умалчивать, хотя превозносимый ею «герой», по сути, позорно сбежал из архипелага, нарушив приказ. Названный Г.А. Гребенщиконой аргумент, по ее мнению, оправдывающий командующего казенной флотилией несомненно может быть отнесен и к флотилии Л. Кацониса, но об этом автор, разумеется, умалчивает, хотя и заявляет, что даже объединение ее с казенной флотилией не обещало успеха в действиях против турецко-алжирских сил. Содержание книги показывает, что Г.А. Гребенщикова, не смущаясь, при освещении исторических событий, пользуется двойными стандартами. Поэтому она столь по-разному описывает и относится к отступлению из Архипелага флотилии Г. Лоренцо и более поздний выход из него кораблей Л. Кацониса.

Вызывает удивление пассаж на С. 228 книги, когда при рассказе о последствиях оставления кораблями Л. Кацониса о. Зеа, Г.А. Гребенщикова пишет, что служившие во флотилии матросы стали уходить из-за невыплаты жалования, а также потому, что «не хотели брать грех на душу и участвовать в разбоях». Однако далее по тексту, исходя, якобы, из «показаний бывших матросов», речь уже идет о «взятии в призы», «гордости и славолубии», а также о плохих отзывах о Л. Кацонисе одного «очень богатого примата», со ссылкой на всеподданнейшее донесение контр-адмирала С.С. Гибса, от 22 августа. Как мы уже указывали выше, отношение адмирала к Л. Кацонису было весьма далеким от объективности: он ненавидел грека-командующего. В данной ситуации профессиональному историку не мешало бы хорошо разобраться во всем, проявить научную принципиальность, а не оказаться в зависимости от показаний одной из сторон конфликта. Заметим, что выше мы уже приводили оценку военно-морского командования, данную

⁶⁶ МИРФ Ч. XIII. С. 602; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 89, 297.

Г.А. Потемкиным 20 июля 1790 г. в письме Екатерине II. Приведем еще одну, теперь от августа 1790 года: «...Я доносил уже Вашему Императорскому Величеству, — пишет Г.А. Потемкин, — о контр-адмирале Гибсе и генерал-майоре Псаро: первый не годится, другой вреден по худому обхождению с греками, и что он много начтет расходов, а не выстрелит ни разу...».

Разоблачает надуманный тезис Галины Александровны об «уходивших матросах» с флотилии Л. Кацониса и рапорт В.С. Томара, от 21 февраля / 4 марта 1791 г., в котором сказано: «...Есть в Триесте до 200 человек, служивших на обеих флотилиях, сии мало по малу в ожидании моего приезда из островов скопились в Триесте для того, что из флотилии Ламбровой никто не шел под команду генерала Псаро и подполковника Гвильelmi; а оставившие сию флотилию люди не имели где деваться после утраты полковником Ламбром большей части своих судов»⁶⁷. Разумеется, кто-то из моряков, по тем или иным причинам, действительно, мог уйти. Но если бы это явление получило широкое распространение, то Л. Кацонису не удавалось бы раз за разом набирать людей во флотилию и возрождать ее после боевых потерь и серьезного поражения в 1790 году, что и имело место в действительности.

На С. 229 Г.А. Гребенщикова и вовсе выходит за приемлемые для исторического исследования рамки, заявляя, будто «честные греки» считали Л. Кацониса «мятежником и злодеем». Однако что следует понимать под «честностью» и на основании каких именно критериев Г.А. Гребенщикова берется отнести ту или иную историческую личность к категории «честных», в книге не поясняется. Между тем, у жителей Греции не было никаких оснований объявлять Л. Кацониса мятежником, так как большая их часть находилась под турецкой оккупацией, с которой он как раз и пытался бороться. Надо полагать, под «честными» Г.А. Гребенщикова в данном случае понимает лиц, состоявших на российской службе, или тех, кто сотрудничал с ними, но сам факт такой службы не является гарантией честности. Примечательно, что в книге «Балтийский флот в период правления Екатерины II» такого отношения к пророссийски ориентированным грекам мы не наблюдаем, напротив, Г.А. Гребенщикова находила немало поводов покрывать их, часто весьма и неоправданно жестко.

Завершая рассказ о событиях 1789 г., Г.А. Гребенщикова остав-

⁶⁷ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 319.

ляет Л. Кацониса на о. Цериго, хотя упоминает появление его людей на о. Термия, расположенном к югу от о. Зеа, что означает фактическое возвращение судов флотилии в Архипелаг, хотя в источнике все внимание и сосредоточено на личном конфликте Л. Кацониса с неким «богатым приматом». Заметим, что никаких определенных данных по этому конфликту, в частности, изложения его причин, Г.А. Гребенщикова не дает, так что читателю остается гадать и задумываться, а не служил ли этот примат туркам, не выступал ли против влияния России в Архипелаге, не пытался ли помешать реквизиции средств на снабжение флотилии, которая в то время, как не раз подчеркивала сама Г.А. Гребенщикова, уже официально являлась российской.

О том, что делал в этот период сам Л. Кацонис, Г.А. Гребенщикова не пишет. Однако из документов следует, что он прибыл на о. Занте и оставался там некоторое время, так как на флагманском судне была повреждена грот-мачта, и требовался довольно серьезный ремонт. По словам С.С. Гибса, остальные суда Л. Кацонис отпустил в крейсерство, позволив им брать призы, не взирая на их флаг⁶⁸.

БОЕВАЯ КАМПАНИЯ 1790 ГОДА

Покончив с событиями 1789 г., Г.А. Гребенщикова начинает рассказ о следующей кампании со ставшего привычным, но не обоснованным, обвинения Л. Кацониса в «мятежности», вновь пишет о том, что он «так и не соединился с отрядом Гвильермо Лоренцо и продолжал незаконные действия» (С. 309–310). Как выше было изложено, никакой «мятежности» в этот период Л. Кацонис не проявлял. Он действовал на основании ордера И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., предоставившего ему все права самостоятельного командующего, а флотилия Г. Лоренцо, после позорного возвращения 29 августа в Сиракузы, больше в Архипелаг не выходила, и соединиться с нею не представлялось возможным, да и необходимым.

Как пишет Г.А. Гребенщикова, «с наступлением весны 1790 года призовая комиссия по делам российских корсаров перебазировалась из Сиракуз в Ливорно» (С. 309). Заметим, что столь су-

⁶⁸ РГАВМФ Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 101 об.; частично опубликован: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 299–300.

щественное отступление на север серьезно усложняло процедуру оформления призов – их приходилось бы отправлять заметно дальше, чем в Сиракузы, на что требовалось больше времени. Причины такого шага не указываются. Мы можем только предположить, что они как-то связаны с кончиной в феврале 1790 г. императора Иосифа II и начавшимися затем переговорами австрийцев с турками о прекращении боевых действий. Г.А. Гребенщикова же этим вопросом вовсе не интересуется и читателю в своей книге внешнеполитические действия Екатерины II не объясняет.

Вместо этого она пишет о том, что императрица «назначила командующим объединенной флотилией генерал-майора (и контр-адмирала)» А.К. Псаро, «поручив ему отправиться из Ливорно на соединение с Кацони». То же было предписано и Л. Кацонису, но как указывает сама Г.А. Гребенщикова, «точного местонахождения его никто не знал – лишь по неопределенным сведениям он вернулся на остров Зея» (С. 310–311). Заметим, что через абзац она пишет: «...Из залива Волло Кацони отплыл к острову Зея». Это означает, во-первых, что местонахождение Л. Кацониса, все-таки, было известно довольно точно, во-вторых, что его суда совершали плавания в Архипелаге, причем, теперь уже заметно дальше, чем прежде — залив Воло находится северо-западнее Негропонта.

Особо следует сказать о предписании императрицы А.К. Псаро «отправиться из Ливорно». В опубликованном ордере С.С. Гибса Л. Кацонису, от 2 февраля 1790 г., говорилось, что в соответствии с указом Екатерины II и сопроводительным письмом к нему, он «с половины сего февраля» отправляется «вместе с Комиссиею в порт Ливорну», тогда как А.К. Псаро «отправится в скором времени в порт Триест для принятия начальства над готовящеюся флотилиею, с которою оттуда отправится в Архипелаг»⁶⁹. Таким образом, «на соединение с Кацони» капитану генерал-майорского ранга, как назывался чин, в который А.К. Псаро был произведен 14 апреля 1789 г.⁷⁰, предстояло выйти не из Ливорно, а из Триеста. И командовать он должен был не «объединенной флотилией», как утверждает Г.А. Гребенщикова, таковая еще не была создана, а лишь казенной.

Последнее заблуждение автора опровергается орденом Г.А. Потемкина генералу В.С. Томаре, от 24 декабря 1790 г., в котором сказано: «По составлении сих сил из разных команд, из которых

⁶⁹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 302.

⁷⁰ Общий морской список. Ч. IV. СПб, 1890. С. 619–620.

одна собрана полковником Ламбро-Качони, другою же, снаряженною от короны, управляет генерал-майор Псаро...». Упомянутые светлейшим князем «сии силы» — это «морские силы российские в Средиземном море», которыми после отъезда И.А. Заборовского распоряжался С.С. Гибс, но не А.К. Псаро, как утверждает Г.А. Гребенщикова, причем, такое положение сохранялось и в конце 1790 г., когда начальство над этими силами императрица вверила самому Г.А. Потемкину, пославшему на театр действий доверенного человека — генерал-майора В.С. Томару. О двух флотилиях идет речь и в ордере Г.А. Потемкина С.С. Гибсу, предписывавшем контр-адмиралу передать В.С. Томаре «все сведения, до помянутых флотилий касающиеся»⁷¹.

Здесь же следует уточнить, что к кампании 1790 г. суда казенной флотилии готовились не в одном, а в двух портах. Как следует из всеподданнейшего рапорта С.С. Гибса, от 17 июля 1790 г.: «Переведенные из порта Сиракузы три судна, исправя и вооружа в Ливорне, отправлены в море мая 12 дня, бывшие же три судна в Триесте, равным образом исправясь и вооружась и быв несколько обязаны ждать императорских судов для препровождения оных в Албанию, вышли с оными вместе июня 11 дня, и как сим, так и отправленным из Ливорны между прочими наставлениями прописано, сошедшись в порте Ди Петала Драгометре или Скрофеи... отправить в Архипелаг»⁷².

Благодаря этому рапорту мы можем определить время выхода в море казенной флотилии: по три судна 12 мая из Ливорно, откуда они направлялись, огибая Италию с юга, к пунктам рандеву, и 11 июня из Триеста, конвоируя суда австрийского императора до Албании. Сопоставим эти числа со сведениями из рапорта С.С. Гибса, от 6/17 сентября, в котором говорится о плавании «нашей эскадры под командою генерал-майора Псаро, доходившей до Наварино и возвратившейся в Адриатический залив»⁷³. Получается, что утверждение Г.А. Гребенщиконой, будто А.К. Псаро «провел в крейсерстве все лето и осень 1790 года и остался в Архипелаге на зимовку» (С. 317), является ее очередной фантазией, ибо это утверждение не согласуется с данными источников. К тому же, с се-

редины июня до начала сентября, когда генерал-майор уже «возвратился в Адриатический залив», меньше трех месяцев. Более того, есть немало оснований полагать, прежде всего, исходя из оценок главнокомандующего Г.А. Потемкина, что А.К. Псаро в 1790 г. вообще не был в Архипелаге, а действовал в Адриатическом море не далее западного побережья Мореи.

Кажется весьма странным, что такие важные сведения не были обнаружены Г.А. Гребенщиконой, указавшей в «списке источников и литературы» соответствующий том «Архива Государственного Совета». Именно в нем есть упоминание о том, что упомянутый рапорт адмирала С.С. Гибса зачитывался на заседании 24 октября 1790 г. Не менее удивительно и то, что автор не заметила этот документ и в архивном деле (РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34), на которое многократно ссылалась, причем, в широком диапазоне листов данного дела. Возникшие противоречия и неточности в тексте, подчеркивают его недостоверность, искажение ряда описываемых событий, научную недобросовестность автора книги.

Посвятив полтора десятка строк описанию препирательств между Л. Кацонисом и С. Варукой по финансовым вопросам, Г.А. Гребенщикова далее заявляет, что вследствие донесения Д. Загурисского об ограблении жителей поселения в Трикере, «чаша терпения императрицы переполнилась» (С. 311). Каковы были последствия «переполнения», не говорится, однако сам факт реквизиции средств у жителей территории, находившейся под контролем турок, едва ли мог императрицу возмутить. Однако Г.А. Гребенщикова, судя по всему, этого не понимает, так как местоположение «Трикере» определяет как «последний мыс в заливе Волло», а тот как «залив в Адриатике». Это говорить о незнании ею географии описываемого региона, что является очередным конфузом автора. Между тем, в отличие от упоминавшейся выше Валлоны (Влёры), которая, действительно, расположена в Адриатике, залив Воло составляет часть побережья Фессалии, омываемой Эгейским морем, поселения же Трикери находится на берегу этого залива.

Цитируя донесение Д. Загурисского, Г.А. Гребенщикова приводит его слова о том, что грабил Л. Кацонис жителей Трикери из мести за «одного албанца, капитана Андруца, потерявшего там в прошлом году своего брата». Что касается личности капитана, то речь идет об Андруццо Ливадити, которого Л. Кацонис привлекал «для предприятий на сухом пути». По его словам, под командой

⁷¹ МИРФ Ч. XV. С. 577, 578; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 313.

⁷² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 303–304.

⁷³ Архив Государственного Совета. Т. 1. Отделение историческое. СПб, 1869. Стлб. 816.

Андруццо Ливадити «состояло 3000 человек»⁷⁴. Обстоятельства потери этим офицером брата не уточняются, поэтому остается гадать, в какие именно дни 1789 г. капитан действовал в заливе Воло и как туда добирался. Если на судах флотилии Л. Кацониса, то значит, сетования Г.А. Гребенщиковой по поводу захода флотилии в Архипелаг и действий там оказываются еще менее обоснованными.

Упомянув, что из залива Воло Л. Кацонис возвратился на о. Зеа, Г.А. Гребенщикова переходит к рассказу о том, как капитан Е. Палатино «с пакетами от генералов С.С. Гибса и И.А. Заборовского» прибыл на Зеа, чтобы передать повеление императрицы «поступить под “ведомство и послушание” контр-адмирала А.Н. Псаро» (С. 311). К слову, это очередная небрежность историка, ибо А.К. Псаро адмиралом не являлся. Мы не станем придирается к инициалам А.К. Псаро — здесь, видимо, опечатка. Равно как не имеют существенного значения указанные Г.А. Гребенщиковой чины, хотя сам Е. Палатино в письме В.С. Томара, от 16 ноября 1790 г., указывал, что был послан от «контр-адмирала Гибса» с приказанием Л. Кацонису ожидать в Петгалла «генерала Псаро», хотя постоянные неточности, ошибки доктора наук поражают, ибо они носят регулярный характер. Например, откуда Г.А. Гребенщиковой взяты сведения, будто Е. Палатино прибыл на Зеа «с пакетами от генералов С.С. Гибса и И.А. Заборовского»? Непонятно. Ведь Заборовский давно уже находился в России и никакого отношения к делам флотилий не имел.

Судя по ссылке на архивное дело, Г.А. Гребенщикова использует уже опубликованный нами документ, в котором ясно сказано, что Е. Палатино прибыл в Италию «в команде господина генерал-поручика и кавалера Заборовского... А по отъезде его из Италии оставлены мы при господине контр-адмирале и кавалере Гибсе, который сего года 4 февраля числа отправил меня из Сиракузы к майору Ламбро Кацони с приказанием, чтобы он ожидал со своею флотилиею в местах Петгалла соединиться с генералом Псаро, которого он, господин контр-адмирал, имел отправить из Триеста...»⁷⁵. Фамилия И.А. Заборовского упоминается вторично, когда речь заходит о неповиновении Л. Кацониса приказаниям С.С. Гибса, вви-

⁷⁴ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 155.

⁷⁵ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 308–311. Письмо Е. Палатино генерал-майору В.С. Томара, от 16 декабря 1790 г. публикуется по: РГАВМФ Ф. 197. Оп. 1. Д. 64. Л. 82–83.

ду данной генерал-поручиком инструкции, «коею делал его полномочным в Архипелаге». Речь, конечно, идет о тех ордерах, которые Л. Кацонис получил до отъезда И.А. Заборовского весной 1789 г., пока последний фактически являлся начальником российских морских и сухопутных сил на Средиземноморском театре. Таким образом, с собой Е. Палатино пакетов от И.А. Заборовского не привозил, как утверждает доктор наук.

Из описания пути, которым Е. Палатино добрался на о. Зеа, мы можем извлечь некоторые сведения о действиях Л. Кацониса. Как пишет капитан, С.С. Гибс направил его с расчетом, что он окажется на «Тиак-острове» неподалеку от «Цанта-острова», т.е. недалеко от Занте, на Итаке, где «зимовал помянутый Ламбро», но тот «еще 28 января отправился в Архипелаг». И лишь 29 апреля Е. Палатино «сыскал его в острове Дзею», т.е. на Зеа. Капитан указывает, что Л. Кацонис, ввиду имевшихся у него ордеров И.А. Заборовского, «не захотел слушаться и исполнить все то, что ему предписывал контр-адмирал», т.е. С.С. Гибс, несмотря на требования службы и даже на именное повеление Екатерины II, «коим наистрожайше подтверждалось послушание и дисциплины»⁷⁶. В самом тексте письма нет слов о том, будто императрица «приказывала Кацони поступить под “ведомство и послушание”» А.К. Псаро, который начальником Л. Кацониса не являлся, требование же «послушания и дисциплины» могут относиться только к С.С. Гибсу. Но нарушил ли Л. Кацонис предписание последнего выступить совместно с А.К. Псаро? Нет. Как сказано в письме Е. Палатино, Л. Кацонис отказался лишь «возвратиться в означенное ему место», т.е. в «Петгалла», как можно понять, местность на островах Венецианской республики, но выразил готовность, «коль скоро генерал Псаро поедет в Архипелаг, с надлежащим повинованием явиться к нему во команду».

Как нам представляется, Л. Кацонис сомневался в том, что А.К. Псаро прибудет в скором времени, и не хотел уходить из Архипелага для соединения с флотилией генерал-майора, в чем его три дня убеждал Е. Палатино. И действительно, вопреки словам капитана, что «уже май месяц; и со дня на день ожидать должно прибытие генерала Псаро в Архипелаг», последний только из Триеста вышел 11 июня. Таким образом, можно найти основание обвинять Л. Кацониса в неповиновении только одному распоряжению – идти в «Петгалла», все остальные он готов был исполнить. Помешало ему,

⁷⁶ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 309.

на наш взгляд, весьма важное обстоятельство – «узнав, что турецкая эскадра находилась в острове Сикро, вознамерился идти ее атаковать». Примечательно, что Г.А. Гребенщикова утверждает, будто речь шла «о сосредоточении значительных турецких сил у острова Андрос», возникающее разночтение, разумеется, ею не пояснено.

Впоследствии Л. Кацонис писал, что С.С. Гибс, известив его о принятии общего командования над флотилиями, «в то же время предписал мне держать линию моего крейсирования между Европою и Азиєю, и там ожидать дальнейших его распоряжений»⁷⁷. Но так как покойный адмирал уже не мог ни подтвердить, ни опровергнуть этих слов, а указанная «линия крейсирования» выглядит чересчур абстрактной, мы полагаем, что С.С. Гибс, скорее всего, в общих чертах повторил прежние ордера И.А. Заборовского. Если дело обстоит так, и предписание «ожидать дальнейших распоряжений» имело место, то стремление Л. Кацониса к самостоятельным действиям оказывается обоснованным.

На С. 312 Г.А. Гребенщикова цитирует С.С. Гибса, утверждавшего, что Л. Кацонис, якобы, пал жертвой «славолюбия, презрев общую пользу и желая всегда быть начальником, ни от кого не зависящим, старался отдаляться от соединения, отчего и в прошлогоднюю кампанию действия против неприятеля не столь великие выгоды имели». Последнее утверждение контр-адмирала голословно, тем более что Г. Лоренцо в 1789 г. ушел из Архипелага самовольно, его ссылки на недостаток продовольствия выглядят надуманными: при желании он мог достать провизии — купить или реквизировать на призовых судах, хотя бы на несколько недель. А вот ссылка на превосходство противника имеет существенное значение — она позволяет оценить меру готовности капитана 2 ранга Г. Лоренцо послужить на пользу России, равно как и Греции, ведь Л. Кацониса такое превосходство противника не остановило.

Что касается сегований С.С. Гибса по поводу «славолюбия» Л. Кацониса или его «желания всегда быть начальником», то первое едва ли можно поставить в вину — это качество присуще всякому человеку, желающему отличиться, зато второе легко объяснить, если принять во внимание отнюдь не выдающиеся достижения как самого С.С. Гибса, так же как и А.К. Псаро, за время командования казенной флотилией. Целесообразно еще раз повторить оценку Г.А. Потемкина, писавшего Екатерине II 3 августа 1790 г. об

⁷⁷ РГАВМФ Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1050 об.

А.К. Псаро: «... Много начтет расходов, а не выстрелит ни разу; в подтверждение сего прилагаю письмо от министра Мордвинова...»⁷⁸. Заметим, что это донесение показывает, что негативное отношение светлейшего князя к С.С. Гибсу и А.К. Псаро основывалось не только на письмах Л. Кацониса, как это утверждает Г.А. Гребенщикова, но и других лиц, в том числе полномочного министра в Венеции А.С. Мордвинова. Более того, к жалобам Л. Кацониса, как лица непосредственно заинтересованного, Г.А. Потемкин, конечно, относился с естественным скепсисом, зато по совокупности отзывов из разных источников мог всесторонне оценить обстановку на Средиземноморском театре, имевшие место боевые эпизоды, а также выработать свое мнение о действиях и заслугах командования и основных участников событий.

Но быть может, Л. Кацонис необдуманно пошел на необоснованный риск, вступив в схватку с превосходящими силами противника? Нет! Этого сказать нельзя. Обратимся к письму свидетеля событий, Е. Палатино. Капитан пишет, что 5 мая флотилия Л. Кацониса встретилась с 23 судами неприятеля, «разной конструкции», т.е. включая и мелкие, «дрались с оною около 8 часов, и за ночным временем разошлись; и как не потерпели никакого урону от неприятеля, майор вознамерился наутро паки оную атаковать, несмотря на то, что мало стало у наших снарядов». На этом этапе, учитывая низкую эффективность стрельбы противника, Л. Кацонис имел все основания продолжить бой. Однако «на утре, как только рассвело, увидели еще 11 судов неприятельских, кои нас и атаковали. Флотилия ж наша состояла в 7 маленьких судах; дрались до обеда. Уже у наших почти снарядов не стало, что приметя алжирцы пошли на абордаж; взяли 3 наши судна, два кирланкича наши ушли; майор сжег свой фрегат и ушел на кирланкиче»⁷⁹. Из этого описания видно, что исход боя решили подошедшие незаметно, ночью 11 вражеских судов. Мог ли Л. Кацонис предвидеть такой поворот событий, сказать трудно. Ясно одно – в действительности он его не предугадал и проиграл сражение, хотя смело и решительно руководил им. Учитывая неоднозначные обстоятельства, можно считать заявление Г.А. Гребенщиковой, что флотилия «отплыла к Андросу»

⁷⁸ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 129; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 306.

⁷⁹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 310.

из-за «гордыни, амбиций и безрассудства» Л. Кацониса, явно предвзятым. На деле это – очередная попытка автора очернить боевую активность, устремления и действия отважного командующего. Нельзя не отметить и очередного проявления двойных стандартов: порицавшая Л. Кацониса за то, что он действует только против торговых, а не боевых кораблей противника, Г.А. Гребенщикова теперь порицает его за сражение с боевыми кораблями.

Вместе с тем, письмо Е. Палатино позволяет указать и на разночтения в датировке события. По его словам флотилия сражалась с неприятелем 5–6 мая, тогда как Г.А. Гребенщикова указывает на 17–18 мая, что при переводе с Григорианского (нового) стиля в Юлианский дает 6–7 мая, так как для XVIII в. к дате по Юлианскому календарю следует прибавлять 11 дней. Несмотря на ссылки Г.А. Гребенщиконой на упомянутое письмо, как на архивный документ, данное разночтение видимо ею не замечается, ибо никак в книге не комментируется.

Пространные описания автором реакции консулов на поражение легкой флотилии, казни турками пленных греков, наконец, рассуждения Г.А. Гребенщиконой о том, что все это произошло только «по вине Кацони», едва ли заслуживают серьезного комментария. Однако заметим, что в военное время чаша весов нередко колеблется — то одна, то другая сторона, случается, терпит поражения. Не рискует лишь тот, кто ничего не делает. В нашем случае генерал А.К. Псаро предпочел не ввязываться в схватки с турецкими эскадрами, однако, вместе с тем, он не выполнил и предписаний начальства, не прибыл в район активных боевых действий, не блокировал подступы к Дарданеллам, как ранее и Г. Лоренцо. Именно поэтому, Г.А. Потемкин своим ордером С.С. Гибсу, от 24 декабря 1790 г., и отозвал его с мальтийцем в Россию, а генералу А.К. Псаро приказал, «чтобы уже он не вмешивался в дела флотилии», о чем говорилось выше. Предпочитая при этом поддерживать полковника Л. Кацониса, который, по мнению главнокомандующего, «один только дерется» с противником на море.

Показательно, что Г.А. Гребенщикова не пожалела места для довольно подробного описания мытарств Е. Палатино, страданий и казни плененных моряков легкой флотилии, стремясь проиллюстрировать тезис о «предосудительности для чести Российского флага в здешних местах» «развязанного Кацони» сражения. Данное заявление «опытного историка флота» поражает. Вместе с тем, действия А.К. Псаро ею не анализируются и не оцениваются. Они из-

ложены весьма кратко (С. 314): по ее словам, он «задержался в рагузском порту Санта-Кроче в ожидании двух австрийских коттеров и четырех канонерок, чтобы вместе отплыть в Архипелаг», и этими «малыми силами Псаро и начальник австрийских корсаров» «остановили Скутарского пашу», который готовился выступить на соединение с турецкими войсками. Продолжительность этой задержки не указана. Место, где был А.К. Псаро, с подчиненной ему казенной флотилией, в момент сражения кораблей Л. Кацониса, также не названо. Между тем, как было сказано выше, в район боевых действий генерал-майор должен был отправиться 11 июня. Весть о поражении легкой флотилии Л. Кацониса, в таком случае, видимо, застала его в порту Санта-Кроче (или Сент Кроа, расположенном севернее Рагузы). Однако заметим, что исходя из упоминания С.С. Гибсом, во всеподданнейшем рапорте от 17 июля 1790 г., что вооружившиеся в Триесте суда были вынуждены «ждать императорских судов для препровождения оных в Албанию» и что «вышли с оными вместе». Поэтому у читателей могут возникнуть сомнения — действительно ли покинули корабли А.К. Псаро Триест 11 июня, где именно и когда он ждал «императорских судов»? Все это Г.А. Гребенщикова предпочитает не анализировать и не раскрывать.

Впрочем, уточнять перемещения А.К. Псаро едва ли имеет смысл. Важно понимать, что участвовать в сражении он не мог, а когда он прибыл к о. Итака, где после поражения остановился Л. Кацонис, то предписал ему, как пишет Г.А. Гребенщикова, «вернуть греческим владельцам все захваченные у них суда» (С. 314). Видимо, речь идет о двух судах, которые А.К. Псаро принудил Л. Кацониса вернуть тем самым идриотам, против которых каперы должны были действовать, согласно предписаний И.А. Заборовского. Следует отметить, что таблицы со сведениями об этих судах – кирлангиче «Святой Николай» и сантии «Дева Скопская» – подшиты в дело, на которое ссылается сама Г.А. Гребенщикова. Особенно удивляет то, что поместив на С. 386 своей книги именно эту таблицу, в которой упомянутые суда обозначены, как «возвращенные от генерала Псаро идриотским турецким подданным». Автор, тем не менее, на С. 314 ни словом о турецком подданстве судовладельцев не обмолвилась, отчего у читателя может сложиться превратное представление, будто Л. Кацонис действительно «пиратствовал», незаконно отнимал суда у сородичей-греков, а не боролся с неприятельским судостроительством.

Продолжая повествование, Г.А. Гребенщикова пишет, буд-

то А.К. Псаро вручил Л. Кацонису «предписание императрицы о передаче ему командования российской флотилией в Архипелаге» (С. 314). Что это за предписание, его содержание, дату подписания она не раскрывает, нет ссылок ни на архивные источники, ни на опубликованные документы. В силу этого еще раз напомним, что в ордере Г.А. Потемкина генерал-майору В.С. Томаре, от 24 декабря 1790 г., т.е. спустя несколько месяцев после упомянутого «предписания» императрицы, говорилось: «По составлении сих сил из разных команд, из которых одна собрана полковником Ламбро-Качони, другою же, снаряженною от короны, управляет генерал-майор Псаро...». Таким образом, речь о слиянии флотилий и «передаче командования» не шла даже и в конце данного года.

Что же имело место в действительности? Как следует из ордера С.С. Гибса подполковнику Л. Кацонису, от 2 февраля 1790 г., А.К. Псаро предписывалось следовать к месту randevu с Л. Кацонисом и передать подполковнику некие приказания адмирала, одновременно посланные последним и с Е. Палатино. Во всеподданнейшем рапорте, от 17 июля 1790 г., С.С. Гибс указал, что предписывал Л. Кацонису, «чтоб он со своими судами явился также в означенное от меня место для соединения с судами, отправленными из Ливорны и Триеста, где получит новую на нынешнюю компанию инструкцию и помощь в нужных ему припасах». Смысл инструкции, по словам Е. Палатино, заключался в том, чтобы действовать «общее против неприятеля»⁸⁰.

По поводу же «предписания императрицы» сам Л. Кацонис позднее писал: «...Вице-адмирал Гибс прислал ко мне копию с имянного Ея Императорского Величества покойной Государыни указа, состоявшегося в «...» (дата не проставлена. — *Авт.*) день сентября 1789 года, повелевающего соединить флотилию Гулиельма Лоренца с моей и быть главнокомандующим над оными самому Гибсу...»⁸¹. Еще раз повторим, что «соединить» здесь не означает «слить воедино». Ибо у казенной и легкой флотилии оставались собственные командующие, но им обоим следовало действовать совместно и подчиняться приказаниям С.С. Гибса.

Причину «дерзкому поведению Кацони» Г.А. Гребенщикова усматривает в «письме драгомана Стефанаки Мавроения, служившего в турецком министерстве». Посвятив немало строк рассказу

об этом письме, в котором излагалось предложение султана Селима III Л. Кацонису перейти на турецкую службу, она высказывает, на наш взгляд, совершенно фантастические предположения. В частности, что командующий флотилией мог бы «броситься в ноги к султану», если «станет ясно, что русские уйдут из Эгейского моря» (С. 314). Такое предположение трудно комментировать, учитывая, что ситуация с «уходом русских» имела место и на самом деле, но Л. Кацонис в ноги султану не бросился, а продолжил действия против турок и их прислужников, а позднее возвратился в Россию. Поэтому все домыслы Г.А. Гребенщикова насчет «причин дерзкого поведения» Л. Кацониса — фантазия, не имеющая никаких оснований.

На С. 314 Г.А. Гребенщикова упоминает «победный рапорт» Л. Кацониса Г.А. Потемкину от 15 июня 1790 г., однако не поясняет, какие именно победы там описаны. Зато далее ею упоминается некое, опять не датированное, послание светлейшего князя императрице, в котором говорится о том, что Порта «старалась уловить» Л. Кацониса обещаниями. На С. 315 вновь фигурирует, также не датированное, сообщение последнего Г.А. Потемкину о поражении, преподносимом, якобы, как временное. Сообщение это, в очередной раз фантазирует автор книги, подвигло светлейшего князя на доклад Екатерине II, с просьбой произвести Л. Кацониса в полковники.

Нам же представляется, что Г.А. Потемкин 20 июля 1790 г. докладывал императрице, что Кацонис «один только дерется» отнюдь не «по письму» последнего. У главнокомандующего достаточно было источников информации для обобщений и соответствующих выводов. И он просил произвести подполковника Л. Кацониса в чин полковника у императрицы не под впечатлением его писем, как это бездоказательно утверждает Г.А. Гребенщикова, а основываясь на многочисленных сведениях, получаемых им из различных источников, между прочим, также и от дипломатических представителей России в регионе Средиземноморья.

Иронизируя по поводу того, что Л. Кацонис, якобы, внушал Г.А. Потемкину, будто «он один сражается с турками, остальные бездельничают», Г.А. Гребенщикова вновь воздерживается от датировки, тем более от цитирования тех документов, из которых она почерпнула приводимые ею формулировки. Впрочем, дальнейший текст книги преподносит очередную грубую фальсификацию ее автора. По словам Г.А. Гребенщикова: «Своих начальников Кацони

⁸⁰ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 302, 304, 308.

⁸¹ РГАВМФ ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1050.

так охарактеризовал князю: “Типс пьян, Псаро никуды не годится, грабитель греков и не терпим ими. Гвилиelmi стар, католик, разоряет греков, и они его не терпят”» (С. 315–316).

При этом дается ссылка на дело РГВИА. Однако эти, процитированные в книге слова, как уже указывалось выше, можно прочесть, в не раз публиковавшемся всеподданнейшем донесении Г.А. Потемкина, от 20 июля 1790 г.⁸² Именно в нем говорится, что Л. Кацонис «один только дерется», в нем же содержится и просьба к производству подполковника в следующий чин, а также даны и те самые характеристики С.С. Гибсу, А.К. Псаро и Г. Лоренцо, которые теперь доктором наук приписываются Л. Кацонису. Более того, в упоминавшемся уже письме светлейшего князя Екатерине II, от 3 августа 1790 г., повторно весьма отрицательно характеризуются главнокомандующим контр-адмирал Гибс и генерал-майор Псаро. При этом было приложено и письмо министра А.С. Мордвинова. Можно с большой долей вероятности предположить, что процитированные Г.А. Гребенщиковой подлинные слова Г.А. Потемкина и ее уверенное заявление об «авторе» данных слов, навеяны именно сообщением А.С. Мордвинова. Но даже сегодня трудно себе представить, чтобы генерал-фельдмаршал, светлейший князь Г.А. Потемкин Таврический бездумно повторил императрице «слова грека-подполковника», как уверяет автор книги. Столь безудержной фантазии не устаешь удивляться. Постоянно приходит на ум, что данный раздел текста книги писала не доктор наук, а дилетант, знакомый с историей лишь по романам да книжкам популяризаторов.

На С. 316 Г.А. Гребенщикова в драматических тонах описывает «сговор между Кацони и венецианским адмиралом Анджело Эмо», о котором писал консул на о. Занте (Закинф) Д. Загурисский (в некоторых документах – Загурижский). Она старается подчеркнуть противозаконность такого «сговора», цитируя из донесения консула слова о том, что Эмо «тайно поощрял Кацония, чтобы он грабил идриотские суда и истреблял их», так как Венеция желала разорить своих торговых конкурентов. Последнее представляется несомненным, а вот приписываемые адмиралу А. Эмо действия — маловероятными и не доказанными. В своей стране и в Средиземноморье адмирал был известен как активный борец с пиратством. Однако пре-

жде чем рисовать картину «противозаконности» поступков Л. Кацониса, будто бы, «не желавшего наблюдать повелений» Екатерины II, Г.А. Гребенщиковой следовало бы как-то согласовать этот сюжет с ею же цитировавшимся ордером И.А. Заборовского, от 9/20 марта 1789 г., предписывавшим репрессии по отношению к идриотам, как пособникам турок, о чем не раз уже говорилось выше. В этой ситуации защита идриотов Д. Загурисским выглядит противоречащей интересам России, ведущей войну. Однако объяснять такое поведение российского дипломата Г.А. Гребенщикова не считает нужным. Более того, чувствуется, что она полностью согласна с некоторыми позициями его донесений, считая их абсолютно достоверными, прежде всего, видимо, потому, что они отвечают ее целям, помогают «изобличать преступника-пирата» Л. Кацониса.

Особую странность обвинениям в адрес А. Эмо придает упоминание самим Д. Загурисским о «публичной продаже на рынках республики» призового имущества, которая никак не вяжется с тайной противозаконной деятельностью. Напрашивается вопрос — не потому ли все попытки консула мусолить тему «разорения жителей Идро», встречали «досаду от венецианского адмирала и презрение и непристойные слова от Кацония», что они не имели достаточных оснований? Наконец, какой могла быть цель «запросов» и «переговоров» по этому предмету, не являются ли упоминания о них лишь плодом бумажного творчества, возможно и звеном некой интриги?

Впрочем, далее Г.А. Гребенщикова дает ключ к пониманию действий Д. Загурисского. Она пишет, с его же слов, о том, что Л. Кацонис «учредил» на Занте «свое, собственное консульство, куда назначил поверенного в делах грека А. Андрианопуло – бывшего офицера, когда-то состоявшего на русской службе». Назначение бывшего российского офицера трудно назвать противоречащим интересам России, но интересам консула на о. Занте Д. Загурисского оно, конечно, не отвечало. И становится понятным, что своими донесениями указанный дипломат старался всячески вредить Л. Кацонису. Ибо командующего российской императорской флотилией, судя по всему, позиция консула, нередко защищавшего интересы турецких подданных, абсолютно не устраивала, и он этого не скрывал. Особого рассмотрения требует и тот факт, что Д. Загурисский, являвшийся российским консулом на островах, входивших в состав Венецианской республики, позволявшей российским арматорам базироваться на них, пытался опорочить венецианского же адмирала, отстаивав-

⁸² Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 122; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 303.

шего интересы своей республики, как и полагалось представителю властей Венеции. Объективно это не способствовало улучшению отношений России с Венецией, но ведь разлад между ними в военное время был на руку только туркам. Впрочем, Г.А. Гребенщикова, выделяя в этом сюжете все, что может бросить хоть какую-то тень на Л. Кацониса, никаких противоречий в действиях дипломата Д. Загурисского не замечает и, разумеется, не разъясняет их читателям.

Сетования Г.А. Гребенщиковой по поводу того, что Л. Кацонис «грабил и убивал мирных жителей, в основном своих же соотечественников» (С. 317) выглядят надуманными. Для таких заявлений следовало бы привести соответствующую статистику, чего Г.А. Гребенщикова не делает. Между тем, число необоснованно пострадавших греков, как следует из документов, было многократно меньшим, нежели число турок или их активных пособников. К тому же, логика борьбы за освобождение Греции от османского владычества предполагала репрессии по отношению к тем, кто так или иначе содействовал туркам и мешал вовлечению в борьбу с оккупантами тех, кто по разным причинам и обстоятельствам оставался еще в стороне, а также не содействовал в получении необходимых материальных средств, иногда и в форме реквизиции их у пособников турецких властей. Подобная тактика вообще присуща национально-освободительной борьбе. Например, так вели себя и польские повстанцы в 1863 г. Едва ли историку следует забывать это, упускать из вида сложившуюся, к сожалению, жесткую практику данной борьбы и тем более обвинять в «грабежах» патриотов, ведущих борьбу за свободу своего народа от иноземного ига.

На С. 317 Г.А. Гребенщикова необоснованно пишет, что А.К. Псаро «провел в крейсерстве все лето и осень 1790 года и остался в Архипелаге на зимовку». Источник этих сведений не указан, хотя они явно противоречат упоминаемому выше документу: рапорту С.С. Гибса от 6/17 сентября 1790 г., в котором, согласно «Архиву Государственного Совета», сказано, что «эскадра» под командованием генерал-майора А.К. Псаро «доходила до Наварино и возвратилась в Адриатический залив». Последнее выражение, очевидно, следует понимать в том смысле, что казенная флотилия зазимовала на Ионических островах, где находилась и часть судов легкой флотилии. Учитывая неизменное стремление Г.А. Гребенщиковой разделять понятия «Архипелаг» и «Ионические острова», когда речь идет о Л. Кацонисе, ей следовало бы и в данном случае изменить формулировку, придерживаться своей же установившейся практике.

Касаясь действий генерала А.К. Псаро осенью 1790 г., Г.А. Гребенщикова пишет, что он «отряжал к берегам Сирии и Египта капитана 2 ранга Лоренцо, который захватывал турецкие торговые суда, следовавшие с грузами в Константинополь». Сам же генерал А.К. Псаро оставался «в здешних местах» «для удержания в порядке остальных майора Ламбра арматоров», которые «поступают сходно с моими запрещениями» (С. 322). Прежде всего, заметим, что определение «отряжал», значит — совершал это многократно. Это звучит бездоказательно, неубедительно, поскольку известно, что А.К. Псаро один раз направил в боевой поход Г. Лоренцо, а также «два вольнослужащих судна», видимо, из состава присоединившихся к казенной флотилии греческих арматоров, не исключено, что из числа тех бывших подчиненных Л. Кацониса, которые весной 1789 г. ушли из Триеста в Сиракузы. Примечательно, что ниже Г.А. Гребенщикова описывает захват Г. Лоренцо у Родоса 30-пушечной турецкой шебеки, «следовавшей из Александрии в Смирну». Еще ниже уточняется, что шебека «имеет только восемнадцать пушек». Исходя из данных таблицы, помещенной на той же странице книги, можно увидеть, что мальтиец на 44-пушечном фрегате после длительной погони захватил фактически 18-пушечную шебеку, направлявшуюся в Смирну. Насколько соответствует истине утверждение А.К. Псаро, что шебека была турецкой, если «между матросами» там находились «греки, служившие на оном судне» — мы судить не беремся. Однако то обстоятельство, что пунктом назначения названа Смирна — порт достаточно удаленный от Константинополя и для доставки каких-либо припасов османским армиям, действующим в Румелии или на Кавказе весьма неудобный, заставляет предполагать, что пользу из захвата данного судна извлекли, прежде всего, А.К. Псаро и Г. Лоренцо, изображавшие активную боевую деятельность, но не воюющая Россия. Так что Г.А. Гребенщикова, гневно упрекая Л. Кацониса в том, что он не блокировал турецкое судоходство у Дарданелл, должна была бы предъявить аналогичные претензии и к генералу А.К. Псаро, но она, естественно, этого не делает, чтобы не противоречить своей линии на «обличение бандита» Л. Кацониса.

На С. 323 Г.А. Гребенщикова пишет о том, что флотилия А.К. Псаро, «согласно распоряжению Г.А. Потемкина, поступила под его начальство». При всей неясности данной формулировки, надо думать, речь идет о том, что флотилия в Архипелаге поступила под командование светлейшего князя. В таком случае напрашивается вопрос, зачем было делать ссылку на материал АВПРИ, если соот-

ветствующие документы: всеподданнейшее донесение Г.А. Потемкина, от 20 июля 1790 г., его ордера В.С. Томара и С.С. Гибсу, от 24 декабря 1790 г., давно опубликованы?⁸³

Затем Г.А. Гребенщикова, подразумевая действия Г. Лоренцо, пишет, что «потеря шебеки с богатым грузом нанесла противнику ощутимый урон», а «в целом успешное крейсерство российской флотилии в Архипелаге в течение лета – осени 1790 и зимы – весны 1791 годов» послужило «причиной резкого ограничения торгового сообщения между Египтом и Константинополем» (С. 323). Повторимся, что потеря одного обычного торгового судна урона, ощутимого в масштабах государства, причинить не может. Что касается «в целом успешного крейсерства», то этот тезис не обоснован – никаких других успехов, кроме захвата Г. Лоренцо одной шебеки, Г.А. Гребенщикова не описывает, ибо привести не может, за отсутствием сведений на этот счет. Рассуждая об успешном крейсерстве «флотилии в Архипелаге», автор не показывает, что флотилий на самом деле было две, на что мы указывали выше. Боевые успехи каждой из них она не сравнивает, не анализирует и не показывает. Между тем, по ее же словам, из состава казенной флотилии в море выходил один фрегат и два «вольнотружущих» судна, тогда как в Архипелаге должно было действовать не меньшее число подчиненных Л. Кацонису боевых судов, стало быть, часть успеха приходилась и на их долю. Однако Г.А. Гребенщикова необоснованно относит все боевые достижения только на счет А.К. Псаро и Г. Лоренцо.

Казалось бы, коль скоро они столь успешно и результативно действовали, почему и зачем Г.А. Потемкин первого отстранил от командования казенной флотилией, а второго отозвал в Россию вместе с С.С. Гибсом, на место которого поставил генерала В.С. Томару? Подобным вопросом Г.А. Гребенщикова не задается. Ведь он не отвечает ее «взглядам».

Автор книги предпочитает описывать дипломатический скандал, возникший после того, как Л. Кацонис, выехавший, наконец, по вызову Г.А. Потемкина в Россию и остановившийся по пути в Вене, признался австрийскому канцлеру князю В.А. Кауницу, что не сумел, к сожалению, освободить австрийских пленных, «которых увозили из Рагузы в Константинополь на рагузском судне» (С. 324).

⁸³ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 122, 202; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 313–315.

Из написанного Г.А. Гребенщиковой видно, что она всецело доверяет утверждениям рагузских властей, пересказываемым российскими дипломатическими представителями, будто такого не могло случиться: пленных австрийцев в Константинополь не перевозили. Однако никакого подтверждения правдивости этих слов нет. Между тем, давние и тесные связи Рагузы с Турцией известны самой Г.А. Гребенщиковой, степень контроля правительства республики над многочисленными судовладельцами в те времена едва ли могла быть высокой, поэтому проявляемую автором в данном случае доверчивость трудно понять. Равно как невозможно определить, в каком именно смысле венский инцидент «вызвал резкое недовольство Екатерины II» (С. 325). Ибо никакого пояснения этому утверждению Г.А. Гребенщикова не дает, на источники не ссылается, а каких-либо следов Высочайшего недовольства этим происшествием в архивных документах, ни в биографии Л. Кацониса, ни в Высочайших оценках его боевой деятельности пока найти не удается. И это порождает определенные сомнения в достоверности данного утверждения автора книги, не является ли оно надуманным?

Кроме того, у внимательного читателя неизбежно возникает вопрос: если Г.А. Гребенщикова указывает, что Л. Кацонис «обретался в Вене» «в то время, когда контр-адмирал А.К. Псаро налаживал дисциплину» среди его «сослуживцев», то какой именно период она имеет в виду? Известно, что летом 1790 г., передав командование пятью уцелевшими судами Н. Кассими, Л. Кацонис выехал на встречу с Г.А. Потемкиным. Остановившись в Вене и выслав офицеров с письмом к светлейшему князю в Яссы, он остался в Вене ожидать дальнейших распоряжений.

Известна и причина остановки. Ее упоминает в ордере Н. Кассими, от 12 сентября 1790 г., сам Л. Кацонис, писавший из Вены, что императрица произвела его в полковники «и поручила начальство над всею флотилиею; а генералу Псаро, Гульельму, генералу Гибсу и всем прочим велено ехать в С. Петербург. А на место их от князя Потемкина назначен генерал Томара и господин Фириера, для встречи коих нахожусь ныне с моими офицерами». Л. Кацонис этим орденом отдавал распоряжения своему фактическому заместителю, чтобы тот «жителей острова Идры, ежели обещанных денег вам не дали», ловил, «ежели будут греки», то оставлял бы в покое, «ибо они наши единоверцы, и чтоб наши люди на островах не делали притеснений и грабежей»⁸⁴.

⁸⁴ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 306.

Из этих слов можно заключить, что о предстоящей смене власти подчиненные Л. Кацониса узнали до прибытия В.С. Томары, возможно, благодаря сообщению дипломатических представителей в Вене. Кроме того, у остатков легкой флотилии в тот период был свой начальник Н. Кассими, который и занимался «налаживанием дисциплины», наконец, полковник Л. Кацонис сохранил управление, являлся источником указаний, которые удерживали, подчинявшихся ему моряков, от произвола по отношению к местному населению. Существовавшие, как видно, поборы основывались на договорах (взыскивались «обещанные деньги») и имели вид некоего порядка, надо полагать, установленного для материального обеспечения флотилии. Исполнявших обещания турок (или принявших ислам купцов-греков) Л. Кацонис приказывал не трогать. Особо подчеркивалось, чтобы православных греков не трогали вовсе. Последнее не вписывается в упорно создаваемый Г.А. Гребенщиковой образ Л. Кацониса — «притеснителя своих», «грабителя» своих же соотечественников-греков. Излишне говорить, что указанный ордер, хотя он и опубликован, в книге ею не используется. Чувствуется, что он не вписывается в канву ее изложения, не соответствует многим объявленным в книге позициям и заявлениям автора.

Вместе с тем, следует заметить, что изложенное Л. Кацонисом в этом ордере грешит неточностями: А.К. Псаро в Петербург не отзываются, а ему самому начальство «над всею флотилиею» от высочайшего имени не вверяли. Думается, что письменной информацией он не располагал, а пользовался устными сообщениями. Что и явилось, на наш взгляд, причиной названных неточностей. В письме генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина графу А.А. Безбородко, от 3 августа 1790 г., сказано: «С последним курьером доносил я о желании греков, составляющих флотилию архипелажскую, быть в зависимости от находящегося в Венеции министра Мордвинова. Весьма нужно дать ему повеление о исполнении моих предписаний по сей части и о преподании всех возможных вспомоществований обществу греческому. Может быть, соглашу я контр-адмирала Мордвинова к принятию начальства над помянутою флотилиею, а в таком случае общее обоих братьев старание много может поспособствовать пользе службы»⁸⁵.

⁸⁵ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб, 1895. С. 130; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 306.

Учитывая, что далее говорится о «состоянии морских сил в Средиземном море и Архипелаге», можно предположить, что Г.А. Потемкин полагал возможным поставить адмирала Н.С. Мордвинова во главе именно легкой флотилии. Возможно, в тот период он испытывал сомнения в том, что Л. Кацонис сумеет оправиться после разгрома. Но как бы там ни было, такая мысль не получила своего дальнейшего развития. Более того, в ордере В.С. Томара, от 24 декабря 1790 г., светлейший князь указывал, что «известная храбрость и предприимчивость полковника Ламбро-Качони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что, с добрыми наставлениями, он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите». Это генерал и стремился делать. Не случайно, В.С. Томара, уже после войны, в записке от 9 июня 1795 г., пояснял Комиссии, что «во время мое командовал он не только судами вольной своей флотилии, но и казенными»⁸⁶. Другими словами, на практике все же реализовалось именно то, о чем полковник писал Н. Кассими из Вены.

Примечательно, что Г.А. Гребенщикова, использовавшая указанную записку, ссылаясь на соответствующий документ из фондов РГАВМФ (на С. 381, 388), факт командования полковником Л. Кацонисом, по сути дела, обеими флотилиями в 1791 году, оставляет без внимания, ибо это не укладывается в канву ее «концепции».

БОЕВАЯ КАМПАНИЯ 1791 ГОДА, ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРЕЦИИ В 1792 ГОДУ, ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Следует заметить, что Г.А. Гребенщикова практически ничего не говорит о действиях на море осенью и зимой 1790, весной и летом 1791 годов кораблей казенной флотилии и пяти боевых судов флотилии Л. Кацониса, под командованием его заместителя Н. Кассими. Таким образом, она практически упускает из вида всю кампанию 1791 года. События этого периода вообще излагаются ею крайне отрывочно. Вскользь заметив, что «10 марта 1791 года в Ливорно прибыл» В.С. Томара, умалчивает об ордере генерал-майора капитану Н. Кассими, от 12 февраля 1791 г., из Вены, которым предписывалось его 5 кораблям захватывать «суда с хлебом»,

⁸⁶ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 314, 395.

направляющиеся «к Цареграду при плавании их в заливе Воло» и направлять «к венецианскому острову Каламо». Кроме того, Н. Кассими, при возвращении легкой флотилии, должен был «в Майноцком заливе порто Паганья» договориться с местными начальниками об устройстве «пристанища для всей флотилии»⁸⁷.

Чем занимались в этот период моряки обеих флотилий, известно из рапорта В.С. Томара Г.А. Потемкину, от 21 февраля / 4 марта 1791 г. В нем, на основании информации и профессиональных оценок опытного военачальника-морьяка, то есть со слов полковника Л. Кацониса, сказано о состоянии и боеспособности его флотилии и флотилии генерала А.К. Псаро: «Первая состоит ныне из трех карлангичей, одной сантии и одной полугалеры, всего пяти судов, кои одни под командою капитана Николая Кассими крейсеруют около берегов Пелопонезских; а вторая нуждается хлебом и стоит в острове Корфу». Несколько иные сведения о казенной флотилии представил рапортом Г.А. Потемкину, от 7/18 марта 1791 г. С.С. Гибс. Он доложил, что «Псаро уведомляет меня от протекшего февраля 9/20 дня, что он со всею вверенною ему эскадрою находится ныне в порте Глимино у острова Санта-Мавры, откуда по окончании некоторые суда исправлением отправится эскадра наша в скором времени обратно в крейсерство»⁸⁸.

Остров Санта Мавра (Левкада) входит в число Ионических островов и расположен южнее о. Корфу, можно отметить, что сведения, полученные В.С. Томара от Л. Кацониса, полнее тех, которые сообщал С.С. Гибс, вовсе умолчавший о действиях судов легкой флотилии Л. Кацониса, ее состоянии, местонахождении. Заметим также, что упомянутые документы наводят на мысль, что в 1790 г. казенная флотилия действительно не выходила в Архипелаг, а от Наварина возвратилась к Ионическим островам, где и зимовала, очевидно, за исключением фрегата Г. Лоренцо и двух малых судов. Наконец, как мы видим, около середины февраля казенная флотилия все еще находилась на Ионических островах, и выходить оттуда еще не собиралась, а стало быть, к моменту смены командования – 24 марта 1791 г., в Архипелаге всем своим составом на морских коммуникациях не действовала.

Как писал летом 1791 г. Г.А. Потемкину В.С. Томара: «...Госпо-

⁸⁷ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 316.

⁸⁸ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 319.

дина генерал-майора Псаро застал я с 4-мя судами казенной флотилии при острове Итаки (Ионический архипелаг). Все прочие суда казенной и вольной флотилии были в крейсеровании в Архипелаге и собирались один к другому весьма поздно в острове Каламо...»⁸⁹ К началу августа на рейде этого острова сосредоточилось 22 судна объединенной флотилии, готовящиеся к боевым действиям на коммуникациях врага.

Между тем, после победы российских войск над турецкой армией 28 июня 1791 г. у Мачина, а 31 июля разгрома турецкого флота у мыса Калиакрия Черноморским корабельным флотом, под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова, Оттоманская Порта поторопилась заключить 31 июля / 11 августа 1791 г. перемирие на 8 месяцев. В силу этого, 5 сентября 1791 г. В.С. Томара отдал по объединенной флотилии приказ «пресечь и в сих морях на помянутое время действия оружия». Характерно, что Г.А. Гребенщикова, упоминая этот приказ, опять ссылается на архивный документ, тогда как он уже давно опубликован и хорошо известен⁹⁰.

После подписания перемирия содержать флотилию в полном составе не представлялось возможным. Поэтому, В.С. Томара рапортом от 16 сентября 1791 г. доносил Г.А. Потемкину, что он с 7 судами отправился в Сиракузы, а остальные вверил Л. Кацонису, который должен был оставаться на Ионических островах. Это обстоятельство ускользнуло от внимания Г.А. Гребенщиконой, ее вообще не интересовали действия полковника Л. Кацониса и его подчиненных на протяжении последующих семи месяцев, до 26 апреля 1792 г., и она их не комментировала.

Зато о том, что В.С. Томара в феврале 1792 г. «изыскал возможность уведомить» полковника о прекращении военных действий и передать ему ордер генерал-аншефа М.В. Каховского, с предписанием отправить часть малых судов в Черное море под купеческими флагами, она упомянуть не забывает. Разумеется, со ссылкой на архивный документ, хотя сведения о посылавшихся Л. Кацонису уведомлениях насчет заключения мира, а также один из соответствующих документов, давно опубликованы⁹¹.

Особо подчеркивая тот факт, что Л. Кацонис «знал, что война

⁸⁹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 104.

⁹⁰ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 345.

⁹¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 353.

окончена», Г.А. Гребенщикова, со слов консула Д. Загурицкого, описывает высадку его десанта на берега Мореи 26 апреля 1792 г. с последующим избиением «беззащитных идриотов». Примечательно, что она вначале говорит о «спасавшихся от чумы греках с острова Идро», однако затем речь идет о том, что «проживавшие в Мореи турки в срочном порядке выслали в Константинополь курьера с мольбой о помощи» (С. 379). Складывается впечатление, что Г.А. Гребенщикова так и не разобралась сама в том, кто же именно пострадал и просил помощи, защиты от действий моряков Л. Кацониса «на берегах Мореи» у центральных властей османской империи. К слову, Г.А. Гребенщикова не считает нужным уточнить, где же высадился полковник, с какими силами, какие цели он в действительности преследовал, хотя об этом в исторической литературе рассказано неоднократно и достаточно подробно⁹².

На С. 381 Г.А. Гребенщикова пишет о том, что «к генералу В.С. Томаре попало письмо командира французского фрегата «La Badine» Симона Брутьера, адресованное неизвестному лицу». Судя по приводимой далее, конечно же, со ссылкой на архивный документ, цитате, речь идет о письме, адресованном самому В.С. Томара, в котором генерал-майору предлагается упорядочить выдачу патентов и прекратить крейсирование, а также сообщается, что «всяк паспорт частный, данный полковником Ламбром» Франция не признает законным. Этот документ опубликован. Публикация позволяет уточнить мнение Г.А. Гребенщиконой, которая считает что дата написания данного письма 5 августа 1792 г. Это явная научная небрежность или подтасовка автора книги. На самом деле, указанная дата в письме означает день его получения генералом В.С. Томара. Учитывая же, что фрегат прибыл в Ливорно из Тулона, дата его написания может существенно отличаться от даты, указанной в книге⁹³. В любом случае, оно отражает ситуацию, имевшую место, как минимум, за несколько недель до того, как было вручено.

На С. 382, ссылаясь на архивный документ, Г.А. Гребенщикова повествует «о результатах прошедших конференций» поверенного в делах в Константинополе А.С. Хвостова «с турецким министром иностранных дел Рейс-эффенди по поводу незаконных действий Л. Кацониса». И этот документ, точнее, выписки из полного текста,

на которые ссылается Г.А. Гребенщикова, также опубликованы⁹⁴. Более того, пересказывая слова А.С. Хвостова, Г.А. Гребенщикова представляет дело так, будто «он лишь заверил турецкого министра, что российских военных судов в Средиземном море и Архипелаге больше нет... и Блистательная Порта, конечно же, знает, какие меры ей следует принять “для охранения своих вод и подданных против корсаров”». Неподготовленный читатель может подумать, что российское правительство отступилось от полковника и кавалера Л. Кацониса и устами А.С. Хвостова едва ли не рекомендовало турецким властям репрессировать его.

Между тем, А.С. Хвостов говорил о Л. Кацонисе следующее: «...Не могу верить, чтоб он делал подобное сказанному... Не видя доказательств почему точно должно быть Ламбру, а еще менее зная, что общего с чинимыми разорениями имеют купеческие суда российские, я бы думал осведомиться сперва о точности дела». На слова же Рейс-эффенди о том, что исследовать, «значит терять время», и Порта «должна прибегнуть к средствам, в руках у нее имеющимся и послать на искоренение его войска и суда», в ответ российский поверенный в делах изложил свою позицию, но Г.А. Гребенщикова в своей книге процитировала лишь первую часть высказывания, опустив при этом, несомненно, осознанно, его окончание, содержащее суть позиции российского дипломата: «...Лишь только б сохранено было достоинство и честь российско-го флага и должное соблюдено в рассуждении судов, кои под оным находятся в Белом море»⁹⁵.

Таким образом, позиция поверенного в делах, а соответственно, и российского правительства, какой она представляется из текста документа, по сути, фальсифицирована, целенаправленно искажена Г.А. Гребенщиконой. Это становится очевидным, если принять во внимание указ Екатерины II генералу В.С. Томара, от 11 июня 1792 г., несомненно, последовавший после ознакомления императрицы с материалами «конференции» в Константинополе. В нем генерал-майору предписывалось отправить «с нарочным повеление к полковнику Ламбро Качони, чтобы он со всем своим ополчением возвратился как наискорее в Ливорну или другую итальянскую гавань, которую Вы ему укажете», и лишь на случай не-

⁹² Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 111–121.

⁹³ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 370, 399.

⁹⁴ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 366–368.

⁹⁵ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 366–367.

повиновения пригрозить тем, что по истечении назначенного срока «Российский двор во всем от него отрекается и покровительство Наше от него отъемлется»⁹⁶. Другими словами, российское правительство не только в момент проведения «конференции» А.С. Хвостова с Рейс-эффенди, но и более чем месяц спустя не думало отдавать полковника Л. Кацониса в руки турок. Заметим, что ко времени прибытия указа в Ливорно укрепленная база полковника в Порто-Кайо на Мани уже была разбита, большинство кораблей уничтожены объединенными морскими и сухопутными силами турок, с участием французов, а Ламброс Кацонис, вырвавшийся из окружения на быстроходном судне, скрывался от турецких властей. Таким образом, Оттоманская Порта сумела подавить первую самостоятельную попытку греков развернуть на своей территории национально-освободительную борьбу под руководством полковника Ламброста Кацониса и вооруженным путем сбросить ненавистное османское иго, добиться своего национального освобождения.

Примечательно и то, что выписка из протокола «конференции», датированной 3 мая 1792 г., поставлена в книге Г.А. Гребенщиковой вслед за цитатой из не датированного ею указа Екатерины II, от 11 июня, за письмом командующего французским фрегатом Симона Брутьера, полученным 5 августа 1792 г. и вслед за рассказом о том, как высланная турками в Эгейское море эскадра из 18 судов, к которым присоединились 15 судов их пособников-идриотов, напали на флотилию Л. Кацониса и разгромили ее, согласно сообщению А.С. Хвостова В.С. Томаре, от 29 июня 1792 г. (С. 381). Судя по тому, что Г.А. Гребенщикова указывает на эти документы, а значит, знакома с их содержанием, сделано это ею не случайно. Такое нарушение хронологической последовательности и искажение сути реальных событий, хода подготовки и подавления очага национально-освободительной борьбы, о чем Г.А. Гребенщикова упорно умалчивает, существенно меняют картину происшедшего. Такая подача исторического материала запутывает читателя, мешает представить все реально происходившее, составить верное представление о причинно-следственных связях событий того времени, вошедших в историю Греции и сделавших Ламброста Кацониса – полковника, офицера российского императорского флота, национальным героем своей Родины, гордостью своего народа, вдохновляющим примером, по сути, боевым знаменем для последующих

⁹⁶ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 371.

поколений борцов за национальное освобождение Эллады. Об этом автор книги говорить не желает.

Известно, что турецкие власти в мае 1792 г. объявили о намерении ликвидировать вооруженную базу флотилии Л. Кацониса: «послать на искоренение его войска и суда», фрегат же С. Брутьера, по словам В.С. Томара, «хотя послан прежде, но прибыл в Ливорну уже после разбития полковника Ламбро на Майне»⁹⁷. Блокада, обстрел корабельной артиллерией, штурм турками, примкнувшими к ним идриотами и французами позиций в Порто-Кайо, где укрепился Л. Кацонис и находились корабли его флотилии, состоялись в середине июня 1792 г. и закончился разгромом обороняющихся, оставлением ими своей базы.

Имеемые в ряде архивных документов, прежде всего в АВПРИ, сведения о взятии призов судами флотилии, находившейся в ведении полковника, относятся к периоду до середины июня, тогда же последовала и негативная реакция правительств, прежде всего турецкого и французского, но также и российского. Однако утверждения Г.А. Гребенщиковой, будто, несмотря на указ императрицы, «полковник и на этот раз не явился ко двору», а «предпочел дальнейший путь грабежей и насилия» (С. 381), домысел, не соответствующий действительности. Полковник Л. Кацонис не мог знать об указе, вышедшем по сути дела в те же дни, когда он потерпел поражение и вынужден был скрываться. А стало быть, обвинять его в неповиновении высочайшей воле нет оснований, это очередной домысел автора.

Живописуемое Г.А. Гребенщиковой на С. 383 «дерзкое преступление» Л. Кацониса, «в конце июня 1792 года на рейде острова Занте» пытавшегося захватить «купеческое судно под российским флагом», очевидно очередная неточность в дате данного события, свойственная постоянной небрежности и научной недобросовестности автора. Судя по всему, это то самое нападение, о котором говорилось в письме генерала В.С. Томара Комиссии, от 9 июня 1795 г., как о произошедшем в мае и упомянутом в донесении «консула нашего в острове Занте», от 30 мая 1792 г. По словам генерал-майора, «поход» Л. Кацониса «на Майну», собственно, и был «начат нападением в гавани острова Занте на купеческое русское судно полакру капитана Николаки, с пашпортом господина вице-

⁹⁷ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 399.

адмирала и кавалера Гибса туда пришедшую»⁹⁸. Именно отсутствие точных датировок событий, как и цитат из документов, их описывающих, не позволяет оценить достоверность данного рассказа Г.А. Гребенщиковой и дает все основания сомневаться в его точности и дате события, тем более что написано оно со слов дипломата, постоянно стремившегося очернить Ламброса Качониса, как мы уже говорили выше, это должна бы хорошо знать и сама Г.А. Гребенщикова, постоянно ссылающаяся на его донесения.

На С. 388 Г.А. Гребенщикова пишет, что В.С. Томара «задал ему (Л. Качонису. — *Авт.*) такой вопрос: с какой целью, господин полковник, вы посадили на свои суда “до 1500 человек всякой сволочи, с которыми поплыли в Майну”». Ссылается она при этом на архивный документ, но не уточняет, на какой именно, и не указывает его дату. Публикуя только фрагмент подлинной фразы из письма, написанного В.С. Томарой, автор передергивает, фальсифицирует ее смысл. По построению и содержанию фразы читатель может подумать, что В.С. Томара обращался лично или письменно к Л. Качонису, именно этого понимания и добивалась доктор наук. Что ж, покажем, как осуществляется ею данная фальсификация. Безымянный документ, на который, без уточнений, ссылается Г.А. Гребенщикова — это письмо генерал-майора В.С. Томара в Комиссию, от 9 июня 1795 г. Оно опубликовано, причем, по тому самому архивному экземпляру, который был использован и Г.А. Гребенщиковой⁹⁹. Обратившись к нему, мы видим, что в действительности цитата искажена, она выглядит иначе: «Неужели по скудости в пище и для уменьшения расхода провианта, отпускаемого на 300 человек, — риторически вопрошает генерал, — собрал в мирное время господин полковник на суда свои до 1500 человек всякой сволочи, с которыми поплыл в Майну?»

Вполне очевидно, что, с одной стороны, в этих словах выразилось ирония и недовольство В.С. Томара поступками Л. Качониса, с другой — оценка набранных сверх штата людей. При этом следует учесть, что слово «сволочи» в те годы означало «сброд» и не имело того оскорбительного смысла, который обрело в наши дни. На наш взгляд, данная фальсификация еще раз раскрывает методику шельмования, унижения и оскорбления национального ге-

⁹⁸ Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 398.

⁹⁹ РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 63–68. Опубликовано: Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 395–406.

роя Греции, чем постоянно и целеустремленно на страницах своей книги занимается автор. Этим она демонстрирует свой подлинный научный уровень, степень своей научной ответственности, принципиальности и порядочности.

На С. 389 Г.А. Гребенщикова заявляет, будто «последние архивные находки опровергли» сведения о том, что Л. Качонис «прибыл в распоряжение черноморского начальства и стал служить на флоте». При этом она ссылается на «два списка», найденные ею в АВПРИ и датируемые «июлем 1797 года». Согласно одному из этих списков, «полковник Ламбро Качони», как находящийся в отлучке и не явившийся «к своей команде», был «исключен из службы без ношения мундира». Увидев данный документ, видимо, показавшийся ей столь хорошо укладывающимся в русло ее «концепции», что она, будучи дипломированным историком, тем не менее, поспешила высказать очередную фантазию, даже не пытаясь разобраться в данном вопросе. Причем, свои домыслы она изложила не только в книге, но и в своем интервью, опубликованном газетой «Санкт-Петербургские ведомости» в № 1 от 9 января 2013, а также в письме в Грецию доктору Паносу Стаму — генеральному секретарю Центра Греко-Российских исторических исследований (КЕРИЕ), дискредитировав себя в полной мере. Думается, что в погоне за славой она обрела известность, но скандальную и отнюдь не соответствующую научному уровню, подобающему доктору исторических наук.

Каких-либо, вразумительных пояснений к сведениям об «исключении из службы» Л. Качониса в книге Г.А. Гребенщиковой нет, видимо, она полагала, что таковые не требуются. Между тем, историкам известны два документа: записка Павла I Ламбро Качони, от 27 марта 1797 года, в которой говорится: «Господин Ламбро Качони. Изъявление усердия вашего Я приемлю с благоволением, и в знак онаго посылаю вам перстень. Павел I»; а также краткое изложение доклада Александру I, от 1 июля 1804 г. (по письму полковника Ламброса Качониса на высочайшее имя): «Ламбро Качони, полковник, описывая службу свою и оказанные им разные услуги, но состоя в нынешнем чине 14 лет, просит уволить его во все от службы со Все милостивейшим награждением следующего чина...», — и оба расходятся с утверждениями Г.А. Гребенщиковой. Трудно понять, почему доктор наук не ознакомилась с данными, опубликованными и известными документами, а сделала в своей книге весьма странное и не отвечающее реальности заключение.

На С. 390 Г.А. Гребенщикова пишет: «После 1798 года следы Кацони затерялись в Крыму — существуют лишь легенды, которые по тем или иным конъюнктурным соображениям выдавали в печать разные авторы». Это утверждение не соответствует действительности. Причем, если Г.А. Гребенщикова читала те сборники опубликованных документов, которые она указала в своем «списке источников и литературы», то она должна была знать о жизни и деятельности полковника Ламброса Кацониса в Крыму, а не вводить читателя сознательно в заблуждение. Впрочем, возможно, к описанию завершающего этапа жизни полковника российского флота и кавалера, в силу разных причин, она просто подошла по-любительски и не ставила перед собой задачи ознакомиться со всеми опубликованными документами, раскрывающими крымский период его жизни. Можно предположить, что с литературой по данному вопросу она не знакома совершенно, иначе не осмелилась бы писать о «легендах», ввиду множества серьезных работ, если и не освещающих подробно последние годы жизни Л. Кацониса, то позволяющих правдиво, на основе имеющихся в Крыму документов, представить ее в общих чертах.

Чтобы не быть голословными, прежде всего, заметим, что фигурирующий в «списке источников и литературы» сборник: «Архив графов Мордвиновых» содержит, в частности, прошение Н.С. Мордвинова на имя Новороссийского военного губернатора М.В. Каховского, от 20 марта 1799 г., доверенность адмирала на имя А.П. Зюбина, которому поручалось выступать от имени адмирала в различных инстанциях по делам, связанным с судебной тяжбой последнего с Л. Кацонисом. Последний документ датирован 2 июля 1799 г. и позволяет установить характер отношений упомянутых лиц, а также особенности материального положения Л. Кацониса в этот период¹⁰⁰. Несомненно, определенную информацию по данному периоду содержат и документы, опубликованные Ю.Д. Пряхиным: письмо Н.С. Мордвинова Л. Кацонису, от 4 февраля 1799 г.; доклад императору Александру I по жалобе, поданной отставным капитан-лейтенантом Софриженовым по доверенности Л. Кацониса, датируемый 9 ноября 1801 г.; близкий по содержанию доклад Александру I по жалобе Л. Кацониса, от 19 июня 1803 г., — касающиеся торговли продукцией построенного им в Крыму винокурного завода. Наконец, доклад от 1 июля 1804 г. по прошению

¹⁰⁰ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб, 1901. С. 460–462, 465.

полковника Л. Кацониса об увольнении его от службы¹⁰¹ и другие. Все они свидетельствуют, что Л. Кацонис, действительно, проживал в Крыму, в районе Карасубазара, близ Феодосии, занимался виноделием, отправлял продукцию своего завода в Москву. Вместе с тем, он продолжал числиться на службе в чине полковника, выполнял определенные должностные обязанности, по меньшей мере, до июля 1804 г. В 1805 г. по пути в г. Керчь Ламброс Кацонис трагически погиб. Дата его смерти, ее обстоятельства до сих пор документально не подтверждены, могила в ходе минувших войн была утрачена. Крымские историки и краеведы пытаются ответить на все неясные вопросы, связанные с последним этапом жизни и деятельности Ламброса Кацониса. Есть надежда, что их поиски и исследования завершатся успехом. В Крыму помнят и чтут имя полковника, офицера российского императорского флота и кавалера, героя греческой нации Ламброса Кацониса и его сына полковника Ликурга Качиони, кавалера ряда российских орденов, немало сделавшего, как и отец, для Крыма, городов Балаклава и Керчь.

Хотелось бы особо отметить, что администрация г. Балаклавы приняла решение установить полковнику Ламбросу Кацонису памятник в своем городе. Это решение нашло поддержку населения и властей автономной республики Крым. Собираются необходимые средства, объявлен конкурс проектов памятника и есть надежда, что он будет в скором времени установлен. Подводя итоги анализа содержания 2-го тома книги Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II», в части, посвященной личности и боевой деятельности полковника и кавалера Ламброса Кацониса, действиям двух российских флотилий в Средиземном море в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., можно сделать следующие обобщения и выводы:

1. Прежде всего, следует отметить, что автор проделала значительную работу, объективно напрашивавшуюся. Написала и сумела издать книгу обобщающего плана по истории Черноморского флота. В полиграфическом отношении издание выполнено хорошо, выглядит солидно, радует глаз иллюстрациями и своим внешним видом вызывает интерес читателей. Вместе с тем, к содержанию книги у специалистов-историков есть масса претензий и серьезных замечаний. Текст явно не доработан автором, имеет место значительное число ошибок, неточностей, искажений, передергивания,

¹⁰¹ Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб, 2011. С. 444–446.

забвения фактов и событий, налицо также наличие фальсификаций и явной предвзятости. Часто просматривается небрежность автора, ее научная недобросовестность и безответственность, на что ей уже указывали и критиковали ранее, по поводу содержания ее прошлых публикаций.

2. При изложении исторических материалов, автор, в основном, ссылается на архивные источники. Она не изучила или игнорирует известные работы предшественников-исследователей по теме своей книги и обозначенному периоду истории России. Это вызывает у читателей искаженное представление о предмете, вводит их в заблуждение, заставляя предполагать, будто именно Г.А. Гребенщикова является «первооткрывателем» темы, автором первой серьезной книги по данной проблематике.

3. В тексте 2-го тома своей книги доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова фальсифицировала¹⁰² образ, боевую деятельность Ламброса Кацониса, его заслуги перед Россией и Грецией, действия российских флотилий и их боевых кораблей, командования флотилий во всех боевых кампаниях войны, содержание некоторых архивных документов, конкретные эпизоды боевых действий. Автор книги позволила себе прямые оскорбления в адрес национального героя Греции, полковника российского флота и кавалера, называя и представляя его «бандитом», «преступником», «лжецом» и т.п., а также давая унижающие, бездоказательные оценки боевой деятельности флотилии, которой он командовал;

4. В результате вышесказанного, указанные страницы 2-го тома книги не отвечают исторической реальности, автор грубо искажает, фальсифицирует события, имевшие место в Средиземноморье в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., целенаправленно дискредитирует личность, деятельность и заслуги полковника и кавалера Ламброса Кацониса, боевые успехи кораблей, подчиненной ему флотилии. При этом, автор игнорирует государственные оценки личности, боевой деятельности и заслуг полковника Ламброса Кацониса, данные ему главнокомандующим, генерал-фельдмаршалом светлейшим князем Г.А. Потемкиным Таврическим, императрицей Екатериной II, а также оценки многочисленных публикаций историков-исследователей как в России, так и за рубежом, а главное – мнение греческой нации, которая свыше 200 лет чтит его своим

национальным героем. Удивительно, но со всеми этими оценками не согласна историк из Санкт-Петербурга доктор исторических наук, профессор Г.А. Гребенщикова, у нее свое, особое мнение, которое она обосновывает фальсификациями и неумными фантазиями, а также, якобы, новыми, неизвестными научному сообществу, архивными документами, причем, неожиданно обнаруженными ею, в основном, в АВПРИ.

5. Предъявляемые Г.А. Гребенщиконой «новые документы» на деле, в значительной своей части, давно известны и введены в научный оборот. Кроме того, в свое время они всесторонне рассматривались, по ним принимались решения, нередко на самом высоком государственном уровне. Поэтому они не могут, конечно, внести что-то революционно новое в понимание давно прошедших и хорошо изученных событий и роли в них тех или иных исторических личностей, а также радикально изменить их оценки, заставить пересмотреть их заслуги, проверенные временем, получившие высокую оценку греческого народа, заслуженно вошедшие в его историческую память;

6. Поражает методика работы Г.А. Гребенщиконой, в которой обнаруживается ряд серьезных изъянов: небрежность, искажения, научная недобросовестность и беспринципность, предвзятость, домыслы, фальсификация и другое. Так, например, поверхностно ознакомившись с содержанием документа, она нередко додумывает дальнейший ход событий. Свои фантазии затем активно и весьма категорично выдает за историческую правду. Для того, чтобы обосновать свою позицию, будто Ламброс Кацонис «простой пират, бандит, преступник, лгун», она в ходе изложения соответствующих событий занимается фальсификацией, фантазирует, передергивает, путает даты и события, описанные в документах. Надеемся, у внимательно прочитавшего нашу брошюру человека не возникнет сомнения в сказанном. В своих публичных заявлениях и письмах она весьма настойчиво и убежденно предлагает всем достойно принять «горькую правду», причем, убеждена, что «правда» существует только в ее интерпретации событий. Указывая другим, что «прежде, чем делать свои выводы, важно собрать полную доказательную базу», доктор наук, в действительности, нередко поступает вопреки этим принципам, в чем убеждает содержание ее книги, в частности, страницы, посвященные описанию деятельности российских флотилий и их командующих в Средиземном море во время войны 1787–1791 гг.

¹⁰² Фальсификация (позднелат. — поддельваю). 1. Злостное, преднамеренное искажение каких-либо данных. 2. Изменение с корыстной целью вида или свойства предметов; подделка.

7. Выявившаяся, совершенно недопустимая для профессионального историка, склонность к фальсификации, стремление подогнать данные источников под заранее сформировавшиеся взгляды, убеждения и пристрастия автора, вызывают обоснованное опасение, что содержание и других разделов книги «Черноморский флот в период правления Екатерины II» может не соответствовать исторической действительности, не учитывать результатов исследований и публикаций предшественников-историков. Такое опасение подкрепляется уже опубликованным в 2012 году, в № 72 журнала «Гангут», критическим отзывом по содержанию данной книги, подготовленным специалистом по данному периоду, профессиональным историком. На наш взгляд, прозвучавшие ранее хвалебные отзывы о книге Г.А. Гребенщиковой не опирались на серьезный, квалифицированный анализ текста, который необходим ввиду выявившихся существенных изъянов книги. Можно только сожалеть, что многие специалисты, несомненно, уже выявившие в ней те или иные недостатки, не сочли нужным указать на них, хотя для этого есть серьезный повод, который подает сам автор.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В октябре 2012 года в Санкт-Петербурге, в Доме ученых РАН торжественно прошла презентация монографии в 2-х томах доктора исторических наук, профессора Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II». В ходе презентации, Галина Александровна была награждена уважаемой общественной организацией поощрительным знаком («Орденом» Санкт-Петербургского Морского собрания) «За заслуги в морской деятельности» (?!). Видимо, воодушевленная всем этим, Г.А. Гребенщикова дает интервью журналисту Сергею Глезерову, которое было опубликовано 9 января 2013 года в № 1 газеты «Санкт-Петербургские ведомости» под заголовком «Дело всей империи».

Данное интервью вызвало удивление у специалистов-историков, инициировало международный скандал, возмущение различных творческих, научных и общественных организаций, любителей и знатоков истории в России и в Греции, поставило под сомнение добросовестность и научный уровень автора монографии. Так, в интервью, отвечая на 4-ый вопрос журналиста «О ком еще спорят применительно к истории Черноморского флота»? Г.А. Гребенщикова безапелляционно, исходя из содержания своей, во многом спорной и ошибочной монографии, называет национального героя Греции, командующего российской Императорской флотилией Ламброса Кацониса, полковника и кавалера ордена Св. Георгия. При этом она считает его «обыкновенным пиратом, который грабил и убивал своих же соотечественников-греков, воевал в основном против мирных жителей». В содержании монографии неприкрыто просматриваются непонятная, необъяснимая грекофобия, недопустимая, оскорбительная фантазия автора, забвение ею научного анализа в оценке документов, обстановки, фактов и событий истории.

Не случайно Ассоциация морской прессы вскоре направила в адрес главного редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» следующее письмо.

«Генеральному директору – главному редактору газеты Санкт-Петербургские ведомости В.В. Пономаренко.

Уважаемый Владислав Валерьевич!

Мы удивлены тем, что старейшая и авторитетнейшая газета города позволила нанести удар по своему высокому авторитету в глазах

многих своих читателей, особенно любящих и знающих историю, представ неожиданно своеобразным «рекламным рупором» книги и взглядов весьма напористого и безапелляционного историка-автора. Видимо, благодаря легковерью, доверчивости журналиста, ложные взгляды Галины Гребенчиковой были изложены в 4-ом абзаце ее интервью, опубликованном газетой в № 1 за 2013, что, на наш взгляд, поставило газету в весьма неприглядное положение.

В данном интервью, весьма тенденциозно показана и получила незаслуженную, унижающую оценку личность и деятельность Ламброса Кациониса – национального героя Греции, полковника и кавалера Российского флота, что, несомненно, является оскорблением для греческой нации и общественности. По сути дела, брошен камень в историю совместной борьбы народов-единоверцев за национальное освобождение Греции, в российско-греческие отношения.

А ведь редакция, прежде чем выпустить материал, публично очерняющий национального героя дружественной страны, могла бы ознакомиться с дореволюционными и всеми последующими изданиями энциклопедий, с исторической литературой; исследованиями, посвященными данному человеку, осуществленными и опубликованными в России и в Греции; обратиться, наконец, за консультацией в С-Пб институт Истории РАН. Просто задуматься, почему же в Греции есть памятники этому «обыкновенному пирату», который, по словам дипломированного историка, растиражированным авторитетной газетой, «грабил и убивал своих же соотечественников-греков»? А ведь сегодня его имя носят улицы и площади в городах Греции, в том числе, и в столице страны, создан музей Ламброса Кациониса в его родном городе Ливадия, функционирует, пользуется известностью Всегреческое общество имени Ламброса Кациониса, им выпускается журнал его имени, проводятся международные научные конференции, посвященные герою нации. Следует задуматься, почему «горькая правда» от Гребенчиковой отвергается греческим народом, серьезными историками?

Хотелось бы проинформировать редакцию, что 30 июня 2009 г. в С-Пб институте истории Российской Академии наук успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук гражданином Греции, капитаном I ранга греческого флота Панайотисом Стаму на тему: «Офицер Ламброс Кационис и легкая российская флотилия в Средиземном море», в которой нет и намек на оскорбляющие заявления и оценки в адрес национального героя Греции, изложенные на страницах газеты. В 2005 г. книга Ю.Д. Пряхина «Ламброс Кационис в истории Греции и России» (вышла в СПб в 2004 г.) переведена на греческий язык и издана в Афинах. Она, так же, как и диссертация греческого исследователя, не содержит столь категорические взгляды и заключения, ложную информацию, приведенные в интервью.

Греческое издание книги автора из Санкт-Петербурга получила высокую оценку историков Эллады и греческой общественности, ныне имеется и в библиотеках нашего города.

Надеемся, что редакция газеты Санкт-Петербургские ведомости посчитает нужным и найдет возможность исправить неприятную ошибку, получившую уже международное звучание, добьется от автора извинений, опровержения оскорбляющей публикации, а журналисты газеты впредь перестанут безоглядно верить «ученым новой формации» даже с высокими научными степенями и званиями, будут более ответственны при публикации материала. Полагаем, что авторитетнейшая газета России должна остерегаться надуманных мифов и легенд безответственных «историков», не допускать фальсификации истории, искажений общепризнанных, общенациональных оценок исторических личностей.

Данное обращение рассмотрено и одобрено на заседании Ассоциации морской прессы при Союзе журналистов Санкт-Петербурга 30 января 2013 года.

Исполнительный директор Ассоциации капитан I ранга Л.И. Чайковский.

Однако никакого ответа на это письмо из редакции получено не было.

В ответ на возмущенное письмо из Греции, направленное в адрес главного редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» генеральным секретарем Центра Греко-Российских Исторических исследований (КЕРИЕ) Паносом Стаму, в Афины прибыло емкое послание от Г.А. Гребенчиковой. В нем она полностью подтвердила свои взгляды и оценки личности и деятельности национального героя Греции, изложенные в ее монографии и в интервью газете. При этом она изложила и свою аргументацию, «научно» обосновывающую данную позицию. Это, по утверждению Гребенчиковой, «новые документы» Архива Внешней политики Российской империи (АВПРИ). На деле же, они хорошо известны историкам и неплохо изучены. Большинство из них давно находятся в научном обороте.

Письмо Г.А. Гребенчиковой капитану I ранга греческого флота, доктору Паносу Стаму публикуется с его разрешения.

«Уважаемый г-н Стаму, здравствуйте.

Благодарю, что вы откликнулись на мое интервью газете «Санкт-Петербургские ведомости». Выраженное вами недоумение вполне понятно – вы защитили диссертацию по Л. Кационису, и теперь рушить образ, созданный вами и Ю.Д. Пряхиным, совсем непросто. Узнавать правду вообще тяжело, но рано или поздно с этим приходится сталки-

ваться. Главное — достойно принять эту правду, без оскорблений своих коллег-историков, обнаруживших новые документы, и без обвинения их в несерьезном подходе к историческому исследованию и в принадлежности к «историкам новой формации».

Давайте разберемся во всем последовательно. Я ознакомилась с вашей диссертацией и могу сказать следующее. Большую часть документов из Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ) вы не видели, поэтому вам непонятны некоторые факты. Например, вы пишете об исторических неточностях, допущенных мною в интервью, на что привожу такой документ:

9 августа 1774 года главнокомандующий морскими и сухопутными силами в Эгейском море граф А.Г. Орлов «повелеть соизволил, чтоб из греков и албанцев, которые пожелают ехать в Россию, забирать на корабли, большие молодых и прочных, и к службе или к поселению» способных. На основании этого распоряжения А.Г. Орлова, в 1775 году в Керчь приехал и Л. Кацони, который числился тогда как «десятник», что по корабельной классификации означало рядовой плотник. Всего в 1775 году в Россию из Архипелага приехало 270 человек греков и албанцев вместе с родственниками и женами. (РГАВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 – 2 об., 3, 16, 66).

Впоследствии Кацони стал служить в Черноморском флоте под начальством контр-адмирала Н.С. Мордвинова.

Далее, вы пишете о том, что во вторую русско-турецкую войну 1787–1791 гг. Франция являлась союзницей Турции и, следовательно, французам было выгодно придерживаться официальной позиции турок о том, что Кацони пират и грабитель. Но это не так. В тот период Франция не состояла в союзных обязательствах с Турцией, и союзного договора между этими государствами не существовало. Франция вообще проводила двойственную политику: с одной стороны, помогала туркам строить корабли и укреплять крепости, а с другой – искала дружбы с Россией. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Франция оставалась нейтральной, но после войны, в 1792 году, ее позиция в отношении Кацони стала очень жесткой, о чем излагаю ниже.

В РГАВМФ хранится объемное, более 1000 листов, следственное дело по преступлению Кацони — РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34, и вы можете в любое удобное для вас время приехать в Петербург и ознакомиться с ним. Причем, Ю.Д. Пряхин видел это дело, но отказался открывать правду и проигнорировал документы. Юрий Дмитриевич использовал только те материалы, которые ему выгодно было использовать, например, рапорта самого Кацони князю Потемкину о своих «громких подвигах» в Архипелаге. На самом деле, эти рапорты Кацони не более, чем его заведомая ложь и обман, потому что подвиги совершали и одерживали победы над турецкими морскими силами в Эгейском

море другие офицеры, состоявшие на русской службе. Это мальтийский капитан Гвильермо Лоренцо, которого Екатерина II назначила капитана Гвильермо Лоренцо командовать императорской легкой флотилией вместо преступника Ламбро Кацони, и уроженец Корсики лейтенант Самуэль де Шаплет. Кацони всего лишь присваивал себе заслуги этих офицеров.

В указанном деле (РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34) имеются копии всех высочайших повелений и инструкций, отчеты российских генералов и множество других документов, связанных с действиями Кацони. Вот, к примеру, одно из показаний Антония (Антон) Константиновича Псаро от 19 июля 1795 года: «Ламбро и сопутствовавшие ему не только не захотели покориться инструкциям, но паче презируя начальника, от которого они были присланы, продолжали по алчности своей поступать с дружественными нациями и с греками так, что в Сиракузскую комиссию ежедневно вступали как от нейтральных купцов так и от греков жалобы от претерпеваемых ими от арматоров несправедливых грабительствах». Более того, Псаро свидетельствовал, что Кацони переманивал к себе в команду людей из флотилии Гвильермо Лоренцо обещаниями быстрой наживы, то есть действовал «без правильной дисциплины и с жадностью к наглым похищениям», чем наносил вред российской императорской службе и дискредитировал ее. «Едва лишь сделалось мое прибытие известным, – говорил Псаро, – то множество народа пришло в присутствии нашего вице консула Загурисского просить моей помощи против беззаконных грабительств вышеобъявленных корсаров».

Далее привожу перечень подтверждающих документов из московского Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ), с которыми вы и Ю.Д. Пряхин, к сожалению, не работали.

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 708; АВПРИ. Ф. 41. Оп. 41/3. Д. 431; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2036; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2136; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2135.

О том, что во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. в нейтральных водах Адриатики и Ионического моря Ламбро Кацони совершал незаконные действия в отношении рагузских, венецианских и греческих судов, грабил и убивал мирных торговцев, имеются следующие ключевые документы:

АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1291; АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 200; АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 201; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1304; АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 5132; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2062; АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 206; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 958; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1290; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2093; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1299; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 2107; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 1296; АВПРИ. Ф. 41. Оп. 41/3. Д. 213; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. Д. 793;

АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. Д. 1165.

Уже 15 (26) мая 1788 года, то есть в начале войны, полномочный министр в Неаполе Павел Мартынович Скавронский получил депешу вице-канцлера России Ивана Андреевича Остермана. В депеше говорилось: «Императрица с большим неудовольствием узнала о насилии, которое капер майор Ламбро Кацони осмелился учинить в отношении рагузинского флага. Вследствие сего Ея Императорское Величество приказали мне уполномочить вас лишить его патента и отстранить от выполнения порученного ему дела как человека, посредством неверных и предосудительных поступков высказавшего себя недостойным пользоваться впредь высоким покровительством императрицы и выполнять какие либо задания на ее службе». Скавронский ответил И.А. Остерману: «Повеление, данное мне Вашим Сиятельством от имени Ея Императорского Величества, заставить майора Ламбро Кацони возвратить похищенные им у рагузского капитана вещи и деньги, и отобрать патент, запретить ему чинить вред под российским флагом, не премину исполнить»: АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 202.

За серию грабежей и разбои на море императрица лишила Кацони патента на право плавать под российским флагом и передала командование легкой флотилией Гвильермо Лоренцо. В указанных выше архивных документах подробно перечислены все преступления Кацони, включая убийства своих же соотечественников-греков.

В документах, обнаруженных в Архиве МИД РФ в Москве, имеются сведения обо всех злодеяниях полковника Ламбро Кацони, справка об участии его семьи и справка о нем самом. В делах хранятся донесения российских консулов и посланника в Вене А.К. Разумовского вице-канцлеру И.А. Остерману и Екатерине II за 1792 – 1793 годы, свидетельские показания бывших сослуживцев Кацони и документ под заголовком «Выписка из бумаг, касающихся греков флотилии Ламбро, плененных венецианцами и частично выданных туркам». В преамбуле этого документа говорится: «Когда мир с Портою Оттоманскою уже обнаружился в Европе, со всех концов Архипелага еще продолжали поступать жалобы на морские разбои Ламбро Кацони и его флотилии. В связи с этим императрица распорядилась лишить сих непокорных е е покровительства, объявив незаконными все их призывы, захваченные после обнародования мира, и рекомендовав преследовать их, чтобы положить конец их разбою. В результате флотилия была разбита, а личный состав пленен или рассеян. Ламбро удалось скрыться».

Кацони продолжал совершать преступления против судов нейтральных и дружественных держав даже после окончания войны, в мирных условиях. И когда открылась вся правда о его преступлениях, Екатерина II сама рекомендовала правительству Венеции поймать этого пирата и положить конец его злодеяниям. После получения тако-

го ответа, Сенат республики постановил: «Вследствие неоднократных известий о наглых поступках и грабительствах полковника Кацония и подчиненных ему арматоров ... для общей безопасности и спокойствия» арестовать полковника Кацони и конфисковать его флотилию.

31 августа 1792 года поверенный в делах в Турции А.С. Хвостов информировал генерала В.С. Томару, что он ждет высочайших повелений о линии поведения с турками, потому что «двор от Ламбро отступился». Пишет Хвостов и о том, что размеры ущерба, причиненного Кацони разным державам и частным лицам, еще предстоит выяснить; этот человек оставил за собой такой «шлейф» преступлений и безобразных дел, что Петербург будет долго разбираться с разными консульствами и представительствами.

Вот одно из самых страшных преступлений Кацони:

26 апреля 1792 года Кацони с семью судами подошел к берегам Мореи и высадился в местечке Кастра, где нашли убежище спасавшиеся от чумы греки с острова Идро. Полковник знал, что война окончена, а следовательно, турок в большом количестве в том месте не будет. Он вместе со своими людьми ночью высадились на берег и окружили поселение беззащитных идриотов; как докладывал Загурицкий, часть жителей «сумела спастись бегством в горы, а кто остался, попали в плен или были убиты. За тем последовал всеобщий грабеж, причиняли женам нещастных наипоноснейшие ругательства, а стоявшие там восемь идриотских судов были взяты, так что опустошение, грабеж, причиненные от своевольных матрозов, не представляют иного для идриотов как только плачевное зрелище».

Весть о преступлении Кацони мгновенно распространилась по полуострову, и проживавшие в Мореи турки в срочном порядке выслали в Константинополь курьера с мольбой о помощи, а сами пока вооружились и наскоро укрепили свои поселения. Кацони же продолжил бесчинствовать и совершать новые преступления.

9 июня 1792 года представителю России в Венеции Александру Семеновичу Мордвинову Сенат республики подал официальную жалобу на действия Кацони:

«Беспорядочное поведение и выходящие из границ поступки арматоров флотилии, состоящей под командою полковника Ламбро Качония, который как с самого начала последней с Портою Оттоманскою войны, так и после заключения мира, находился всегда с флотилиею близ Венецианских островов, лежащих в Леванте, не наблюдая должного уважения к земским правам нашей Республики и нарушая исповедуемое и хранимое постоянно доброе согласие и дружбу между августейшею государынею вашею и Республикою нашею, составляют неприятный предмет объявления вам. Приятно было полученное известие о недавнем прибытии в Корфу секретаря г-на Томары с данным ему повелением

освидетельствовать помянутую флотилию и восстановить в оной надлежащее благоустройство прекращением беспорядков».

Пересылая копию этой жалобы вице-канцлеру И.А. Остерману, А.С. Мордвинов пояснял, что в течение всей войны флотилия Кацони «почти всегда крейсировала около венецианских в Леванте островов, и часто имела убежище в портах Венецианской Республики», получая там необходимую помощь в снабжении и ремонте. И никогда правительство Венеции ему ни в чем не отказывало, но как отплатил полковник Кацони за помощь и гостеприимство? Черной неблагодарностью, грабежами, издевательствами над подданными республики и совершением новых преступлений. Например, губернатор острова Св. Мавры направил к Кацони своего уполномоченного офицера с требованием выдать «многих бежавших и им принятых на эскадру солдат, но он безстыдным образом в том отказал», писал А.С. Мордвинов.

По приказу Кацони его люди похитили в Превезе 10-летнего мальчика – под предлогом долга его отца, будто бы тот задолжал Кацони крупную сумму денег. Кацони освободил ребенка только после личного вмешательства градоначальника.

После серии разбирательств на дипломатическом уровне, Екатерина II направила генералу В.С. Томаре указ для передачи полковнику Ламбро Кацони – «чтоб он со всем своим ополчением возвратился как наискорое в Ливорну или другую итальянскую гавань, которую вы ему укажете, назначив при том и крайний срок возвращения его и сказав ему, что если он в течение сего времени не явится, то Российский двор от него отрекается».

Но полковник и на этот раз не явился ко двору. Он понимал, что кроме Потемкина, в России ему никто не покровительствовал, а после смерти князя отсылать «победные» рапорты было некому и надеяться тоже не на кого. Вместо повинения и раскаяния он предпочел дальнейший путь грабежей и насилия. У берегов Мореи он сжег два купеческих французских судна, после чего к венецианским властям присоединились турки и французы. В частности, к генералу В.С. Томаре попало письмо командира французского фрегата «La Vadine» Симона Брутьера, адресованное неизвестному лицу. Из текста письма (от 5 августа 1792 года) следовало, что «для обеспечения торговли всех наций и удержания разбойничества таковых судов», Франция готова направить свои корабли в Средиземное и Эгейское моря.

Пока Кацони грабил мирных торговцев, в том числе и своих соотечественников, из Константинополя подоспела помощь: турки выслали в Эгейское море 18 вымпелов под командованием самого капудана-паши, к которым присоединились 15 хорошо вооруженных идриотских судов. У одном из островов эта эскадра обнаружила стоящую на якоре флотилию Кацони и атаковала ее; полковнику удалось бежать на малом

быстроходном галиоте, бросив, как и в прошлый раз, свою команду, часть которой турки захватили в плен. Российский поверенный в делах в Константинополе А.С. Хвостов сообщил В.С. Томаре: Кацони «капитан пашею загнан в горы, и взято восемь судов с орудиями, кроме потопленных и сожженных. Взято в плен три офицера и 64 простых грека».

Когда открылась вся правда о его преступлениях, Екатерина II сама рекомендовала правительству Венеции поймать этого пирата и положить конец его злодеяниям. После получения такого ответа, Сенат республики постановил: «Вследствие неоднократных известий о наглых поступках и грабительствах полковника Кацония и подчиненных ему арматоров..., для общей безопасности и спокойствия» арестовать полковника Кацони и конфисковать его флотилию.

В АВПРИ обнаружены два списка: первый датирован июлем 1797 года и называется «Список уволенным от службы грекам и другим левантским жителям во флотах Черноморских в прошедшую с турками войну»¹⁰³. Согласно этому списку, «греков и других левантских жителей», служивших в русско-турецкую войну в Черноморском флоте, уволено: капитан-лейтенантов – 8, лейтенантов – 4, мичманов – 3, секунд-майоров – 8, прапорщиков – 54.

Второй список, под той же датой, имеет название «Список отлучным по Черноморскому Адмиралтейскому Правлению, к своим командам неявившимся, и за то по силе Высочайшего Его Императорского Величества повеления выключенными из службы без ношения мундира»: АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. Д. 1165:

«флота лейтенанты – 3
мичманы – 2
полковник Ламбро Качони
секунд майор – 1
капитаны – 4
поручики – 10
подпоручики -10
прапорщики – 33».

Уважаемый коллега, это лишь часть информации, остальное изложено в моей монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II». СПб., 2012. Если вас интересует эта книга, то сообщите мне, я найду возможность отправить ее вам.

Еще раз вынуждена сказать о том, что историческая наука не является чем-то застывшим и неподвижным: всегда находятся новые документы, новые факты и доказательства того или иного события, на которое раньше смотрели по-другому. И прежде, чем делать свои выводы, важно собрать полную доказательную базу.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. Д. 1165. Л. 5 – 7.

К сожалению, Ю.Д. Пряхин и Г. Ари, которых вы называете «выдающимися историками», не захотели, в силу определенных обстоятельств, принимать другую точку зрения на исторический персонаж – Л. Кацони. Это их право, также как и моё право высказать свое мнение по этой личности.

К слову сказать, кроме вас, «выдающимися» Ю.Д. Пряхина, В.С. Соболева (бывшего директора РГАСМФ) и Г. Ариша никто не называет. Эти историки специализируются на конкретной личности, а В.С. Соболев — на истории библиотеки Академии Наук. Однако в России есть действительно выдающиеся историки, которые занимаются глобальными проблемами внутренней и внешней политики России, работают в крупнейших архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга и получили широкое признание научного сообщества.

С уважением, Галина Александровна Гребенщикова».

Получив из Санкт-Петербурга ответ на свое письмо – послание от Галины Гребенщиковой, Панос Стаму обсудил его содержание на Совете КЕРИЕ. Было решено обратиться к члену КЕРИЕ, доктору исторических наук, профессору Ю.Д. Пряхину – автору книги «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов», изданной в Санкт-Петербурге в 2011 году, с просьбой изучить и прокомментировать письмо Г.А. Гребенщиковой, направленное ею в Афины Паносу Стаму. Эта просьба была выполнена.

Вот, содержание рецензии профессора Ю.Д. Пряхина по основным позициям письма Г. Гребенщиковой Паносу Стаму, направленное Пряхиным в Афины, с разрешением ее публикации в печати:

«Генеральному секретарю Центра Греко-Российских Исторических Исследований (КЕРИЕ). Афины, Греция.

Паносу Стаму

Уважаемый Панайотис!

Выполнил Вашу просьбу, ознакомился с текстом ответа на Ваше письмо доктора исторических наук, профессора Г.А. Гребенщиковой. Свое письмо Вы, направляли в редакцию газеты «Санкт-Петербургские ведомости», в связи со скандальным интервью Г. Гребенщиковой, опубликованном газетой 9 января, в № 1 за 2013 год.

Высказываю свое мнение. Данное интервью действительно унижает национального Героя Греции, полковника и кавалера российского флота, оскорбляет чувства патриотов-греков, бросает тень на историю совместной борьбы Греции и России за национальное освобождение народа Эллады. Удивительно, но данный ответ содержит свыше 20-и неточностей, ошибок и грубых искажений реальной действительности, исторической правды.

Рассмотрение ответа показывает, что автор интервью в своих

выводах и оценках ссылается на «новые документы», обнаруженные ею, причем, в основном в АВПРИ. При этом приводятся архивные данные около 20 документов, раскрывается содержание только некоторых из них, и то лишь частично. Следует особо отметить, что приведенные документы были хорошо известны главнокомандующему Г.А. Потемкину, докладывались Екатерине II, по ним принимались соответствующие решения, как в ходе русско-турецкой войны, так и после ее окончания. Все это хорошо изучено и известно современным историкам. Хотелось бы напомнить, что содержание информационных документов того времени не всегда отличалось достоверностью, зачастую они были бездоказательными, тенденциозными, эмоциональными, как правило носили характер непроверенных слухов и доносов, являли собой различные претензии, обиды и жалобы. Обычно документы отвечали не только конкретным частным интересам, но главное, они служили обеспечению экономических, политических интересов стран Средиземноморья, других заинтересованных держав. И это хорошо знали Г.А. Потемкин, императрица и относились к получаемым документам, достаточно осторожно, многократно их перепроверяли, опираясь на различные, по возможности, независимые и надежные источники информации.

Проанализируем некоторые из документов, приведенных в ответе, и позиции автора ответа:

1. Действительно, за незаконное взятие рагузинского судна и изъятие у капитана денежных средств и имущества капером майором Кацони, императрица приказала «лишить его патента и отстранить от выполнения порученного ему дела». Кроме того, она приняла также целый ряд важных решений, с целью регламентации боевой деятельности каперских судов и управления их действиями.

Ссылаясь на решение императрицы, Галина Александровна, не разобравшись, дважды с упоением оповещает всех в своем ответе: «Екатерина II назначила капитана Гвильельмо Лоренца командовать императорской легкой флотилией вместо преступника Ламбро Кацони» (!?). А чтобы все хорошо запомнили это, добавляет: «За серию грабежей и разбои на море императрица лишила Кацони патента на право плавать под российским флагом и передала командование легкой флотилией Гвильермо Лоренцо». Фантазия доктора наук потрясает. В действительности же, капер Ламброс Кацонис в это время исключительно успешно действовал на морских коммуникациях противника и в Архипелаге, в ходе своей первой боевой кампании 1788 года. Вернулся он в октябре, через 8 месяцев, в Триест, овеянный громкой боевой славой, с созданным им отрядом из 9 боевых судов, с 10 пленными турками на борту. В Триесте

майор Качони с радостью узнал, что прощен императрицей, что есть Высочайшее повеление: «Привлечь сию флотилию в собственное свое служение ... платить все издержки и содержание оной».

8 апреля 1789 года бывший каптер майор Ламброс Кацонис, уже в ранге командующего российской императорской флотилии из 10 судов, уходит из Триеста в очередной боевой поход. Начинается его вторая боевая кампания 1789 года. Несколько ранее из Сиракуз ушел в море отряд из 6 казенных судов под командованием лейтенанта Дешиаплетта (Самуила де Шаплетта), который в Архипелаге соединился с тремя российскими фрегатами. Этим была образована казенная российская флотилия под командованием Гульельма Лоренца, которая должна была взаимодействовать с российской императорской флотилией Ламброса Кацониса. Уже 24 июля 1789 года «за целый ряд оказанных подвигов», в «награждение его усердных услуг в Архипелаге» майор Ламброс Кацонис производится в очередной чин подполковника. И это все – подлинная историческая правда. Видимо, теперь для Галины Александровны остается только одно, как это она всем и внушала, – «достойно принять эту правду»;

2. Обнаружив в АВПРИ документ — «Список отлученным по Черноморскому Адмиралтейскому Правлению... выключенными из службы без ношения мундира» (от июля 1797 года) и увидев там фамилию полковника Ламбро Качони. Доктор наук не обращает внимание на другие многочисленные документы и реальные факты, свидетельствующие о нахождении Л. Качони на военной службе, а напрягает свою фантазию и публично объявляет в своем интервью, что «император Павел, возшедший на престол после Екатерины II, уволил Ламбро Качони с русской службы без права ношения мундира. Столь суровое наказание к морским офицерам применялось крайне редко». Все это абсолютно не соответствует действительности. Ведь только 1 июля 1804 г., полковник Ламброс Кацонис обращается к Александру I с прошением, в котором пишет, что «состоя в нынешнем чине 14 лет, просит уволить его вовсе от службы со все милостивейшим награждением следующего чина» (№ 160. РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 677. Л. 1. № 2594);

3. Хотелось бы узнать, какими документами руководствовалась Галина Александровна, безапелляционно утверждая, что боевые донесения командования Ламброса Кацониса «не более, чем заведомая ложь и обман», что «подвиги совершали и одерживали победы над турецкими морскими силами в Эгейском море другие офицеры, состоящие на русской службе. Это мальтийский капитан Гвильермо Лоренцо и уроженец Корсики лейтенант Самуэль де Шаплет. Кацони всего лишь присваивал себе заслуги этих офицеров» (!). Рассмотрим очередную, весьма оскорбительную фантазию доктора наук. В реальности подполковник Гвильермо Лоренцо командовал казенной флотилией и участвовал в боевых действиях лишь в кампанию 1789 года. Он и лейтенант де Ша-

плет, действительно имели единичные боевые успехи, что отмечалось в донесениях контр-адмирала Гиббса, их протеже и покровителя, ненавидящего непокорного, уверенного в себе, успешного морского военачальника Ламброса Кацониса.

Однако неожиданно для покровителя, без его разрешения казенная флотилия Г. Лоренца покинула район крейсерства и, задолго до установленного срока, 29 августа 1789 года возвратилась в Сиракузы. Командующий объяснял происшедшее тем, «что он вынужден был выйти из Архипелага ради недостатка в провизии и других припасов и для того, чтобы не подвергать флотилию в жертву неприятелю» (!). Это было неслыханным явлением для российского флота, противоречило Морскому уставу, квалифицировалась всеми как элементарная трусость. Уже 5 сентября контр-адмирал Гиббс вынужден был срочно донести о случившемся Г.А. Потемкину и А.А. Безбородко. Это стало достоянием императрицы, что окончательно дискредитировало Г. Лоренца в ее глазах, как командующего, и он, в конечном счете, был отстранен от должности. В очередную боевую кампанию 1790 года казенная флотилия уходила уже под командованием капитана генерал-майорского ранга грека А. Псаро, который также был отстранен от должности в конце 1790 года, как и все морское командование на Средиземноморском театре военных действий. Короткую, но убедительную оценку дал им дважды в своих посланиях Екатерине II главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин: 20 июня 1790 г. «по истине самую правду доношу – пишет он, – Гибс пьян, Псаро никуда не годится, грабитель греков и нетерпим ими. Гвильелми стар, католик, разоряет греков и они его не терпят» (№ 58. Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического, СПб.: 1893. Вып. 8. С. 122); 3 августа 1790 г.: «Я доносил уже Вашему Императорскому Величеству о контр-адмирале Гибсе и генерал-майоре Псаро: первый не годится, а другой и вреден по худому обхождению с греками и что он много начтет расходов, а не выстрелит ни разу» (№ 62. Там же. С. 129).

Вместе с тем, несколько позже, 24 декабря 1790 г. Г.А. Потемкин в своем Ордере дает следующее указание новому начальнику морскими силами в Средиземном море генерал-майору В.С. Томара, сменившего на данном посту контр-адмирала Гиббса: «Известная храбрость и предпримчивость полковника Ламбро-Качони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что, с добрыми наставлениями, он способен других к производству важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите ... Я получаю письма от разных обществ: одни из них жалуются на полковника Качони, другие им довольны. Ваше главное будет попечение привести их в согласие, дабы могли они единодушно действовать на общаго врага нашего» (№ 67. РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 67-69. Л. 200–225, 246–249);

4. *Опора, как на весомый дискредитирующий аргумент, на письменную оценку личности и деятельности полковника Ламброса Кациониса, данную генерал-майором А. Псаро, которая дословно приведена Г. Гребеницковой в своем ответе, вызывает лишь очередное удивление. Всем хорошо известно о неприязненных личных отношениях греков – офицеров Л. Кациониса и А. Псаро. Все знают о «боевых заслугах и ратных успехах» снятого командующего казенной флотилией. Даже Г.А. Потемкину и императрице было известно, что Псаро весьма недоброжелателен к Кационису, завидует его боевым успехам, его всенародной славе, что Псаро, пытаясь конкурировать с прославленным командующим, проигрывал ему по всем, особенно по боевым показателям. Удивительно, но именно авторитет и мнение этого человека, почему-то решила использовать в своей доказательной базе по дискредитации национального героя Греции Галина Александровна (?);*

5. *«Одно из самых страшных преступлений Кациони», описанное в ответе Гребеницковой, несомненно, неприятно, требует своего особого разбирательства. О масштабе происшедшего можно судить лишь из приведенного донесения вице-консула Загурисского. При этом следует учесть, что вице-консул не был на месте событий и информацию получил из слухов и сообщений анонимных «участников и свидетелей». Так что достоверность и точность сообщения, о количестве жертв и утрат имуществ идириотами, весьма приближительна и вызывают оправданное сомнение.*

При оценке данного происшествия, следует учитывать следующее, что на протяжении всей, уже завершившейся войны, население острова Идра, в своем подавляющем большинстве, являлось верными пособниками турецких властей и пользовались за это покровительством османской власти, значительными льготами и преимуществами перед греческим населением других регионов и островов.

Когда Ламброс Кационис, в ранге командующего российской императорской флотилией, уходил в апреле 1789 г. в боевой поход, он получил секретный приказ, IX пункт которого гласил: «Вы также будете проходить недалеко от идириотов. Остров сей населен греками преданными Порте, и слышно, что они готовят знатное количество судов в Черное море. Есть ли найдете, что слух сей справедлив; употребите ваше мужество против врагов сих и не допустите их исполнить злое намерение против Августейшей покровительницы имени Христианского» (№ 42. РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 25. Л. 7–8).

На протяжении всей войны отношение к идириотам российского командования, личного состава обеих флотилий было крайне настороженным и особым. Идириоты, их деятельность и суда в море подвергались постоянному и тщательному контролю. Характерен в этом плане и приказ Ламброса Кациониса, направленный 13 сентября 1790 года из

Вены в адрес врио командующего флотилией капитана Н. Кассими, в котором давалось следующее указание: «Жителей острова Идры, ежели обещанных денег вам не дали, то ловите их, когда дали таким никакого вреда не причиняйте, и суда которые по вашему призыву являться не будут, то вы их также ловите. Ежели будут греки, то вы их оставляйте в покое; ибо они наши единоверцы, и чтоб наши люди на островах не делали притеснений и грабежей» (№ 63. РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 12).

Ранней весной 1792 г. Ламброс Кационис совершил мятежные действия, не приняв условия Ясского мирного договора, заявил, что он продолжает национально-освободительную борьбу с Портой за освобождение народа Греции. Для этого он создал и укрепил свою базу на юге Майны в Порто-Кайо (Порто Кагио) и начал военные действия против турок и их пособников. Не оправдывая мятежного полковника, можно полагать, что в условиях развернувшейся вооруженной борьбы, Ламброс Кационис посчитал возможным напасть на охраняемый лагерь идириотов и конфисковать, по законам войны, у пособников турецких властей, необходимое ему имущество и корабли для активизации борьбы с Османской Портой. В свою очередь, позднее, к турецким и французскому судам, начавшим боевые действия по разгрому укрепленной военной базы и флотилии Ламброса Кациониса, по сообщению Гребеницковой, «присоединились 15 хороших вооруженных идириотских судов». В данном случае жители Идры, с оружием в руках, открыто поддерживали турецкие власти в подавлении первого крупного, неплохо организованного греками-патриотами, во главе с Ламбросом Кационисом, очага национально-освободительной борьбы своего народа против османского ига;

6. *Галина Александровна утверждает, что было создано «следственное дело по преступлениям Кациони» и это очередная фантазия историка-доктора. В действительности же, по повелению Екатерины II, в апреле 1794 г. была создана «Комиссия для свидетельства щетов о издержках и рассмотрении претензий по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с турками войну», которая работала 4-е года, рассматривала и изучала массу самых различных документов, касающихся деятельности флотилии и ее командующего, жалоб и претензий к нему. Естественно, среди них были и те, «новые документы», которые ныне используются Г. Гребеницковой, как доказательная база ее заявлений и псевдонаучной позиции.*

К работе Комиссии Ламброс Кационис привлекался как бывший командующий, как ключевой организатор и свидетель событий, как подготовленный консультант и офицер, предъявивший встречный иск государству. В конечном счете, Комиссия признала действия Ламброса Кациониса в Архипелаге «законными и правомерными» и предложила

правительству выплатить Ламбро Кацони «за иски по флотилии» 576 тысяч 674 рубля. Это решение 7 ноября 1797 года утвердил император Павел I (№ 139. РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 26. Л. 41);

7. Как всегда категорично и традиционно необоснованно, Галина Гребениčkова заявляет Паносу Стаму в своем ответе: «... Кроме Потемкина, в России ему (Ламбросу Кацонису – Ю.П.) никто не покровительствовал, а после смерти князя отсылать «победные» рапорты было некому и надеяться тоже не на кого». Это очередная фантазия. Ламбросу Кацонису в это время покровительствовали и поддерживали его: вице-адмирал Н.С. Мордвинов, вице адмирал Ф.Ф. Ушаков, генерал-аншеф А.В. Суворов, генерал-поручик И.А. Заборовский, генерал-майор В.С. Томара, генерал-аншеф Н.В. Репнин и многие другие. Но главное, всесторонне и объективно, с позиций интересов России и Греции, оценивала личность Ламброса Кацониса и боевую деятельность его флотилии Екатерина II, обладавшая всей полнотой положительной и особенно отрицательной информации о боевых действиях двух российских флотилий в Средиземноморье.

Даже, после мятежных действий Ламброса Кацониса, который не признал Ясский мирный договор и развернул вооруженную национально-освободительную борьбу за освобождение Греции от Османского иса, когда по дипломатическим каналам «потоком» стали поступать в Санкт-Петербурге многочисленные жалобы от Венецианских, турецких, французских и властей других стран Средиземноморья, Екатерина II не лишила его воинского чина, хотя всегда публично осуждала его действия. Однако, уже через два года после разгрома Ламброса Кацониса в его военной базе Порто-Кайо, императрица приняла решение простить «бунтовщика», скрывающегося от турецких, венецианских, да и русских властей. Разрешила ему с семьей вернуться в Россию, в Херсон, не придавать его суду военного трибунала.

Очередным свидетельством прощания было повеление императрицы выплатить Ламбросу Кацонису «за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской», чем были подтверждены его боевые заслуги, его должностное положение и чины. Следующим, подчеркнутым, публичным актом прощания явилось разрешение «мятежному полковнику» прибыть в столицу. Здесь, 20 сентября 1795 года, он был официально представлен на балу в Царском селе Екатерине II и она «изволила жаловать к руке приезжаго из города Херсона полковника Ламбро Качиони». Осуществлено все это было торжественно, в рамках этикета, на глазах двора императрицы, светской публики и дипломатического корпуса (№ 124. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. С.-Пб.: 1894, С. 750). Наряду с данным, публичным, вскоре последовало и официальное, письменное, т.е. окончательное прощание. В своем именном Рескрип-

те от 10 ноября 1795 года «Нашему полковнику Ламбро Качиони» Екатерина II дает следующую оценку его личности и деятельности: «Усердная Ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, коими Вы отличили в последнюю турецкую войну, – подчеркивает императрица, – сражаясь и разбивая морские неприятельские ополчения в Архипелаге, обратили наше внимание и милость» (№ 125. РГАВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 1073).

Таким образом, официальную, государственную оценку личности Ламброса Кацониса, его боевой деятельности, в интересах России и Греции, дала императрица Екатерина II, которую подтвердил и Павел I. И эта оценка исторической личности, данная ему свыше 200 лет тому назад, безоговорочно принята в России и Греции, прошла проверку времени, и соответствует современным оценкам греческой нации, сохраняется в исторической памяти греческого народа, культурной и научной общественности России. И никакие «новые документы» и исследования историков «новой формации» не в силах поколебать заслуженную славу и всенародный авторитет национального героя Греции – полковника и кавалера российского флота Ламброса Кацониса.

Общие выводы и заключения:

1. Героем своего народа человек становится в результате ярких патриотических, нередко жертвенных, общественно значимых героических деяний. Причем только тогда, когда совершенные им подвиги, делающие его подлинным героем в глазах большинства населения страны и остающиеся в исторической памяти народа, безоговорочно признаются обществом, властями страны, всей нацией. И происходит это не по воле, мнению и желанию какого-то политика, или историка-исследователя, обнаружившего те или иные «новые документы» в исторических архивах страны;

2. Предъявленные Галиной Гребениčkовой «новые документы» были давно известны, они всесторонне рассматривались, по ним принимались решения, в том числе и на самом высоком государственном уровне. Они давно находятся в научном обороте и конечно не могут внести что-то революционно новое в понимание давно прошедших исторических событий и роли в них, тех или иных личностей, а также изменить оценки, проверенные и устоявшиеся в веках, принятые всей нацией, вошедшие навечно в историческую память людей;

3. Удивительно, что изучив содержание документа, Галина Александровна зачастую додумывает дальнейший ход развития событий. Свои фантазии, затем активно и весьма категорично, выдает за историческую истину – «горькую правду» и весьма настойчиво рекомендует всем «достойно принять эту правду». Причем настаивает воспринимать данную «правду», только в ее понимании, формулировках и изложении. Письменно утверждая совершенно правильно, что «пре-

жде, чем делать свои выводы, важно собрать полную доказательную базу», Г. Гребеницкова в действительности же, как, например, в случае с Ламбросом Кацонисом, делает все наоборот.

4. Утверждение Гребеницковой, что позиции ее письма гражданину Греции П. Стаму, это «лишь часть информации, остальное изложено в моей монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II», заставляет всерьез задуматься об общей исторической достоверности данного 2-томного труда, о его действительной научной ценности. И не нуждается ли данная монография в серьезной и объективной научной экспертизе, в оценке коллег-историков, ведущих ныне борьбу с фальсификациями, искажениями истории нашего Отечества?

5. Галина Александровна, можно полагать, не допустила бы своих серьезных ошибок и промахов, если бы она всесторонне и глубоко знала обсуждаемую, «спорную» по ее мнению тему и историческую личность, ознакомилась, прежде чем выпускать в свет свой труд и давать интервью, с работами других исследователей, в том числе с монографией «Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов». (С.-Пб., 2011). Тогда, думается, у уважаемого доктора наук не было бы сегодняшнего международного конфуза. (Примечание: №№, в ссылке на источники, это порядковые №№ документов, приведенных в приложении книги Ю. Д. Пряхина).

6. В целом же, ответ Галины Александровны представителю греческой нации, гражданину Греции совершенно не убедителен, бездоказателен, во многом поверхностен, хотя весьма эмоционален и фанатичен в своей убежденности. Он поражает читателя необоснованной верой автора в свою абсолютную правоту и безгрешность, в правомерность сделанных ею необоснованных выводов и оскорбительных публичных заявлений.

Член КЕРИЕ, доктор исторических наук, профессор Ю.Д. Пряхин
25 марта 2013 года, Санкт-Петербург».

Свое отношение к высказываниям Г.А. Гребеницковой выразил и греческий журналист Никос Сидиропулос.

«Уважаемый Юрий Дмитриевич!

Хотелось бы понять «природу вещей» явной тенденциозности 2-го доктора ист. наук Г.А. Гребеницковой по отношению к национальному герою Греции Ламбросу Кацонису. Мне ли говорить уважаемой Галине Александровне об объективности, о системной работе с источниками, которые, архивы, находятся у нее «под рукой».

Такое неприличное количество в ее «изобличениях» Л. Кацониса нестыковок, «передергиваний» фактов, опор на недоброкачественный материал (источники), что поневоле напрашивается мысль о поставленной перед автором задаче – дискредитации всеми подручными средствами национального героя Греции, морского корсара Ламброса Кацо-

ниса. В чем причина явных эллинофобий госпожи Гребеницковой? Этот вопрос является предметом другого (по Фрейду?) исследования ...

Ламброс Кацонис, как и многие выдающиеся герои национально-освободительного движения греческого народа в борьбе против ненавистного турецкого ига, не был ангелом, добрым самаритянином, и этому имеются множество свидетельств в греческой историографии. Но то, что он являлся подлинным героем этой борьбы, патриотом двух наших православных отечеств, ни у меня, ни у всех добросовестных специалистов по разделу «Греческая нация и государство в 18 – 19 вв.», не вызывает никаких сомнений.

То, что главной задачей, делом всей его жизни являлась независимость греков, создание ими, родоначальниками европейской цивилизации, независимого Государства. Он не занимался такими постыдными деяниями, как «приватизация» чужой славы. Об этом говорят упрямо факты.

Он, Ламброс Кацонис, занял свое, заслуженное им, место в историческом пантеоне современной Греции, в истории братских единоверных уз между Грецией и Россией, и никому и, в том числе, историку Гребеницковой, не удастся запятнать его имя.

Госпожа Гребеницкова! Работайте добросовестно с источниками! Они у вас «под рукой».

Вам, Юрий Дмитриевич, от всей души моя, сотен просвещенных эллинов и филэллинов благодарность за вашу честную позицию. Мы не должны оставлять без внимания подобные факты очернения нашей истории.

Что сподвигло доктора исторических наук Г. Гребеницкову на такие «серийные» изобличения национального героя Греции Л. Кацониса?

С уважением, греческий журналист Никос Сидиропулос.

Москва 12 сентября 2013».

Ввиду множества отрицательных отзывов о своей книге, Г.А. Гребеницкова предприняла попытку найти поддержку в ИРИ РАН и, как представляется, составила от имени заведующего центром «Россия в международных отношениях», д.и.н. Г.А. Санина, письмо к председателю Санкт-Петербургского морского собрания, которое он и подписал. В ответ Ю.Д. Пряхин обратился к директору ИРИ РАН, д.и.н. Ю.А. Петрову.

«Директору Института российской истории Российской Академии Наук

Петрову Юрию Александровичу

Уважаемый Юрий Александрович!

С большим удивлением обнаружил на сайте «Мир моделей» (forum.modelsworld.ru/topic7196start210.html) документ, выложенный

на всеобщее обозрение, за подписью заведующего центром «Россия в международных отношениях». Это письмо к председателю Санкт-Петербургского морского собрания Н.В. Орлову и к его заместителю, содержащее ряд явных ошибок. Они могут служить дискредитации ИРИ РАН, втягиванию его не только в международный научный скандал, разгорающийся вокруг книги Г.А. Гребеницковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II» и ее публичных заявлений, искажающих историю, унижающих национального героя Греции.

Уже в начале письма, не соответствующего истине утверждение, будто бы, между мною и Г.А. Гребеницковой разгорелась полемика «по поводу боевых действий русского флота в Архипелаге в 1769 – 1774 гг.». На самом деле, речь идет о грубом искажении Г.А. Гребеницковой сложившихся оценок личности, деятельности и заслуг командующего «российской императорской флотилией» Ламброса Кацониса в ходе войны 1787 – 1791 гг. Считаю, что неуместен в письме призыв «не смешивать историческую науку и современную политику» применительно к случаю откровенной фальсификации исторической действительности, очерняющей образ национального героя Греции, что уже вызвало негативную реакцию в Греции. Наконец, крайнее сомнительно утверждение, будто «греческие ученые и общественность с пониманием относятся», в том числе и к оскорблениям героя нации. Уверяю Вас, что это не соответствует реальной действительности.

Большое удивление вызывает упоминание некоего «обсуждения» так называемой монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II» и утверждение, что «наблюдения и выводы» Г.А. Гребеницковой «не вызывают сомнений у коллег» из центра «Россия в международных отношениях». И это при том, что данная книга уже подверглась резкой, обоснованной критике специалистов, например, в рецензии ученого-историка А.А. Лебедева, опубликованной морским журналом «Гангут» в № 72 (2012 г.). Подобное утверждение г-на Г.А. Санина, при наличии большого количества фактических ошибок и неточностей в данной работе, в том числе и касающихся бывшего капера, а затем командующего российской императорской флотилией – вызывает недоумение. Ведь именно они и фантазии автора во многом и обусловили грубые искажения деятельности и заслуг Ламброса Кацониса и сформировали у нее убежденность, что герой Греческой нации – «бандит» (Т. 2, С. 379). Позиция д.и.н. Г.А. Санина, поставившего коллектив центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории в весьма неприятное положение, заставляет задуматься о знании им данной исторической темы, его научной принципиальности и ответственности.

Уважаемый Юрий Александрович! Для того, чтобы Вы лично во всем разобрались, высылаю Вам часть переписки по данному вопросу. С уважением!

*Капитан I ранга, доктор исторических наук, профессор Ю.Д. Пряхин
24 октября 2013 г.»*

О письме Г.А. Санина председателю Санкт-Петербургского морского собрания стало известно и греческим историкам. В связи с этим к директору ИРИ РАН обратился и генеральный секретарь КЕРИЕ Панос Стаму.

«Директору Института российской истории Российской Академии Наук

Петрову Юрию Александровичу

Уважаемый Юрий Александрович!

Некоторые греческие историки, в том числе и я, обнаружили в интернете письмо официального лица ИРИ господина Г.А. Санина к руководителям СПб морского собрания, которое вызвало наше удивление, непонимание и возмущение. Нас поразили неточности, ошибки в содержании письма, низкая компетентность д.и.н. Г.А. Санина в оценке деятельности и заслуг полковника Ламброса Кацониса перед Грецией и Россией, а также стремление, от имени ИРИ, поддержать оскорбительную позицию Г.А. Гребеницковой, искажающую историческую реальность, отвергающие оценки, данные Ламбросу Кацонису греческим народом, Екатериной II, Павлом I, многими историками прошлого и настоящего времени. Они изложены в многочисленных книгах и учебниках, в статьях энциклопедий и в других публикациях, посвященных герою греческой нации, заслуженному полковнику Российского флота. Их отменяет «доктор» Г.А. Гребеницкова.

Выставленное в интернете официальное письмо, несомненно, бросает тень на авторитет всемирно известной научной организации – Института российской истории, хотя мы понимаем, что это серьезная ошибка – безответственность лишь одного Вашего научного сотрудника-руководителя.

Данное письмо является сейчас предметом обсуждений в среде греческих и, видимо, российских историков, но, оскорбляющая греков дискуссия, может выплеснуться в средства массовой информации и в интернет.

Надеюсь, что Вы выскажете официально мнение ИРИ по данному вопросу, свое отношение к этому странному документу, которое вышло в свет от имени ИРИ. Ждем Ваш ответ на наше письмо.

Капитан I ранга, д-р истории Панайотис Стаму, генеральный секретарь Центра греко-российских исторических исследований (КЕРИЕ)».

Ни на одно из писем руководству ИРИ РАН ответа до настоящего времени не последовало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

ИСТОЧНИКИ

I. Архивные источники

Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

1. Ф. 150. Комиссия по делам Архипелагской флотилии в войну с Турцией (1789–1791, 1794–1798 гг.).
2. Ф. 197. Канцелярия князя Г.А. Потемкина-Таврического по управлению Черноморским флотом (1778–1801 гг.).
3. Ф. 212. Государственная Адмиралтейств-коллегия (1717–1827 гг.).

II. Опубликованные источники

1. Адмирал Ушаков: письма, записки. М., 2004.
2. Архив Государственного Совета: в 2 томах. Совет в царствование Екатерины II 1768–1796. СПб., 1869. Т. 1.
3. Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 1–2.
4. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 гг. М., 1997.
5. Материалы для истории русского флота. СПб., 1890–1895. Ч. 13–15.
6. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг. СПб., 1895.

ЛИТЕРАТУРА

Исследования, публикации

1. Арнс Е.[И.] История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1897.
2. Арш Г.Л. Российская флотилия Ламброса Качониса на Средиземном море, попытка освобождения Греции (1788 – 1792) // В интервью Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010
3. Арш Г.Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 годов // Новая и Новейшая история. 2010. № 6.
4. Боевая летопись русского флота. М., 1948.
5. Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006.
6. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М., 1998.
7. Брикнер А.Г. Потемкин. М., 1996.
8. Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000.
9. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007.
10. Гребенщикова Г.А. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2.
11. Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2012. Т. 1–2.
12. Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М., 2005.
13. Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота. XVIII век. СПб., 2003.
14. Качионе С.А. Пират-витязь // Исторический вестник. 1911. Октябрь.
15. Климовский С.Д. Корсар Ламбро Качони и русские крейсерские флотилии на Средиземном море (1788 – 1791) // Гангут. № 59. СПб., 2010.
16. Лебедев А.А. О книге Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II» // Гангут. № 72. СПб., 2012.
17. Лопатин В.С. Светлейший князь Потемкин. М., 2003.
18. Макушев В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1865. Июль-сентябрь. Кн. 3. М., 1865.

19. Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М., 2003.
20. Панайотис Николас Стаму. Офицер Ламброс Качонис и легкая российская флотилия в Средиземном море: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2009.
21. Панос Стаму. Ламброс Качонис. Афины, 2011.
22. Петров А.Н. Вторая Турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. 1–2.
23. Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов. СПб., 2011.
24. Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис в истории Греции и России. СПб., 2004.
25. Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Качонис (Качони) в боевой летописи флота России // Записки историко-филологического товарищества Андрея Белецкого. Вып. 1. Киев, 1997.
26. Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Качонис (Качони) в боевой летописи флота России: Греки в истории России. СПб., 1999.
27. Русские и советские моряки на Средиземном море. М., 1976.
28. Сацкий А.Г. Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология. 2006. № 6.
29. Скрицкий Н.В. Корсары России. М., 2007.
30. Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
31. Тарас А.Е. Сражения и кампании русского парусного флота (1696–1863 гг.) Минск, 2007.
32. Три века Российского флота. 1696–1996. Т. 1. / Под. ред. Н.Ф. Громова. СПб., 1996.
33. Широкопад А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. М., 2006.
34. Широкопад А.Б. Русские пираты. М., 2007.
35. Широкопад А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. М.; Минск, 2000.
36. Широкопад А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М., 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Кампания Ламброса Качониса 1788 года (в статусе капера)	7
Боевая кампания 1789 г. российской Императорской флотилии, под командованием майора (с 24 июля – подполковника) Ламброса Качониса	33
Боевая кампания 1790 года	64
Боевая кампания 1791 года, попытка освобождения Греции в 1792 году, жизнь и деятельность в послевоенный период	83
Приложения	97

Научное издание

**Афанасий Гертсос,
Иоаннис Николопулос,
Юрий Дмитриевич Пряхин**

**РАДИ
УСТАНОВЛЕНИЯ
ИСТИНЫ**

**О некоторых аспектах книги
Г.А. Гребенщиковой
«Черноморский флот
в период правления
Екатерины II»**

Подписано в печать 13.09.2013. Формат 84×108^{1/32}.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 15,12, илл. 0,84.
Изд. № 454. Тираж 300 экз. Заказ № 324.